

Андрей Безруков Андрей Сушенцов
Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего

РОССИЯ vs. ЗАПАД: вчера, сегодня, завтра

РОССИЯ И МИР В 2020 году

Контуры тревожного будущего

Геополитический прогноз

«Россия и мир в 2020 году: Контуры тревожного будущего»: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79987-9

Аннотация

Новейшее исследование ведущих российских политологов говорит о том, что России к 2020 году предстоит пройти крутой поворот истории, но будущее – в ее собственных руках. Правильные решения способны вывести страну на ведущие мировые позиции, ошибки способны на десятилетия затормозить этот прогресс.

Геополитический прогноз «Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего» описывает основные тенденции, формирующие облик мира и место России в нем. Книга отвечает на 16 главных вопросов современного мирового развития, определяет возможные сценарии для России и выводит прогноз наилучшего будущего для нее.

Издание подготовлено аналитическим агентством «Внешняя политика». В подготовке исследования также приняли участие приглашенные эксперты из МГИМО (У) МИД России, НИУ ВШЭ, ИМЭМО РАН и ИСК РАН.

Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего

© Безруков А.О., Сушенцов А.А., ред. – сост., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Введение Сценарии тревожного будущего

Безруков Андрей Олегович – советник президента компании «Роснефть», доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России. Магистр государственного управления, выпускник школы имени Дж. Кеннеди Гарвардского университета. Полковник разведки в отставке. В США руководил консалтинговой компанией в сфере стратегического планирования. Его публикации посвящены проблемам стратегического прогнозирования, новых форм конфликтов, внешней политики США.

Мы живем в удивительный, переломный период времени. Это время неопределенностей, время перемен, время движения. После турбулентных 1980 - х и кризисных 1990 - х нам казалось, что Россия наконец прошла зону штормов и теперь ее ждет если не совсем спокойное, то все-таки предсказуемое плавание.

Однако борьба России за свое место в мире еще не закончилась. Незавершенность нашего пути – это следствие места России между цивилизациями Европы, ислама и Востока. И если наша цивилизационная граница на востоке понятна, на западе и юге она находится в постоянном движении. И Запад, и Юг всегда пытались расширить зоны своего влияния за счет России. В течение последних двадцати лет, истощенная «холодной войной», наша страна, наша цивилизация отступала. В 2014 году она прекратила отступать. Но Запад не остановился. В результате столкновения раскололась Украина, льется кровь на Донбассе.

Именно в это время нам особенно хочется понять, куда идут мир и наша страна. Что стоит за сегодняшним кризисом? Когда начнется экономический рост? Что будет с ценами на нефть? Как долго продлится столкновение России и Запада? Затронет ли кризис Китай? Что произойдет с Европой? Сохранится ли мир на Кавказе?

Для миллионов наших сограждан ответы на эти вопросы имеют не только философское, но и огромное практическое значение.

Цель этой книги – заглянуть в наше ближайшее будущее, в мир 2020 года

Пять лет – это много или мало? Это зависит от того, как быстро движется история. А она движется скачками. В кризисные времена она просто летит, сплетая события в тесный клубок. Вспомните, с чего мы начали прошлый, 2014 год и чем его закончили!

Ускорение исторического времени зависит от нарастания потока информации, от наполненности времени критически важными событиями, которые меняют наше представление о мире, заставляют нас принимать решения, адаптироваться к новой ситуации.

Войны, будучи наполненными такими событиями, приносят гигантское ускорение истории, а Россия де-факто находится в ситуации войны за свое существование как суверенная, независимая держава. Вполне возможно, что через пять лет Россию будет не узнать. Украину тоже будет не узнать. А может быть, и всю Европу.

Вспомните, как изменилась Россия за пять лет сто лет назад – с 1915 по 1920 год. Это были практически разные страны совсем в другом мире. В мире, который сам не мог понять, что и почему с ним произошло. Могут ли нас ждать перемены подобного масштаба?

Способны ли мы понять будущее?

Если наша цель – предсказать, что и как произойдет, то это невозможно. Наша задача не предугадать завтрашний мир, а предупредить читателя о том, что возможно. Помочь ему заглянуть в 2020 год, примерить его на себя, увидев несколько картинок вероятного грядущего.

Конечно же, жизнь сложнее всех наших представлений о ней. Однако любое будущее состоит из возможного и невозможного. Убрав второе, мы можем увидеть контуры первого.

Каким же образом мы можем определить рамки возможного?

Во-первых, подавляющее большинство событий международной жизни не случайно. Они предопределены тенденциями экономического и технологического развития, политическими и социально-культурными процессами. Поняв, какие процессы формируют завтрашнюю международную обстановку, мы сможем в общих чертах увидеть, что нас ждет. Многие демографические и экономические тенденции имеют долгосрочный характер и хорошо поддаются экстраполяции, особенно в пределах относительно короткого пятилетнего периода.

Во-вторых, географическое положение также диктует определенные рамки поведения. Страны не вольны выбирать своих соседей, переставлять местами моря и горы. Народы не могут отказаться от своей культуры, истории и религии. Конфликты за ресурсы и влияние продолжаются веками. Поведение в прошлом формирует поведение в будущем.

В-третьих, история повторяется. Уинстон Черчилль был не первым, кто заметил, что «чем дальше ты заглянешь в историю, тем дальше ты увидишь будущее». Логика многих процессов циклична. За урожаями идут неурожаи, империи возникают и разваливаются, левые сменяют у власти правых.

Наша методология прогноза опирается на выявление ряда ключевых трендов, формирующих международную среду и их последующую экстраполяцию таким образом, что один из вариантов предполагает ускорение тренда, а второй – его замедление. Другими словами, мы определяем «вилку возможностей» для развития ситуации.

На картинку будущего, образованную трендами, накладываются события, предопределенные логикой международной жизни и внутренних процессов в государствах. Стареющие лидеры не останутся навечно, избирательный цикл повторяется каждые четыре-пять лет, а начатые переговоры в любом случае кончатся результатом – позитивным или негативным. Каждый раз мы можем выделить несколько наиболее ожидаемых важных, поворотных событий и отслеживать их уменьшающуюся или увеличивающуюся вероятность. Выбрав несколько таких определяющих событий, мы можем построить картинку того, как изменится международная обстановка.

Такие картинки будущего называются сценариями. Это истории из будущего. Для нас они важны не тем, как близко мы сможем подойти к будущей реальности, а тем, насколько они смогут помочь читателю оторваться от сегодняшних априори и увидеть мир другими глазами – глазами 2020 года. Если, увидев будущий мир и будущую Россию, читатель задумается над тем, стоит ли поступать так, как он планировал ранее, – задача сценариев достигнута.

Однако, как хорошо бы мы ни планировали, жизнь каждый день преподносит сюрпризы. Люди совершают ошибки. Революции неожиданно сметают правительства. Никто не мог предвидеть научные открытия, которые кардинально изменили мир. Вулканы и вирусы не просят разрешений. Только прошлый год принес несколько больших сюрпризов, таких как Крым, «Эбола» и ИГИЛ. Нам останется только надеяться, что сюрпризы перевернут не все наши прогнозы.

Нет смысла пытаться предугадать, каким именно образом развернутся события. Главное – уловить их направление и суть, чтобы лучше подготовиться к жизни в будущем мире. Иначе будущее застанет нас врасплох.

Итак, куда же движется современный мир?

По нашему мнению, современную международную ситуацию можно представить как наслоение проблем, свидетельствующих о смене парадигмы глобального развития. Речь идет о прогрессирующем распаде системы экономических и политических взаимоотношений, созданной Соединенными Штатами и их союзниками после Второй мировой войны. Мир вырос и изменился, ломая засохшую скорлупу системы концептуальных постулатов и международных институтов, которые лежали в ее основе.

На фоне атрофии этой системы **происходят глубокие изменения в структуре мировой экономики, связанные с исчерпанием потенциала роста на базе нынешнего технологического цикла и зарождением нового уклада.** Мы разделяем точку зрения, что современный технолого-экономический цикл, в котором богатство наиболее эффективно создавалось в секторах, связанных с информационными технологиями, фармацевтикой и энергетикой, постепенно уступает место новому, в котором наиболее востребованными станут технологии биоинженерии и «умных» информационных сетей. Однако в то время, как ведущие отрасли мировой экономики замедляют свой рост, новые еще не способны стать основными генераторами доходов. В результате бизнесы, правительства и рядовые граждане обречены на конфликт из-за дележа пирога, который не только не растет так быстро, как хотелось бы, а кое-где даже и сокращается.

Как результат этих двух основных проблем международная система столкнулась с целым набором кризисов различной природы, глубины и интенсивности. Не претендуя на полноту, посмотрим на основные факторы, которые дестабилизируют как внутривнутриполитическую ситуацию в подавляющем большинстве стран, так и глобальную ситуацию в целом.

Усиливается институциональный и политический кризис атлантизма как системы, претендующей на управление все более «неатлантическим» миром. Всеобъемлющая глобализация и эмансипация привели к тому, что состав руководства ключевых международных организаций, задающих правила игры в сферах экономики и безопасности – Мирового банка, МВФ, Совета Безопасности ООН, – все менее и менее отражает соотношение реальных сил. Все больший вес набирают независимые региональные игроки – Иран, Турция, Индия, Бразилия, ЮАР и другие. Как следствие борьбы за передел экономического и политического влияния, растет международная напряженность. В результате американских попыток сохранить свое глобальное доминирование и контроль над периферией соперников обостряется противостояние США с Китаем и Россией.

Идет эрозия глобального правового порядка, ослабление или намеренный подрыв суверенитета государств. Усиливаются попытки США навязать миру

экстратерриториальность своей полицейской и судебной системы. Под сомнение поставлен принцип незыблемости границ. Как следствие, растет число непризнанных государств. Углубление противоречий между ведущими мировыми силами парализует систему ООН.

На базе региональной экономической консолидации ускоряется регионализация международных отношений. Как следствие все более активной роли глобальных корпораций, общественных организаций и отдельных граждан в условиях глобального информационного поля, международные отношения приобретают многомерность.

На наших глазах разворачивается кризис идентичности цивилизаций, ищущих свои новые роли в изменившемся мире. **Обостряется борьба за национальную и религиозную идентичность и самоопределение, за передел границ по национальному и религиозному принципу.** Растет число конфликтов под этническими и религиозными лозунгами. Европа оказалась в тупике светской толерантности. Православие ищет свою миссию. В США консервативные протестантские движения перекроили Республиканскую партию. И Иран, и Турция, и радикалы ИГИЛ претендуют на то, чтобы определять дальнейший путь ислама. Передним краем религиозных столкновений становится Африка.

Очевиден кризис глобальной модели развития. Экономический рост замедляется как результат исчерпания потенциала прежнего технологического цикла. Экономика и поведение людей изменились, но новая модель устойчивого роста пока не найдена. Коммунизм вышел из конкурентной борьбы за умы. Азиатская «экспортная» модель, в китайском или ином варианте, вряд ли продержится еще одно поколение. Либеральная модель «вашингтонского консенсуса» работает только в США, и то пока печатаются деньги. **По мере того как экономический центр мира опять сдвигается на восток, размывается влияние американской экономической системы, теряют вес ее основные элементы – доллар, контроль над мировыми финансами, лидерство в сферах технологии и образования.**

С ростом конкуренции между США, Евросоюзом, Китаем, Японией и другими экономическими центрами **обостряется борьба за контроль над рынками сбыта и важнейшими ресурсами – человеческим потенциалом, энергоносителями, чистой водой, пригодной для сельского хозяйства земель, благоприятной средой для бизнеса.** Соединенные Штаты, формируя трансатлантическое и транстихоокеанское партнерства, берут курс на отход от универсального режима торговли, на передел экономических связей «под себя», на выдавливание своих конкурентов, прежде всего Китая.

Как результат экономического кризиса быстро растет социальное неравенство. В ведущих индустриальных странах дети уже живут хуже их родителей. **Растут социальный пессимизм и социальная напряженность, углубляется конфликт между правительствами и их гражданами по поводу распределения сокращающихся доходов.** В то время как люди требуют справедливости, государства пытаются организовать тотальный контроль над своими гражданами, особенно над их финансами. В ближайшей перспективе мы увидим сначала спорадическое, а затем и организованное движение протеста против засилья «большого брата». Джулиан Ассанж и Эдвард Сноуден – только первые ласточки.

На фоне роста социальной напряженности очевиден кризис идеологий. **Перед нами «глобальный диалог глухих» – в то время как основная масса населения мира требует справедливости, «золотой миллиард» продолжает навязывать концепцию индивидуальной свободы,** которая все больше очищается от ответственности и превращается во вседозволенность, в желание «быть Чарли» независимо от последствий. Политический центр, атрибут сильного «среднего класса», размывается, радикалы и популисты-демагоги завоевывают медийное поле. В то же время через несколько лет на арену выйдет совсем новое поколение, чья сознательная жизнь началась в Фейсбуке. Трудно предугадать, как они повлияют на политику.

Если «низы не хотят», то «верхи» Запада пока что «плывут по течению» – налицо явный кризис лидерства. **В Европе бюрократы, приведенные к власти системой,**

построенной в «тучные годы», продолжают прятаться от решений, которые неизбежно принесут боль. Американские политические элиты заняты взаимными разборками; внешнеполитическая бюрократия США – на автопилоте, который не переключался со времени «холодной войны». Как бы ни суетилась «Большая семерка», но реальная внутривластная и внешнеполитическая инициатива принадлежит лидерам «остального мира» – Моди, Си Цзиньпину, Эрдогану, Путину, Руссефф, Видодо.

Проблема мирового сообщества заключается не столько в остроте каждого из кризисов, сколько в том, что они носят глобальный характер и, наслаиваясь друг на друга, создают ситуацию, которая выходит далеко за рамки возможностей и компетенции национальных правительств. Власти каждой из стран, принимая решения в соответствии с пониманием своих интересов, зачастую усугубляют положение своих соседей. Борьба за влияние между странами и блоками, слабость и ангажированность международных институтов, да и новизна многих проблем не позволяют выработать эффективные ответы на все более остро стоящие вызовы.

Каждый кризис порождает большое число неудовлетворенных, часто озлобленных людей. Необходимым образом эти люди, считающие себя жертвами тех, кто правит, соберутся вместе. Это могут быть мелкие группы и отдельные протесты. Это могут быть большие организации, у которых найдутся талантливые лидеры. Так было всегда. Так будет и на этот раз.

Альтернативные сценарии будущего

Для наглядности нашего прогноза мы хотели бы предложить читателю две-три альтернативные картинки 2020 года, сделанные на основе предполагаемых событий в ключевых сферах и регионах. Сами альтернативы можно сформулировать как ответы на ряд вопросов, отражающих, в несколько упрощенном виде, главные неопределенности сегодняшней международной среды.

• Выйдет ли глобальная экономика на путь устойчивого роста или она будет продолжать топтаться на месте?

• Останется ли Евросоюз политически аморфной, экономически противоречивой группой под политическим влиянием США или он консолидируется в более компактную организацию с общей экономической политикой и собственным голосом на международной арене?

• Сможет ли Украина построить жизнеспособное государство в новых границах или ее ждет развал на зоны влияния и продолжение гражданской войны?

• Выберут ли США курс на создание нового баланса сил с учетом изменившихся реалий или они будут продолжать политику подавления своих конкурентов силой?

• Станет ли Восточная Европа вооруженным «санитарным кордоном» против России или мостом между Европейским и Евразийским союзами?

• Удастся ли Китаю найти экономическое, внутривластное и геостратегическое равновесие в условиях замедления темпов развития или страну ждет период внутренней и региональной нестабильности?

• Пойдет ли исламский мир по пути все большей дестабилизации или он найдет формулу, которая приведет его к стабилизации и возрождению?

• Спровоцируют ли Россию на военные действия на периферии своих границ или ей удастся сохранить мир?

• Охватит ли Евразийская зона свободной торговли пять или целый десяток стран, включая Турцию, Иран, Азербайджан, Украину и страны Центральной Азии?

• Останутся ли у власти левые режимы в Латинской Америке?

• Обретут ли реальную силу БРИКС и Шанхайская Организация Сотрудничества?

• Станут ли реальностью трансатлантическое и транстихоокеанское партнерства?

• Смогут ли Китай и США сохранить стабильность во взаимоотношениях, несмотря

на неизбежное изменение в соотношении сил?

- Перенесет ли США военное противостояние в космос и Интернет?
- Останется ли Арктика зоной мирного развития или она станет ареной политической и военной конкуренции?

Ответив на эти вопросы, можно собрать много картинок 2020 года, но для наглядности взглянем на две самые контрастные. Начнем со сценария, более или менее благополучного для России.

К 2020 году мировая экономика постепенно набирает темп. Сначала США, а потом и Европа оставляют позади десятилетие долгового кризиса. Китайские темпы роста уже не те, что пять, а тем более десять лет назад, но это не приводит к экономическому коллапсу и социальному взрыву. Даже цена на нефть постепенно возвращается в комфортную для большинства стран зону вокруг 90 долларов за баррель.

Новая, республиканская, администрация США решила снизить градус конфронтации с Россией. О разрядке говорить пока рано, но политический диалог начался. В отсутствие перспектив «горячей войны» в Европе Пентагон вновь заговорил об американской уязвимости в Азии и в киберпространстве.

Восточная Европа более не пестрит «заявлениями о неизбежной российской агрессии». Перед правительством Украины стоит тяжелейшая задача возрождения экономики и социальной ткани общества, потрясенного войной, как и выстраивания новых отношений с соседями. Но худшее уже позади.

Потепление в отношениях позволило европейским странам отменить большинство санкций, введенных против России. Опять заговорили о «европейском доме от Лиссабона до Владивостока». Российская экономика и рубль постепенно возвращаются к состоянию, в котором они были до начала украинских событий, однако атмосфера кризиса еще ощутима.

Выборы в Германии и Франции привели к власти новые команды, которые позволили поставить вопрос о реформе Евросоюза. В рамках недавно подписанного трансатлантического партнерства у европейских стран нет другого выхода, кроме срочного повышения своей конкурентоспособности. Однако учленов Евросоюза существуют диаметрально противоположные мнения о том, как ее достичь. На повестке дня деление стран на «ядро», готовое к более глубокой, в том числе политической интеграции, и всех остальных, не готовых делиться суверенитетом. Франция колеблется, раздираемая дебатами между «европейцами» и «националистами», но склоняется ко входу в «ядро». Германия, несмотря на раздражение всех остальных, должна сказать последнее слово.

Несмотря на сложные межгосударственные отношения, государства Закавказья сумели найти возможность укрепить региональную транспортную инфраструктуру, которая позволяет им воспользоваться плодами растущих торговых связей в треугольнике Турция – Иран – Россия. Идут консультации об ассоциации этих стран с Евразийским экономическим союзом.

Центральная Азия прошла через болезненный процесс смены национальных лидеров, однако отдельные акты межэтнического насилия и терроризма не привели к региональному взрыву, частично из-за успешной работы структур ОДКБ и ШОС, частично из-за улучшения экономической конъюнктуры, в которой инфраструктурные проекты, оплаченные Китаем, сыграли важную роль.

Хотя будущее границ на пространстве между Средиземным морем и Персидским заливом не вполне ясно, война радикальных исламских группировок в Сирии, Ираке и Иордании выдохлась. Радикалы ушли в подполье. Немалую роль в этом сыграл Иран, который после урегулирования ядерного вопроса взял на себя роль гаранта региональной стабильности. Однако беспокойство вызывает судьба Саудовской Аравии, где процесс смены поколений в королевской семье пришелся на момент, когда региональное влияние

страны поставлено под вопрос.

АСЕАН продолжает свой путь региональной интеграции. Хотя территориальные споры вокруг островов Южно-Китайского моря никуда не делась, основные региональные игроки – Индия, Вьетнам, Индонезия – пока фокусируются на внутренних проблемах роста. Основная игра идет вокруг конкурирующих предложений по конфигурации будущего тихоокеанского режима свободной торговли. Япония делает шаги к более активной роли в регионе и к диалогу с Китаем и Россией – но пока осторожно.

В Латинской Америке Бразилия еще более закрепила за собой статус лидера. Все более привлекает внимание инвесторов Мексика. По всему континенту чувствуется растущее влияние Китая. Оно особенно заметно в Никарагуа, Венесуэле и Кубе, где проекты межконтинентального канала, добычи тяжелой нефти в бассейне Ориноко и новый портовый комплекс в Мариэле начинают серьезно менять динамику развития региона. Вслед за американским бизнесом американская администрация, подыгрывая растущему влиянию «латинос», начинает реально задумываться о своей долгосрочной политике на южном направлении.

В турбулентный период 2014–2016 годов БРИКС показал себя как фактор стабильности и разума в мировой политике. В организацию просятся все более самостоятельная Индонезия и вышедший из-под санкций Иран. Рост цен на нефть и снятие санкций с России вновь вывели тему арктического сотрудничества на первые полосы газет.

Однако ничто не обещает, что гроза обойдет нашу страну стороной, а мир обойдется без серьезных потрясений. Худшая альтернатива для России могла бы выглядеть примерно так...

2020 год мировая экономика встречает в болезненном состоянии. Американский экономический подъем, на который возлагали столько надежд, не только не привел к чувствительному глобальному ускорению, но и сам существенно замедлился. Политика Европейского Центрального банка обогатила банкиров, но не решила главных проблем европейской экономики. Более того, отдав инициативу центральным банкам стран ЕС, ЕЦБ, с немецкой подачи, открыл двери процессу дезинтеграции. На фоне проблемной мировой конъюнктуры экономика Китая дала первый реальный сбой, на который руководство страны ответило резким «закручиванием гаек», а население – переводом денег за рубеж всеми возможными средствами. Нефть, несмотря на военные действия в нескольких регионах мира, так и не поднялась выше 70 долларов за баррель. ОПЕК практически перестала быть эффективной организацией.

Новая, республиканская, администрация США сделала ставку на выход из кризиса через рост военных расходов, благо это позволяет одновременно перекроить ситуацию в ключевых регионах в свою пользу. В Европе это выразилось в создании в Восточной Европе военного блока стран от Балтики до Черного моря, который отрезал Россию от Западной Европы. Евросоюз практически парализован как экономическая и политическая организация. Переговоры о создании трансатлантического партнерства близки к завершению, но против соглашения выступают как правые, так и левые радикалы, которые в нескольких странах уже находятся в одном шаге от власти.

«Горячая война» на Донбассе выдохлась, однако ключевые вопросы так и не решены. Националисты, контролирующие власть в Киеве, просятся в созданный американцами Восточноевропейский военный блок и, чтобы отвлечь внимание от экономического коллапса, нагнетают напряженность вокруг Крыма.

С российского Северного Кавказа постоянно идут сводки о терактах и боестолкновениях. Более того, с угрожающей частотой приходят сводки о взрывах в глубине России, в том числе и в столице. ФСБ, ссылаясь на войну, «развязанную ЦРУ против России», периодически демонстрирует по телевидению пойманных иностранных «джихадистов», причем, не только из исламских стран.

Сама Россия, фактически отрезанная от мировой экономической системы,

налаживает новую экономику, где государство играет роль ведущего инвестора и жесткого регулятора. Несмотря на начавшийся рост производства, инфляция не дает расти уровню реальных доходов.

Южнее армии Грузии и Азербайджана спешно перевооружаются, впрочем, как и Армения. Война буквально «висит в воздухе». А в Центральной Азии она уже идет. Во всем регионе только Казахстан сохранил стабильность после смены лидера. Ферганская долина опять вернулась к тому состоянию, в котором она была в переходную эпоху 1990-х. В Таджикистане и Киргизстане силы ОДКБ, в основном российские, контролируют крупные центры и лагеря беженцев, но есть ли у кого-то реальный контроль над остальной территорией, не всегда понятно, точно так же, как и в Афганистане.

Еще сложнее обстоят дела в арабском мире. Появление на сцене ИГИЛ и дестабилизация Сирии и Ирака практически упразднили границы в регионе. Администрация Обамы, приняв решение об эскалации конфликта с Россией и не завися от ближневосточной нефти, оставила решать проблему ИГИЛ самим государствам региона, цинично пообещав «поддерживать их материально», разумеется, не бесплатно. У европейских союзников, особенно Франции, свои проблемы с исламскими радикалами, только теперь уже у себя дома. В этих условиях Турция и Иран сделали то, что им оставалось сделать, – двинулись на юг наводить порядок. Для прессы – «руками курдов и иракцев». В результате саудовцы не только оказались нос к носу с частями стражей исламской революции, но и получили в нагрузку на своих границах боевиков. Борьба за наследство между принцами никак не упрощает ни ситуацию в королевстве, ни договороспособность ОПЕК.

Республиканская администрация США отреагировала на возросшую внутреннюю напряженность в Китае активизацией своих союзников на китайской периферии под предлогом сдерживания «роста китайской агрессивности». Япония открыто перевооружается. И не только Япония. Практически все страны региона – Южная Корея, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Вьетнам, Филиппины, а также Индия и Австралия – живут в ожидании неминуемого азиатского конфликта.

Для Латинской Америки последние пять лет были непростыми. Замедление экономик континента резко обострило внутривнутриполитическую ситуацию в странах, которые и при хорошей конъюнктуре не отличались стабильностью. В Венесуэле чависты были вынуждены уйти в оппозицию. Обострилась ситуация на Кубе. В Бразилии и Аргентине произошел явный сдвиг вправо.

Падение интереса со стороны Бразилии, конфликты вокруг России, проблемы в Китае и внутренний фокус Индии привели к тому, что БРИКС за пять лет почти не добился прогресса. На фоне конкурирующих заявок на контроль шельфовых зон сотрудничество стран Арктического совета тоже оказалось «замороженным».

Не склонный к эмоциональным заявлениям, бывший Государственный секретарь Соединенных Штатов Колин Пауэл назвал грядущие несколько лет «революционными». Но неизбежен ли революционный скачок? Взорвется ли мир новым вооруженным конфликтом под тяжестью своих противоречий? Признавая наличие многих условий для революционного сценария, нам инстинктивно хочется верить, что нет. Однако это противоречит всему историческому опыту. Такие глубокие перемены в раскладе сил на международной арене редко разрешались без вооруженного конфликта. Никто не хочет рисковать войной. Но этого не хотели и в 1914 году. Просто логика публичного конфликта ставит политиков в ситуации, из которых они не видят другого выхода. Даже если наличие ядерного оружия лучше, чем когда-либо, удерживает крупнейшие державы от авантюры, противники не перестанут искать способы решить споры и свести счеты всеми доступными средствами – прямо или опосредованно.

Неудивительно, что последним словом стала война теми средствами, которые доступны, а по-простому – война всеми доступными средствами – «многомерная» война.

В ход идет новый арсенал информационных, политических, финансовых, экономических и других мер удушения противника, пусть не таких громких, но столь же разрушительных. Как говорят, если просто бросить лягушку в кипяток, она из него выпрыгнет. А если посадить ее в воду и постепенно поднимать температуру, то она сварится. Расчет идет на то, что лягушка – в данном случае Россия – этого вовремя не поймет.

Россия в центре мирового урагана

Замедление экономического роста в Европе и Китае и соответствующее падение цен на ряд ресурсов, прежде всего на энергоносители, сильно ударили по российской экономике. Политически Россия приняла на себя удар всей атлантической группировки во главе с США, рассчитывающих санкциями, изоляцией и давлением загнать Россию на место, определенное для нее Западом. В России и ее ближайшем окружении, как нигде, очевидны взаимовлияние и конкуренция культур, религий и цивилизаций, которые ставят под вопрос существующие границы.

Россия еще полностью не почувствовала последствий стагнации, санкций и обвала цен на нефть. Даже если правительство будет способно выполнять свои бюджетные обязательства, удар инфляции и трудности с финансированием основной массы бизнеса скоро станут тяжелой реальностью. Нет сомнения, что будет еще хуже, перед тем как станет лучше.

В этой ситуации страна не может просто плыть по течению, принимая все новые удары. Однако выработку перспективной российской политики затрудняют внутривнутриполитические разногласия. Обнажаются противоречия между интересами сформировавшейся к началу 2000-х экономической элиты, вышедшей из экспортно-сырьевой модели экономики, и интересами долгосрочного развития страны как самостоятельной индустриальной державы.

Постепенно набирают политический вес силы, осознающие национальный интерес бизнеса и общества в целом в ускоренной реиндустриализации России. Идет борьба за влияние на государственные рычаги между группами элит, ориентированными на «либерально-финансовую» и «индустриально-государственную» модели развития.

Открытый конфликт с Западом, особенно тот факт, что экономическая война против России остро поставила вопрос о диверсификации экономики и экономическом суверенитете, серьезно обострила этот конфликт и вывела его из кулуаров в сугубо практическую, политическую, медийную плоскость.

Перед страной стоит выбор пути дальнейшего развития. В перспективе до 2020 года можно ожидать окончательного формирования национальной бизнес-элиты с самосознанием, основанным на современных конкурентных реалиях России, и постепенный уход поколений, чьи идеи и интересы были результатом опыта советского или переходного периода. Можно сказать, что траектория развития России и ее успех будут зависеть от способности российских элит осознать глубину и революционность необходимых перемен, правильно определить факторы успеха страны в новом мире и мобилизовать потенциал всего народа.

Россия была хорошим учеником в международной школе поведения по ялтинским правилам, даже если в этой школе у нее не было друзей. Ялта признала за игроками наличие сфер жизненных интересов и согласовала соответствующие правила игры. Однако всему приходит конец: нельзя нарушать дух закона, одновременно требуя исполнения его буквы. Символично, что эпоха, начавшаяся в Крыму, в Крыму и закончилась.

Пока не будут опубликованы мемуары нынешних западных лидеров, не будет до конца понятно, является ли наступление на Россию лишь попыткой преподнести ей урок послушания, который по инерции зашел слишком далеко, или это действительно последняя отчаянная попытка предотвратить «бунт на корабле», попытаться изо всех сил удержать мировую систему от выхода из-под западного контроля.

У нас есть ощущение того, что точка невозврата в отношениях Запада со всем остальным миром уже пройдена. Никто более не сможет заставить такие страны, как Индия или Бразилия, пренебречь своими национальными интересами. Вместе Китай и Россия, даже ослабленные кризисом, неуязвимы для США. Чем больше усилий США и НАТО прилагают для изоляции и демонизации России, тем более очевидны пределы их влияния.

Так или иначе, если Россия устоит до 2020 года, если все попытки ее противников не приведут к экономическому коллапсу, хаосу и распаду страны, то можно будет с уверенностью сказать, что доминированию Запада пришел конец. Это значит, что международные отношения официально вступят в новую эру. И наша страна вступит в новую эру. Следующие пять лет будут переломными и судьбоносными – как для мира, так и для России.

Глава 1

Россия и Запад: центральный конфликт?

Маркедонов Сергей Мирославович – политолог, кандидат исторических наук (1999). Ведущий аналитик агентства «Внешняя политика», доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ, колумнист журнала «Профиль». Его публикации посвящены этнополитическим конфликтам, проблемам национализма, сепаратизма, де-факто государств постсоветского пространства, а также вопросам взаимоотношений России и Запада в Евразии. Автор книг «Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства» (2012), «Турбулентная Евразия» (2010), «Этнонациональный и религиозный фактор в общественно-политических процессах Кавказского региона» (2005). Украинский политический кризис стал самым серьезным и опасным вызовом для европейской безопасности после распада Югославии и серии этнополитических конфликтов на Балканах. Он вызвал к жизни самое глубокое противостояние между Россией, США и Европейским союзом за весь период после окончания «холодной войны», роспуска Организации Варшавского договора и распада Советского Союза, одного из полюсов биполярного мира.

Расхождения между Москвой с одной стороны, Вашингтоном и Брюсселем – с другой существовали и ранее. Самым ярким примером такого рода стала «пятидневная война» 2008 года в Закавказье, когда попытки грузинских властей разгромить инфраструктуру непризнанной республики Южной Осетии и выдвинуть Россию из процесса мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта привели к открытому вмешательству Вооруженных сил РФ. Однако нынешняя конфронтация происходит на фоне осознания Москвой краха попыток постсоветской России интегрироваться в западный мир с сохранением своей «особой позиции» по ряду вопросов – в первую очередь безопасности своего «ближнего соседства».

Начиная с марта 2014 года США заморозили инвестиционное и военное сотрудничество с Россией, а также на неопределенный срок перенесли конференции и переговоры в двустороннем формате. Доминирующим форматом общения высших представителей двух стран стал телефон. По справедливому замечанию министра иностранных дел России Сергея Лаврова, «иногда нам кажется, что нас слышат». В то же время нет оснований говорить о том, что Вашингтон готов прислушиваться к аргументам Москвы. Практически единственной за весь 2014 год совместной инициативой Москвы и Вашингтона (с участием также представителей Брюсселя и Киева) стало Женевское заявление от 17 апреля по деэскалации конфликта на юго-востоке Украины, принятое вскоре после начала так называемой «антитеррористической операции» (АТО). Однако практической реализации эта инициатива не имела и была сорвана после разрастания противостояния вокруг Славянска.

В сентябре 2014 года был опубликован список предприятий, попадающих под новую волну санкций со стороны США. Они затронули прежде всего «Газпром» и ряд оборонных

предприятий. Американский президент Барак Обама 18 декабря подписал принятый конгрессом «Акт в поддержку Украины», позволяющий ему принимать решения о введении дополнительных ограничительных мер в отношении России, а также оказывать военную помощь Украине, а еще через день были введены дополнительные санкции в отношении Крыма.

Как показали события прошлого года, дипломатические форматы без участия США (так называемая «норманнская четверка» в составе РФ, Германии, Франции и Украины и «минский процесс» с вовлечением в переговоры представителей двух непризнанных республик Донбасса и украинского экс-президента Леонида Кучмы) не стали сколько-нибудь эффективными, поскольку не включали в себя США. Во многом именно от диалога между Вашингтоном и Москвой зависит не только успешное разрешение украинского кризиса, но и повышение качества всей европейской безопасности.

Впрочем, одними только российско-американскими отношениями противостояние РФ и Запада не ограничивается. С марта 2014 года НАТО приостановило проведение гражданских и военных встреч с российскими представителями и планирование совместных учений. Находясь 7 августа 2014 года в Киеве, тогдашний генсек альянса Андерс Фон Расмуссен заявил, что Североатлантический блок прекращает сотрудничество с РФ. И Россия, и Запад обменялись друг против друга экономическими санкциями. И хотя 5 сентября 2014 года в Минске был подписан протокол о прекращении огня и обмене заложниками, а в течение всей последующей недели ЕС и США не высказывали заметных претензий в адрес Москвы, 12 сентября вступили в силу новые ограничения против России со стороны Евросоюза. Так, ЕС запретил организацию долгового финансирования для трех топливно-энергетических компаний России – «Роснефти», «Транснефти», «Газпромнефти». Брюссель также ввел запрет на торги облигациями этих компаний со сроком обращения свыше 30 дней и участие в организации выпусков таких бумаг. Евросоюз также ужесточил ограничения на предоставление займов и инвестиционных услуг для пяти российских банков и дискриминационные меры в отношении ряда оборонных концернов, а в декабре специально запретил инвестирование в Крым и Севастополь.

Политика санкций хотя и не стала единственной причиной для замедления темпов экономического роста и финансового кризиса в РФ, но внесла свой вклад в развитие событий по негативному сценарию.

На этом фоне внутри России значительно укрепились «оборонные настроения». Политики и публицисты, которых еще вчера рассматривали в качестве маргиналов, на глазах превратились едва ли не в главных выразителей общественного мнения и трансляторов позиции власти. Представители официальных структур стали гораздо чаще апеллировать не только к внешнеполитическому реализму с его пафосом национальных интересов (что ранее выгодно отличало линию российской дипломатии), но и использовать арсенал романтических подходов (апелляция к «русскому миру», сакральности Крыма и т. п.). Противоречия с Западом актуализировали поиск внешнеполитических альтернатив. Этим объясняется активизация Москвы на китайском, индийском, турецком и иранском направлениях по широкому спектру вопросов, начиная от военно-технического сотрудничества и энергетики и заканчивая гуманитарной проблематикой.

Из-за глубоких противоречий без должного внимания остались и те темы, по которым ранее у России и Запада были определенные наработки (Афганистан, урегулирование Нагорно-Карабахского конфликта, противодействие исламистскому терроризму). Появление на Ближнем Востоке так называемого Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ) не только серьезно дестабилизировало обстановку в регионе, и без того перегруженном конфликтами и противоборствами. Оно стало одновременным вызовом и для Запада, и для России. Уже сегодня силы ИГИЛ ведут борьбу против коалиции США и их союзников. В то же время лидер этой террористической структуры Абу Бакр аль-Багдади говорил о необходимости дестабилизации Северного Кавказа как об ответе за поддержку Москвой сирийского президента Башара Асада. Но даже появление этой новой угрозы не сделало

Вашингтон и Москву сговорчивее.

С точки зрения США и их европейских союзников, действия Москвы стали выходом за рамки международного права. «Президент Путин подорвал основы мирового порядка, и будущие провокации со стороны России нельзя предотвратить с помощью мягкого наказания. Перед лицом российской агрессии Украине требуется наша постоянная поддержка, выраженная в конкретных действиях, а не в расплывчатых заявлениях»¹. Прочитанное выше высказывание принадлежит сенатору-демократу от штата Нью-Джерси, главе влиятельного комитета верхней палаты американского конгресса Роберту Менендесу. Заявления о нарушении Россией условий Будапештского меморандума (о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к договору о нераспространении ядерного оружия, был подписан 5 декабря 1994 года) стали общим местом в выступлениях представителей американского и европейского дипломатического и экспертного сообщества. Российское же руководство полагает, что итоги всенародного голосования в Крыму и в Севастополе дают основания говорить о легитимности «возвращения» полуострова. Само же нарушение правовых договоренностей объясняется внутри России, как правило, тем, что оно не является эксклюзивным. Особенно это проявлялось в ходе событий в бывшей Югославии и на Ближнем Востоке, когда внешнее вмешательство в гражданские войны и этнополитические конфликты осуществлялось в обход ООН. Говорится также и о том, что действия Москвы продиктованы упорным нежеланием США и их союзников к равноправному диалогу с Москвой с учетом ее аргументов и интересов, в особенности в «ближнем зарубежье».

Противостояние без «холодной войны»

Политологи, политики и журналисты все чаще используют словосочетание «холодная война», характеризуя отношения между Западом и Россией. Можем ли мы говорить о возвращении к временам глобального противостояния или рассматривать Крым и Донбасс в качестве поворотного пункта в истории международных отношений преждевременно? И если так, то в чем кроется суть сегодняшних противоречий?

Прежде всего следует отметить, что сам термин «холодная война» историчен по своему происхождению. «Холодная война» – это реальность ялтинско-потсдамского мира, возникшего по окончании Второй мировой войны. Сегодня этот мир не существует. Его торжественные «похороны» провозгласили еще на Пражском саммите НАТО в 2002 году, предупредившем пятое (и самое крупное с момента создания блока в 1949 году) расширение и открывшем путь в Брюссель и трем бывшим союзным республикам, и нескольким бывшим членам Организации Варшавского договора.

Формируется новый мировой порядок. При этом речь идет только об определении контуров этого миропорядка. Как они определятся окончательно, пока еще никто не может с большой долей уверенности предсказать. Ялтинско-потсдамский мир создавался друзьями-врагами, а потому он неизбежно базировался на «сдержках и противовесах», коими и стали, с одной стороны, нерушимость границ и территориальная целостность, а с другой – защита прав этнических меньшинств. Эти «сдержки и противовесы» обеспечивались как раз «холодной войной», т. е. противостоянием двух тогдашних сверхдержав – СССР и США – и группировавшихся вокруг них военно-политических блоков (ОВД и НАТО соответственно). Более того, это противостояние было не только и не столько военно-политическим, сколько идеологическим. С одной стороны, борьба за новое общество и советский коммунизм, а с другой – защита «свободного мира» от «тоталитарного монстра». «Холодная война» закончилась тогда, когда прекратили свое существование СССР,

¹ Pace J. and Riechmann D. Obama, Ukraine President To Meet At White House // Huffington Post. 18 September 2014. http://www.huffingtonpost.com/2014/09/18/obama-ukraine-poroshenko_n_5841892.html

Варшавский блок, а коммунистическая идеология вошла в состояние глубокого кризиса.

Для признания текущего противостояния «холодной войной» не хватает нескольких принципиально важных признаков. Это – наличие второй сверхдержавы, военного блока, который бы формировался вокруг него, и идеологии, которая отличалась бы от установок и ценностей западного мира. ОДКБ и по количественным, и по финансово-экономическим показателям не вытягивает на роль «ОВД двадцать первого века». В России, несмотря на жесткую риторику, власти не собираются строить «общество нового типа» и распространять революционную идеологию по всему миру. Если же говорить о социально-экономической политике внутри страны, то, по меткому замечанию американского конгрессмена-республиканца Даны Рорабакера, «здесь путинская Россия намного больше похожа на Америку Рональда Рейгана, чем нынешние Европа и США»². Известный американский публицист и политик Патрик Бьюкенен в одной из своих статей оценил идеологические воззрения действующего российского президента как консервативные и близкие, а потому – близкие «подлинной Америке»³.

При этом геополитические интересы Москвы гораздо более локальны по сравнению с советским периодом. Приоритетом постсоветской России является пространство бывшего Союза ССР. **Обеспечение безопасности в этой части мира видится не как восстановление «империи», не как счет к истории или как травма от советского распада, а как выполнение текущих актуальных задач.** В самом деле, сухопутная граница России и Казахстана является второй по протяженности в мире (она превосходит даже американо-мексиканский рубеж). И в случае коллапса безопасности в Афганистане (а он более чем вероятен с уходом НАТО оттуда) она становится опаснейшим вызовом для России. Если же говорить о Крыме, то после распада СССР он оставался местом сосредоточения почти 80 % всей инфраструктуры Черноморского флота РФ, одного из ключевых элементов безопасности южной части страны. Многие этнополитические конфликты на юге Кавказа напрямую связаны с проблемами безопасности Северного Кавказа (грузино-осетинский конфликт с осетино-ингушским, ситуация в Абхазии с положением дел в регионах со значительным адыгским населением, положение в Чечне и Дагестане с ситуацией в грузинском Панкиси). И даже там, где Россия вовлечена в разрешение проблем, выходящих за рамки границ бывшего СССР (Ближний Восток), Москва во многом решает задачи безопасности постсоветского пространства (угрозы, исходящие от радикальных исламистов российскому Северному Кавказу и Поволжью, а также соседним Грузии и Азербайджану). Эти взаимосвязи будут существовать вне зависимости от того, кто будет занимать пост президента России. Если же говорить о глобальном формате, то Москва, как и Пекин, не заинтересована в превращении США в «международного полицейского», коим по факту стал Вашингтон.

Таким образом, причиной сегодняшнего всплеска противоречий между Москвой, с одной стороны, Вашингтоном и Брюсселем – с другой, является не «вторая холодная война» и не идеологические разногласия, а асимметрия восприятия национальных приоритетов. У России и Запада разные точки отсчета того, с чего нарушается мировой порядок и международное право. Американцы и их союзники оценивают действия РФ как эксклюзивное нарушение европейских границ после Второй мировой войны. Но для Москвы нарушение международного права началось гораздо раньше, а украинско-крымский кризис – лишь последняя часть этого процесса. По справедливому замечанию известного болгарского политолога Ивана Крестева, «Европа любит думать о себе как о стабильном континенте, но в действительности здесь за два десятилетия,

² Интервью автора. Москва, 20.02.2014.

³ Buchanan P. Is Putin one of us? // Town Hall. 17 December 2013. <http://townhall.com/columnists/patbuchanan/2013/12/17/is-putin-one-of-us-n1764094/page/full>

начиная с 1989 года, было создано и разрушено больше государств, чем в любом регионе мира в любое время. Даже чем в Африке в период деколонизации 1960-х годов. 15 новых государств появились на месте СССР, 7 на месте бывшей Югославии и два на месте Чехословакии. Вдобавок к этому четыре «непризнанные республики» и еще другие, кто хотел бы пойти по их пути. Насилие на Балканах по сравнению с 1990-ми годами значительно снизилось. Однако многие из новых государств по-прежнему подвержены кризисам и нестабильности. Им угрожает слабая государственность (ее компоненты включают коррупцию, отсутствие качественной правящей элиты, легитимности, сепаратистские конфликты и «горячие точки»). На них оказывает влияние как глобальный экономический кризис, так и возможные вмешательства извне»⁴. Продолжая тезис Крастева, можно предложить сравнительный анализ двух списков. Тех стран, что поставили свои подписи четыре десятилетия назад под Хельсинкским заключительным актом 1975 года, и тех, которые имеются в Европе сегодня.

История с Украиной – это не спор о том, «кто первым начал». Это история отсутствия реально работающего международного права и эффективного международного арбитража для спорных вопросов, касающихся взаимоотношений центра и региона в кризисных условиях. Снова, как это уже было ранее на Балканах или в Закавказье, у ведущих мировых игроков не было консенсуса относительно четких критериев по поводу отделения или сохранения территориальной целостности. При подготовке к референдуму в Крыму (прежде всего в тексте Декларации о независимости) его организаторы апеллировали к казусу Косово. По справедливому замечанию австрийского политолога и юриста (специально занимающегося проблемами сецессии) Бенедикта Гарцля, «Международный суд ООН оказался не в состоянии обеспечить четких указаний в отношении последствий успешной практики сецессии в своем консультативном заключении по поводу законности Декларации о независимости Косово. В частности, его основным юридическим доказательством был тезис о том, что «международное право в целом не содержит применимого запрещения деклараций независимости». В соответствии с этой логикой власти других де-факто государств, включая и Абхазию, рассматривали возможности для своего признания. И хотя прямой запрет на декларирование независимости отсутствует, это не означает автоматически его явного разрешения и поощрения»⁵. Продолжая мысль австрийского эксперта, мы можем заключить, что такая двойственность и недоговоренность дает возможность для двойной политической бухгалтерии и спекуляций относительно того, что считается «правильным самоопределением», а что – не считается. И апелляция к Косово возникает всякий раз неспроста.

Но сама эта двойственность уходит корнями в годы, когда «холодная война» была торжественно объявлена завершенной, а для Европы и постсоветского пространства был предложен фактически один-единственный линейный проект, сфокусированный вокруг НАТО и Евросоюза. Интересно, что одна из главных натовских «заповедей» – Russia out – перекочевала из мира «холодной войны» в мир после нее. Линейный проект по расширению и приобщению Евразии предполагался без России как равноправного партнера. Де-факто Москве предлагалось стать одной из постсоветских стран, не имеющих особых интересов на просторах бывшего СССР.

Но если бремя глобального лидерства новая Россия была не готова нести (и не может в силу многих резонансов, прежде всего экономических и технологических, делать это сегодня), то вопрос о «политике соседства» в значительной степени является продолжением

⁴ Цит. по: Иван Крастев о российских страхах и европейском порядке // Caucasus Times. 12 декабря 2010. <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20636>

⁵ Цит. по: Бенедикт Гарцль. Международное право в состоянии обеспечивать взаимодействие с де-факто государствами // Caucasus Times. 28 ноября 2013. <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=21211>

внутриполитической повестки дня. Связь конфликтов в Закавказье с Южным Кавказом, обеспечение безопасности в Центральной Азии и евразийская интеграция как возможность развития российского полиэтнического проекта и возможностей для развития собственной промышленной базы. Конечно, как правопреемник СССР в ООН Россия стремится по возможности сохранить роль бенефициария в этой структуре (постоянное членство в Совбезе) для недопущения глобального доминирования одной державы. И дело здесь даже не в имманентном антиамериканизме, а в понимании того, что реальной гармонизации мира силами одной державы не достичь.

Однако никакие «особые резоны» России, ее претензии на роль равного партнера вне форматов с натовской «золотой акцией» до сих пор не принимались. И все изменения границ, идущие в фарватере этого линейного прогрессистского проекта (при котором любое расширение альянса воспринимается как успех демократии и очередное поражение «тоталитарного прошлого»), приветствовались. Так было с признанием независимости бывших республик Югославии и Косово, несмотря на конфликты, неурегулированные пограничные споры и проблемы с меньшинствами. Случаи же покушения на границы со стороны других игроков (в первую очередь России) блокировались. Но если в августе 2008 года Запад был пассивен из-за того, что Грузия не представляла для него первостепенного стратегического интереса, то Украина стала точкой перехода количества (недовольства российской политикой на постсоветском пространстве) в качество. Седьмая по численности населения (даже без Крыма) и вторая по площади страна в Европе не могла рассматриваться в качестве приза для России. Такая ломка тренда была вызовом порядку, который установился в Европе «после Ялты».

Но нежелание «отдавать» Москве Украину вступает в противоречие с неготовностью Запада полностью рвать с Россией. Подтверждением чему служит сентябрьский саммит 2014 года НАТО в Ньюпорте. В Уэльсе Украина не получила Плана действий по членству (ПДЧ). По итогам рассмотрения «украинского вопроса» альянс сделал заявление о своей поддержке Украины перед лицом российской политики «дестабилизации». НАТО также призвало Россию «отозвать свои войска» с территории Украины и «прекратить незаконную аннексию Крыма». Одновременно с этим Андерс Фог Расмуссен (покинувший пост генсека альянса 1 октября 2014 года) сообщил, что основополагающий акт Россия – НАТО 1997 года остается в силе, хотя Россия якобы «допустила серьезные нарушения его принципов». Как известно, в акте был зафиксирован принцип отказа от применения военной силы во внешней политике, а также подтвержден главный тезис декларации РФ и НАТО о том, что они больше не считают друг друга противниками.

В то же самое время и Москва также опасается переступить через «красные линии». В пользу этого вывода говорит неготовность российского руководства признать независимость двух республик Донбасса (Луганской и Донецкой) и, напротив, стремление к урегулированию конфликта на юго-востоке Украины путем многостороннего диалога со всеми заинтересованными сторонами, включая и США. По справедливому замечанию академика Евгения Примакова, новый виток эскалации с Западом (а значит, либо полный разрыв, либо драматическая минимизация отношений) чреват для России технологическим отставанием. «В глобализирующемся мире если мы являемся слабым звеном в этом отношении, то с нами могут говорить свысока и действовать против нас. Здесь нам нужно выправлять положение. Но как, в одиночку?»⁶ – резюмирует он.

В то же самое время Запад и его нынешние лидеры не готовы к такому диалогу о европейской безопасности и международном порядке, в котором бы Россия имела равный голос. То есть не только она должна была следовать логике расширения и приобщения, но и ее аргументы принимались бы к сведению и выполнялись бы на практике. И для того,

⁶ «Мнение»: Евгений Примаков об украинском кризисе // «Россия-24». 25 июня 2014. http://www.youtube.com/watch?v=Pd0zwdz4V3c&feature=player_embedded

чтобы пойти на такое, придется признать, что в современной Европе (понимаемой шире, чем Евросоюз) не может быть жизнеспособным проект без России, ее участия и учета ее мнения. «Российские элиты стремятся создать государство на прочной основе, которое можно интегрировать в глобальную экономику, но в то же время защитить ее внутреннюю политику от внешних воздействий. Россия никогда не мирилась с идеей НАТО-центризма и европейского порядка, сфокусированного на ЕС»⁷, – констатирует Иван Крастев. И в этом плане между Борисом Ельциным и Владимиром Путиным нет той пропасти, о которой сегодня склонны писать обозреватели и в России, и на Западе. Для понимания этого достаточно провести сравнительный анализ двух выступлений российских президентов (стамбульскую речь Ельцина 1999 года и мюнхенскую Путина 2007 года). Отмеченные выше противоречия будут определять отношения между Россией и Западом в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Векторы будущего

В этой ситуации у сторон есть несколько вероятных путей. Возможны негативное и позитивное развитие ситуации, поддержание статус-кво через «заморозку» нынешнего положения дел. При этом одни и те же движущие силы различных сценариев могут оказывать разнонаправленное влияние на их ход. Так, например, нарастание хаоса на Украине может подтолкнуть Россию и Запад к кооперации ради того, чтобы избежать появления непосредственно в центре Европы «большой Ичкерии». Но может и, напротив, заставить усилить санкционное давление на Москву, которая будет объявлена источником такой дестабилизации. Это же касается и вооруженного конфликта в Донбассе, который может и подтолкнуть стороны к интенсификации переговоров, и способствовать «оукливанию» позиций сторон. Военно-политическая и финансовая помощь Запада Украине может интенсифицировать АТО (антитеррористическую операцию), но в то же время не исключено, что заставит Киев постепенно пересмотреть свое отношение к проблемному региону (от поиска компромиссов до той или иной формы «развода») ради ускорения североатлантической и европейской интеграции. Продолжение политики санкций против России может заставить Москву отказаться от жесткой линии по отношению к соседней стране и поддерживающим ее США и Евросоюзу. Но они же в состоянии до предела радикализировать линию поведения РФ, которой в итоге окажется «нечего терять».

В этой связи под «позитивным» развитием понимается прагматизация отношений Запада и России (даже с сохранением различий относительно перспектив интеграции постсоветских республик в НАТО и в Евросоюз). Под прагматизацией понимается возобновление переговоров и выход на компромиссные решения. Этот тренд включает также преодоление состояния «заложников украинского кризиса» и выход на полномасштабный диалог по широкому спектру вопросов международной безопасности («иранский вопрос», положение дел на Ближнем Востоке, в Афганистане и в Центральной Азии, противодействие ИГИЛ). Что касается «негативного» сценария, то речь может идти об углублении конфронтации, стремлении маргинализации России на международном уровне, де-факто превращении ее в «страну-изгоя», своеобразную «мега-Сербию».

Наиболее опасным представляется перерастание противостояния в опосредованное или прямое военное столкновение или попытки актуализировать идеи «смены режима» в России. Под «заморозкой» понимается сохранение нынешнего уровня противостояния без резкого перехода к новым санкциям, дипломатическим демаршам на фоне определенной фиксации «линии фронта» на юго-востоке Украины. Все эти варианты развития имеют

⁷ Цит. по: Иван Крастев о российских страхах и европейском порядке // Caucasus Times. 12 декабря 2010. <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=20636>

примерно равные возможности для реализации. Принимая во внимание стремительное развитие событий в мире, сохранение статус-кво кажется проблематичным, ведь даже ситуация в одном только Донбассе в августе – сентябре, декабре 2014 года и январе 2015 года представляет фактически несколько разных картинок.

Для выхода на «позитивный» вектор необходимыми представляются два базовых условия. Во-первых, США и их союзники де-факто признают особые резоны и интересы России на постсоветском пространстве и во избежание новых кризисов, представляющих угрозу для всей системы международных отношений, начинают вести разговор с Москвой как с партнером. Не обязательно соглашаясь с подходами РФ, но учитывая их в выстраивании различных внешнеполитических конфигураций. Во-вторых, России удастся гармонизировать собственные устремления с интересами соседних государств, находя общие точки в вопросах экономики и безопасности.

На сегодняшний день не представляется возможным говорить о значительных предпосылках для прорыва в отношениях между РФ и Западом. США и их союзники видят, что санкционная политика сыграла свою роль в ослаблении социально-экономических позиций России. Как следствие, велик соблазн если не продолжить давление, то не предпринимать активных поисков выхода из имеющегося тупика. При этом на риторическом уровне «восстановление украинской территориальной целостности» и «деокупация» (не только территорий на юго-востоке Украины, но и Крыма) рассматриваются как приоритетные цели. Этот подход минимизирует интерес России к переговорному процессу, который выглядит не столько как дипломатический формат, сколько как площадка для выдвигания ультимативных требований. Своими действиями на протяжении второй половины 2014 года Кремль показал, что не допустит повторения в Донбассе балканских сценариев (аналогичных хорватским операциям «Буря» и «Молния» против непризнанной Сербской Республики Краина с параллельным сдерживанием официального Белграда от вмешательства по защите своих соплеменников). Повторение этого пути в нынешнем контексте чревато для России не только имиджевыми потерями на международной арене, но и внутривнутриполитическими осложнениями. Однако соблазн «слабой России» может подтолкнуть Запад к более жестким действиям. В особенности тогда, когда донбасское ополчение – которое в США и странах ЕС воспринимается исключительно как «марионетки» Кремля – будет, решая чисто военные задачи, создавать вслед за этим новые политические противоречия и вызовы. Усиление давления со стороны Запада вкупе с финансовыми проблемами может привести Москву к фактическому признанию своего поражения.

Но в этом случае США и их союзники будут вынуждены практически в одиночку иметь дело с активизирующимся Востоком. При том, что фокус мировой политики сегодня смещается из Европы в сторону исламского мира и Китая. Но на этом направлении США и ЕС встретят не бывшие члены ОВД, готовые ради прощания с советским прошлым на значительные издержки и ожидания будущих бонусов. И здесь «линейного проекта» не получится, что уже доказали провальные опыты по демократизации Афганистана и «Большого Ближнего Востока». Российское влияние в Евразии можно уменьшить, а голос Москвы можно сделать тише. Но это контрпродуктивно в меняющемся мире для самого Запада. Слабая Россия не принесет стабильность ни в Европу, ни в Азию, а, напротив, мультиплицирует риски и угрозы для стран ЕС и в конечном итоге для США, активно вовлеченных в обеспечение европейской безопасности.

Таким образом, не исключено, что «фоновые факторы» заставят США и их союзников пойти на коррекцию своей позиции по отношению к Москве. Этому же тренду могут помочь и внутриукраинские проблемы: затягивание реформ, рост популистских, националистических настроений и, в итоге, фрагментация страны де-факто или де-юре. В любом случае среднесрочное развитие будет во многом зависеть от российского запаса прочности. Насколько Москва окажется в состоянии обеспечить минимизацию кризисных издержек, разрешить вопрос о более качественном уровне управления как внутри страны, так

и во внешней политике? От ответов на этот вопрос во многом зависит тот выбор, который будет сделан США и их союзниками на российском направлении.

Сегодня многие эксперты и политики говорят о необходимости переоформления основ европейской безопасности посредством реализации «Хельсинки - 2» с учетом новых реалий, наступивших после распада СССР, завершения «холодной войны», расширения НАТО и ЕС и возникающих на этом пути альтернативных видений будущего. Однако без прекращения конфронтации между Россией и Западом, выхода на компромиссные соглашения относительно постсоветского пространства такой процесс невозможен. Для того чтобы преодолеть имеющееся препятствие, важно выйти из положения «заложников» украинского кризиса и возобновить полноценный диалог.

Глава 2 Европа. Борьба с неопределенностью

Офицеров-Бельский Дмитрий Владимирович – специалист по Восточной Европе, кандидат исторических наук (2004). Ведущий аналитик агентства «Внешняя политика». Доцент кафедры гуманитарных дисциплин НИУ ВШЭ. Его публикации посвящены внешней политике Польши и других стран Восточной Европы, европейской безопасности и отдельным аспектам российской внешней политики. Автор книги «Этнополитические процессы в странах Западной Европы и Америки» (2007).

Европейская интеграция уже на протяжении многих лет воспринимается как данность даже скептиками. Вполне естественным стало рассуждать о движении к единой Европе со времен Карла Великого, но из исторической памяти постепенно выпадают или лишаются эмоциональной окраски такие контрастирующие с современностью фрагменты прошлого, как эпоха колониализма, религиозных, наполеоновских и мировых войн. Мы редко задумываемся о том, что за исторически короткий срок Европа прошла большой путь от центра мирового развития и военных конфликтов, мирового соперничества европейских держав до конгломерата стран, поглощенных собственными проблемами. В конце XIX века, предчувствуя пока еще неясные будущие изменения, Ф. М. Достоевский сравнил Европу с кладбищем, а О. Шпенглер написал позднее о «закате Европы». Между тем, когда после Второй мировой войны предчувствия стали реальностью, европейцы практически не заметили деколонизации и в целом были рады американской помощи в восстановлении экономики и защите от советской угрозы. Однако именно потеря прежнего мирового статуса стала, пожалуй, самой существенной причиной европейской интеграции, начавшейся со сближения непримиримых прежде соперников – Франции и Германии.

Интеграция и трансформации в Европе

В 1990 - е годы начался новый этап европейской истории, перемены были динамичными. В сравнении с тем временем следующее десятилетие представляло собой «энергичное топтание на месте». Обилие инициатив и проектов, интеграция новых членов, споры о будущем институциональном дизайне и перманентное усложнение правовой базы ЕС – все это сочеталось с организационной неподвижностью, неготовностью правительств к перераспределению полномочий и завуалированной борьбой за национальные интересы. Это был период накопления потенциала для качественных трансформаций, но многие проблемы и решения были отложены на будущее. **Экономический кризис 2000- х годов заставил понять очевидный факт: неопределенность путей дальнейшего развития ЕС может оказаться более пагубной, чем глубокая интеграция, лишаящая страны их суверенитета, или дезинтеграция.**

Реформистский потенциал Лиссабонских соглашений иссяк, и, несмотря на «кризис согласия», с начала нового десятилетия мы наблюдаем новую актуализацию интеграционного дискурса. Самое сложное, что предстоит в ближайшей перспективе, – это

изменение договоров ЕС. Об этом, как о насущной необходимости, говорил еще в ноябре 2012 года прежний глава Еврокомиссии Баррозу: «Нам нужен настоящий, глубоко интегрированный экономический и валютный союз для того, чтобы преодолеть кризис доверия»⁸.

Лиссабонские соглашения, определявшие развитие ЕС в последние годы, фактически представляли собой замену одних компромиссов другими. В первую очередь это касается введения с 2014 года новой системы голосования по принципу «двойного большинства» – решения в совете будут приниматься только в случае, если за них проголосовало более 55 % стран (более 15 стран), представляющих не менее 65 % населения ЕС. Пока еще любая страна ЕС может инициировать возвращение к правилам Ниццкого договора, но с 2017 года новый принцип станет единственным.

Решения по наиболее важным вопросам, касающимся внешней политики и политики безопасности, налогов, ключевых вопросов экологической политики, совместной работы национальных правоохранительных органов и судебных систем по-прежнему будут приниматься единогласно. **Однако тенденции таковы, что принятие решений квалифицированным большинством со временем распространится и на эти сферы. Таким образом, самые сильные и населенные страны ЕС смогут расширить свой контроль над европейскими процессами. Дольше всего сопротивление «диктату большинства» можно ожидать в сфере внешней политики и в вопросах безопасности.**

В Лиссабоне произошло перераспределение ответственности от наднациональных структур ЕС в пользу межправительственных. Это сохранило процедурный «демократизм», но явно не способствовало эффективности и скорости принятия решений. Ситуацию призвано исправить изменение институциональной логики – принятие ключевых решений по-прежнему будет делом межправительственного консенсуса и решаться голосованием, но наднациональные структуры получают больше контролирующих функций. В силу того, что произвести перераспределение полномочий в пользу Комиссии ЕС или Европейского парламента практически невозможно, дилемма может быть разрешена посредством создания новых специализированных микроинститутов, наднациональных по своей сути.

В 2011 году в ЕС уже была проведена масштабная реформа финансового регулирования – тогда были созданы наднациональные органы по надзору над банковской и страховой отраслями, а также над рынками ценных бумаг. В энергетике, с целью реализации задач «третьего энергопакета» ЕС по либерализации рынков электроэнергии и газа, в том же 2011 году была создана новая организация ACER (Агентство сотрудничества энергетических регуляторов). В 2014 году была создана ERGA (Европейская группа регулирующих органов аудиовизуальных медиасервисов), призванная способствовать согласованности национальных регуляторов, но имеющая большой потенциал для вмешательства в работу СМИ благодаря возможности применения санкций. На фоне продолжающегося экономического кризиса практика создания новых европейских регуляторов и наделения их полномочиями контроля над национальными регуляторами может быть распространена на многие сферы, а сами регуляторы, обретая необходимый вес, могут приобрести статус весомых наднациональных институтов ЕС и стать серьезными инструментами диктата лидеров ЕС.

Можно ожидать активизации судебной системы ЕС и расширения числа специализированных трибуналов. В ряде случаев европейские суды уже принимают решения, предполагающие серьезные политические или экономические последствия. Достаточно вспомнить оспаривание санкций ЕС российскими компаниями в Европейском суде общей юрисдикции, постановление об исключении ХАМАС из списка террористических организаций, снятие санкций с Ахмеда Каддафа ад-Дама (двоюродного

брата свергнутого ливийского лидера) и т. д. Логика развития судебной системы ЕС состоит на данном этапе в том, что в ближайшей перспективе она должна стать подлинной властью и компенсировать слабость европейского объединения, переживающего постоянное сопротивление национальных правительств и находящегося в постоянном поиске консенсуса.

Точно так же слабости ЕС должны быть компенсированы изменениями, начатыми в Европейской комиссии. Помимо опытного Ж. К. Юнкера, в состав комиссии в 2014 году вошли политические тяжеловесы со всей Европы – каждая страна представлена в организации одним представителем. Роль еврокомиссаров заключается не в лоббировании национальных интересов, а в курировании вверенных им отраслей. Европейская комиссия давно пыталась отойти от практики компромиссов при распределении постов, и теперь решающее слово при назначении было якобы за самим Юнкером. Вероятно, отчасти это так и есть, но и «портфельный» торг неизбежен в ситуации, когда само назначение главы Европейской комиссии было результатом активного лоббирования со стороны Германии.

Действия Европейской комиссии зачастую мотивированы традиционной бюрократической логикой расширения своих полномочий для усиления собственного влияния⁹. Но есть и достаточно серьезная тенденция, заключающаяся в попытке компенсировать внутреннюю несогласованность ЕС жестким регулированием и возможностью применения санкций. Это порождает демократический дефицит, который, однако, воспринимается в ряде европейских столиц как неизбежное зло.

Несмотря на активное развитие наднациональных институтов, в некоторых вопросах по-прежнему важны демократизм и солидарность. В 2014 году главы государств и правительств Европейского союза впервые в истории приняли решение о подготовке единого плана развития на ближайшие годы – своего рода правительственной программы ЕС. Документ, объединяющий пожелания 28 глав государств и правительств Евросоюза, получил название «Стратегический план сообщества во время перемен». Его составители отдают себе отчет в том, что доверие граждан к ЕС строится на реальном претворении в жизнь принятых решений. Этот документ пытался сочетать стремление Германии к более эффективному управлению и координации экономической политики, призывы Франции и Италии к большей солидарности с польскими и британскими лозунгами о большей открытости в отношении стран, не входящих в зону евро. «Стратегический план» предусматривает поддержку заключения соглашения о свободной торговле с США, содействие экономическому росту, повышение конкурентоспособности объединения, создание единого энергетического союза и проведение более согласованной внешней политики. В качестве вызова в документе упоминается рост миграционных потоков.

План представляет собой не более чем декларацию о намерениях и старается обходить многие чувствительные темы, включая главный вопрос о дальнейшей институциональной эволюции объединения. Между тем дилемма ЕС очень проста – либо деградация, либо более глубокая и всеобъемлющая интеграция.

Перспективы роста европейской экономики

Начало подлинного восстановления мировой экономики можно в целом ожидать после 2018 года, хотя очень многое зависит от того, какие действия предпримут для борьбы с кризисом ведущие правительства. До этого очередной спад накалит обстановку в основном, как и прежде, в Южной Европе. Венгрия, Болгария, Хорватия, Греция, Испания, Италия, Португалия, Кипр переживут новый спад производства и снижения занятости. Помимо стран юга Европы, не исключено, что кризисная ситуация несколько усугубится

⁹ Кавешников Н. Ю. Развитие внешней энергетической политики Европейского союза. Вестник МГИМО. Международные отношения, 2013, № 11.

во Франции, Ирландии и в ряде Скандинавских стран – в Финляндии, Швеции, Дании.

По всем параметрам улучшится состояние британской экономики, а также в странах Восточной Европы – в Польше, Чехии и Словакии. Страны, не входящие в еврозону, окажутся в большем выигрыше. Явным исключением станет германская экономика, которая останется локомотивом ЕС, что будет способствовать дальнейшему укреплению позиций страны в Европе.

В целом же Европа, даже преодолев кризис, выйдет из него ослабленной. Для иного развития событий практически нет причин. Одной из критических проблем для европейских экономик будет преодоление инвестиционного коллапса – в отличие от США, в которых уровень инвестиций уже превысил докризисный уровень, их спад в Европе все еще существенен. Предполагается, что решению проблемы будет способствовать создание Фонда стратегических инвестиций, который планируется создать под эгидой европейского инвестиционного банка. По расчетам, он должен способствовать привлечению 315 млрд евро новых инвестиций в 2015–2017 годах, но эти расчеты, очевидно, выдают желаемое за достижимое. Другим решением становится запущенная Европейским Центробанком программа количественного смягчения, рассчитанная до сентября 2016 года и предполагающая скупку частных и государственных ценных бумаг на сумму до 1 трлн евро. Попытки оживить инвестиции текущими методами достаточно сомнительны, поскольку не способны изменить качество европейской экономики или серьезно стимулировать спрос. Постоянно растущий капитал по отношению к производству означает все более низкие доходы от капитала и, следовательно, все больше неработающих кредитов в банковском секторе в течение долгого времени. Учитывая слабое состояние европейской банковской системы, накопление слишком большого объема капитала не является той роскошью, которую ЕС может себе позволить.

Жизненно важной для экономики ЕС является основанная на инновациях реиндустриализация. Одной из сфер, способной стать локомотивом роста в Европе, является энергетика – инвестиции в нее могут быть искусственно стимулированы при помощи тезисов о преодолении энергетической зависимости. К тому же очень вероятно, что в ближайшие пять лет произойдет серьезное продвижение в технологиях новой энергетике.

Больших инвестиций потребуют и масштабные инфраструктурные проекты, которые должны способствовать диверсификации источников снабжения Европы энергоресурсами, а также окончательному формированию общего рынка газа и электроэнергии. План создания Энергетического союза должен быть представлен к марту 2015 года, а первых ощутимых результатов стоит ждать примерно в течение последующих двух лет.

В этих условиях Россия не сможет нарастить свою долю в энергетической корзине Европы, более того, она существенно упадет. Однако цены на энергоносители имеют шанс вырасти от уровней 2015 года, в том числе искусственным путем – для поддержки внедрения новых источников.

Эволюция европейских диаспор

Вызовом для стабильности в ЕС может стать вопрос этнорелигиозных меньшинств. Влияние мусульманских диаспор в Европе будет расти наряду с ростом их численности, уже сейчас составляющей около 19 млн человек. Практически все они – мигранты или их потомки во втором-третьем поколении.

Серьезный поворот в европейских странах в отношении мигрантов определился в 2011 году, когда во Франции был введен запрет на ношение хиджабов, а в Норвегии Андерсом Брейвиком были произведены теракты. Незадолго до этого канцлер Германии признала, что попытки создания в Европе мультикультурных обществ были неудачными.

После терактов в Париже в январе 2015 года, ответственность за которые возлагается на радикальных исламистов, европейская миграционная политика претерпит изменения. Одновременно на фоне экономического кризиса будут урезаны социальные льготы

для мигрантов. Для такого рода решений базис уже готов – в ноябре 2014 года Европейский Суд Справедливости постановил, что страны ЕС имеют право самостоятельно определять размеры и структуру социальных выплат, а также отказывать в предоставлении социальных льгот мигрантам.

Пересмотр политики, по всей видимости, приведет к замене «дотаций для проживания» на «дотации для интеграции». Финансирование будет направлено на создание рабочих мест для мигрантов, на улучшение ситуации в сфере правопорядка, на образовательные программы. Очень вероятно, что концепция евроислама хотя и подвергается сейчас сомнениям, но в новых формах получит поддержку и финансирование. Поддержку могут получить исламские учебные заведения, что позволит готовить европейских проповедников и отказаться от приглашения далеких от европейских ценностей улемов с Ближнего Востока. Такая практика пока не получила широкого распространения, но еще в 2008 году в Стокгольме при поддержке государства был открыт колледж исламских наук, а немного позже факультеты исламской теологии стали появляться в германских университетах¹⁰. Очень вероятно, что теперь такая практика будет адаптирована и другими странами Европы. Косвенным показателем, что политика уже сейчас меняется в этом направлении, служит то, что в Германии в ряде земель ислам уже признается официальной религией – в Гамбурге, Бремене, вскоре в Нижней Саксонии и еще нескольких землях, если опыт будет сочтен удачным. Официальный статус даст возможность, помимо облегчения ряда ритуальных вопросов (забой скота в мечетях, проведения похорон по исламскому обряду и др.), получать для строительства культурных центров, коллективных мероприятий и т. д. финансирование из бюджета, а не от ближневосточных спонсоров. Контроль в обмен на финансирование позволит успешнее бороться с рекрутированием добровольцев в ряды террористических групп, что стало неприятным сюрпризом во время сирийской войны и агрессии ИГИЛ.

Безусловно, такой подход приведет к консолидации разнородных религиозных и этнических мусульманских групп, но к этому же ведут и другие тенденции, и бороться с этим процессом было бы неразумно. Политическое объединение европейских мусульман назрело как необходимость, но находится под вопросом. Это связано с национальным фактором и обособлением этнических арабов из Северной Африки, выходцев из Турции и чернокожих мусульман. Каждая из этих диаспор являет свои оригинальные нормы быта, поведения и даже понимания ислама, что затрудняет создание интернациональных исламских объединений.

До последнего времени европейские мусульмане не стремились создавать собственные политические партии, а предпочитали лоббировать свои интересы через существующие политические институты. Большинство из них поддерживает левые партии, которые выступают за либеральную миграционную политику, социальные программы для бедных и развития «мультикультурной» среды. Однако лимит выгод, которые предоставляло такое сотрудничество, почти исчерпан. Показателем этого стало, в частности, то, что приход к власти во Франции социалиста Франсуа Олланда не помог мусульманкам вернуть себе право на ношение хиджабов. Кроме того, накапливающийся в Европе антиисламизм в очень скорой перспективе заставит даже левых остановиться в поддержке этнорелигиозных меньшинств.

В настоящий момент в Европе действуют минимум две «исламские» политические партии – «Партия возрождения и единства» в Испании и «Партия исламских демократов» в Нидерландах, наиболее активная в Гааге, где ее представителям удалось занять несколько мест в городском совете. Также существуют общественные движения, стремящиеся получить статус партий и не имеющие пока реального политического влияния: «Финская исламская партия» (Финляндия), «Союз исламских объединений и организаций» (Италия),

¹⁰ В 2009 г. – в университете г. Оснабрюк, в 2011 г. – в университете г. Тюбингена, в 2012 г. – в университете Вильгельма (г. Мюнстер).

«Союз исламских организаций» (Франция), «Лига справедливости и развития» (Германия).

В Германии, где мусульмане составляют приблизительно 5 % жителей, их электоральная активность достаточно высока, поскольку значительная часть немецких мусульман имеют турецкие корни, т. е. происходят из страны, адаптировавшейся к избирательному процессу. Их политическая стратегия основана преимущественно на поддержке социал-демократов и «зеленых». Они занимают заметные посты в немецких политических партиях, что должно способствовать мобилизации мусульманского электората для их поддержки.

Принципиально иной является ситуация во Франции, где до 80 % мусульманского населения происходит из стран Магриба (преимущественно Алжира, Туниса и Марокко) с несколько иным типом политического поведения. До сих пор активность мусульман на французских выборах невысока: при доле среди населения Французской метрополии в 9,5 % их доля в электорате лишь 2–5 %. Это связано со слабым доверием многих представителей старшего поколения к выборному процессу и традиционной аполитичностью многих выходцев из стран с менее развитыми демократическими институтами.

Политическая активность мусульманской молодежи в целом выше, чем старшего поколения, но для нее характерны более радикальные требования, которым уже не всегда соответствует даже программа социалистов. Отсутствие иных форм единства помимо ислама создает питательную почву для радикализма.

Настоящей серьезной проблемой для европейских стран стал криминальный ответ части мусульманской молодежи на текущие социальные условия. Во Франции, несмотря на долю в населении страны менее 10 %, мусульмане составляют 60 % обитателей тюрем. После массовых выступлений 2005 года, начавшихся под предлогом протеста против полицейского насилия, французская полиция оказалась вытеснена из массы бедных городских районов, часто с преимущественным проживанием мусульманского населения. Официально многие такие анклавные районы имеют статус «чувствительных городских зон», каковых, согласно официальному перечню, насчитывается 751 по стране и 9 в Париже. Формально эти районы должны быть приоритетными объектами политики местных властей, но на деле такой статус является указателем опасности появления в данной местности для посторонних, включая представителей полицейских сил. Таким образом местный криминалитет пытается обезопасить себя от преследований властей.

Пока речь не идет о членстве в экстремистских религиозных организациях. В жизни европейских мусульман они играют гораздо меньшую роль, чем может показаться. Исламский экстремизм, как и глубокая ассимиляция в европейском социуме, – не более чем крайний вариант, который выбирает меньшинство европейских мусульман. Однако растущая ксенофобия коренных европейцев вкупе с тенденциями по консолидации различных мусульманских диаспор может породить ответную реакцию и способствовать выводу проблемы на новый виток развития.

Перспективы миграционной политики ЕС

По всей видимости, в ближайшие годы будет поднят вопрос о частичном пересмотре Шенгенских норм, включая комплекс более поздних правовых наслоений. В пользу этого неоднократно высказывались видные европейские политики, в частности, германский министр внутренних дел Ханс-Петер Фридрих, а прежний французский президент Николя Саркози вообще не исключал в своих заявлениях возможности выхода Франции из Шенгенского соглашения.

Вопрос контроля над въездом в ЕС становится все более актуальным, но и внутренние перемещения тоже привлекают внимание европейских политиков. Некоторые страны Европы уже прибегали к исключительным мерам, используя специальное положение Шенгенского договора, позволяющее на 30 дней восстанавливать контроль на границах. Так было в 1995 году после терактов в Париже, в 2001 году во время саммита «Большой

восьмерки» в Генуе, где произошли крупные столкновения сил порядка с антиглобалистами, и в 2009 году при проведении во французском городе Страсбурге саммита стран НАТО.

7 июня 2012 года на совещании Совета министров в Люксембурге было принято решение о том, что европейские правительства могут прибегать к временному восстановлению пограничного контроля на шесть месяцев без необходимости каких-либо особых согласований – достаточно лишь уведомить об этом решении соседние государства. Более того, в чрезвычайных обстоятельствах допускается закрытие границы на два года, что само по себе явилось бы серьезным прецедентом для всего Евросоюза.

Вряд ли к этим мерам будут прибегать, чтобы не испытывать единство ЕС. Европейцы, вероятнее, предпочтут другой вариант – вывод вопроса на наднациональный уровень и передачу в сферу ответственности ЕС вопросов управления границами и регулирования процедур предоставления убежища. С одной стороны, это можно рассматривать как вызов независимости европейских стран и это должно вызвать резонное сопротивление. Но, с другой стороны, в таком варианте заинтересованы все европейские страны, поскольку действующая сейчас в этой сфере Дублинская конвенция 1990 года совершенно нефункциональна. Она предполагает возврат нелегальных мигрантов и беженцев, не получивших убежища в страну первого въезда, что автоматически ставит транзитные страны в сложную ситуацию. Соответственно, страны въезда не заинтересованы в регистрации нелегалов, и это способствует их уходу в тень.

Пробуждение идеологий

Конец XX века дал спорное и двоякое ощущение конца истории и преддверия глобальных перемен. Коммунизм в СССР и в Восточной Европе пал, европейская интеграция начала набирать обороты, а в планетарном масштабе на первый план вышли новые вызовы глобализации. Стремительное восхождение ряда развивающихся экономик, экономический кризис и чувство утраты западным миром исключительности в новом веке также должны были спровоцировать идеологические сдвиги, но этого до сих пор, по большому счету, не произошло.

Развитые политические идеологии – феномен массового общества последних двух столетий. Массовое общество переживает кризисную трансформацию, результатом которой может стать новый политический процесс и новые идеологии. **Понятие «большинство» практически перестало быть политической реальностью, а апелляции к нему – достаточным аргументом. Не исключено, что скоро мы увидим мир не доминирующего большинства, не уравниваемых в правах меньшинств, не либеральной учтивости к инаковости и не их авторитарного подавления, а конфликтующих меньшинств. В этом мире возможны любые необычные коалиции.**

Процесс трансформации только начинается, и не стоит ожидать от Европы новых идей в самые ближайшие годы, но можно ожидать реанимации национализма и изоляционистского европеизма, становления региональных политических движений, а также появления в парламентах исламских партий.

Европейский национализм прежде воспринимался почти исключительно в контексте правых идеологий и отношения коренного населения к мигрантам. В ближайшие годы он имеет все шансы стать намного разнообразнее. Специфика нового европейского национализма на сегодняшний день состоит в том, что он обладает нишевым характером, не рассчитывает на достижение власти, достаточно маргинален и компенсирует свою слабость популистской риторикой.

Националистический ракурс не полностью распрощается со своим маргинальным статусом, но значительно улучшит свой имидж. В случае Франции эта тенденция уже идет, и ее демонстрирует «Национальный фронт» Марин Ле Пен. Вероятно, что некоторые консервативные партии, в том числе весьма уважаемые, также начнут осторожно вводить националистические тезисы в свою риторiku. В Германии такую роль, по всей

видимости, возьмет на себя баварский Христианский Социальный Союз. Призванная выявить реакцию общественности проба была сделана совсем недавно, в декабре 2014 года, когда правящий ХСС выступил с предложением запретить использовать в стране иные языки, кроме немецкого. Той же тенденции можно ожидать от «Союза за Народное Движение» во Франции, от правящей в Нидерландах «Народной партии за свободу и демократию» и ряда других.

Политическая палитра ряда европейских стран будет разбавлена сильными региональными националистическими партиями с автономистским или сепаратистским уклоном, наподобие уже существующего каталонского альянса «Конвергенция и Союз», «Лиги Севера», «Шотландской национальной партии» и т. д. Можно ожидать оживление общественных движений венгерского меньшинства в Румынии и русскоязычных меньшинств в прибалтийских странах, а также приобретение ими выраженного националистического характера.

Новый европейский национализм находится в начальной стадии трансформации. В отличие от прошлого, он более не чужд демократическим ценностям, и в некоторых уже нередких случаях националисты даже разделяют некоторые левые взгляды.

Начало трансформации несет в себе возможность самых неожиданных идеологических сочетаний и альянсов. Есть тенденции к появлению экологически ориентированных движений с традиционалистским уклоном, которых в прежней системе категорий можно было бы считать скорее правыми, хотя традиционно «зеленые» принадлежат к левой части политического спектра.

Другим явлением, способным получить некоторое развитие в Европе, является левый национализм. Это течение хотя и берет идейное начало во французском якобинстве, но исторически представлено было в странах третьего мира как идеология борьбы за независимость. В Европе прежде из партий подобного типа можно было назвать разве что Шинн Фейн, но теперь левый национализм широко распространяется в испанской Каталонии, имеет некоторые перспективы в Италии и вообще в Южной Европе. Причина этого состоит в том, что именно в странах Южной Европы кризисные явления будут иметь наиболее серьезное продолжение, что будет одновременно благоприятствовать левым идеям, евроскепсису и связанному с ним национализму.

В 2014 году сенсацией, хотя и переоцененной, стал успех националистов из французского «Национального фронта» Марин Ле Пен, однако фракцию в Европарламенте с близкими по духу партиями «Йоббик» и «Золотая Заря» создать не удалось. Большую сплоченность поначалу проявили евроскептики из «Партии независимости Соединенного Королевства» и итальянского «Движения пяти звезд», составившие костяк фракции «Европа за свободу и прямую демократию».

Обращает внимание, что националисты и евроскептики не нашли общего языка друг с другом, хотя это было бы естественно. Интересно и то, что националисты представляют собой оформившиеся политические силы с вполне четким идеологическим базисом, тогда как партии евроскептиков на национальном уровне достаточно маргинальны и не имеют больших перспектив. Евроскепсис в большинстве его проявлений является шутовством, иногда даже в прямом смысле этого слова, как в случае с итальянским «Движением пяти звезд», возглавляемым популярным комиком Беппе Грилло.

Успех евроскептиков и националистов на выборах 2014 года не приведет к существенному изменению расстановки сил и повестки работы Европарламента, но он важен как маркер, отражающий настроения европейцев. Очень вероятно, что евроскепсис придаст оттенок мейнстримным политическим силам. Причем пример упомянутого «Движения пяти звезд» показывает, что антиевропеизм вполне совместим с левыми идеями и может стать тенденцией.

Этап идеологической диффузии, когда либералы и консерваторы потеряли почти всякие различия между собой, открыл возможность выйти на политическую арену новым партиям и движениям. На рубеже XX–XXI веков в Европе появилось немало партий

ограниченных задач (экологических, альтерглобалистских и т. д.), которые не претендовали на всеобщность и зачастую не имели цели обретения власти. В их деятельности сильно сказывалась тенденция к стиранию границы между политическими партиями и общественными движениями. К концу десятилетия новых красок на политической палитре добавят партии с ограниченным участием – региональные, националистические, религиозные и т. д., – ориентированные на небольшие активные группы.

Германия осваивает роль хозяйки континента

Некогда Генри Киссинджер задал шуточный, но очень содержательный вопрос: «Кому мне позвонить, если я хочу поговорить с Европой?» Время сомнений прошло, и теперь можно определенно сказать, что это будет звонок в Берлин. Нынешний канцлер Ангела Меркель старается не торопить события, и ее политика требует весьма филигранной работы – соблюдая меру, одновременно укреплять позиции Германии, а также институты ЕС. По сути, задача реформирования ЕС возложена на Германию – у этого процесса должен быть лидер, а брюссельская бюрократия уже достигла своего преобразовательского потолка. *По словам канцлера Меркель, «в Европе сложилась ситуация, когда все говорят, что мы можем развивать все что угодно, но мы не можем менять договоры (Европейского союза). Я не думаю, что мы можем таким образом построить реально функционирующую Европу»*¹¹.

Германию никак не могли устраивать результаты трактата в Ницце. Население этой крупнейшей европейской страны более чем на 20 млн человек превышает население Италии, но Германия не получила больше голосов в Совете министров. Германия, Франция, Италия и Великобритания имеют по 29 голосов в Совете министров Евросоюза; Испания и Польша представлены каждая 27 голосами, Нидерланды имеют 13 голосов, Греция, Бельгия и Португалия – по 12, Швеция и Австрия – по 10, Финляндия, Дания и Ирландия – по 7 голосов, Люксембург – 4 голоса.

Еще несколько лет назад европейские политики размышляли о том, как и в какой форме переложить на Берлин общую ответственность. Например, достаточно нервно обсуждалась идея введения общих европейских долговых обязательств. Теперь же Германии доступно самой определять меру своей ответственности перед Европой. Именно Германия была инициатором всех последних ключевых назначений в структурах ЕС – главы Еврокомиссии Жана Клода Юнкера и главы Евросовета Дональда Туска.

Европейское лидерство и «натиск на Восток» – это те две задачи, с которыми Германии будет сложно справиться одновременно. Внешний ракурс европейской политики долгое время был вне компетенции Берлина, и в тандеме с Францией она явно была ведомой. Это давало повод для критики со стороны американских политиков, недовольных внешнеполитической пассивностью Берлина. Однако, по крайней мере с начала 2010-х годов, наблюдаются системные изменения – Германия активизировалась в первую очередь в сфере восточной политики ЕС, хотя предпочитала не действовать открыто и напрямую, прощупывая реакцию соседей. Если Польша была инициатором восточного партнерства, то Германия – вдохновителем и спонсором.

Германия является инициатором жестких санкций в отношении России, введенных в 2014 году, и одновременно фактическим творцом конфронтации, которая послужила им причиной. К началу 2015 года ситуация обозначилась таким образом, что устремления Германии к востоку от Европы начали вступать в противоречие с ее амбициями в ЕС. Политика Берлина может породить реакцию отторжения, вплоть до того, что в перспективе возможно разрушение глубоко укорененного в новейшей европейской традиции франко-германского альянса.

¹¹ Меркель готовит ЕС к реформам. 19 декабря 2013 года. <http://www.euromag.ru/germany/34232.html>

антигерманистский оттенок.

Стабильность европейского сообщества

До 2020 года ЕС, по всей видимости, останется в прежних границах и будет насчитывать 28 государств. В июле 2014 года Жан-Клод Юнкер заявил, что в ближайшие пять лет расширения ЕС не будет. Конечно же, новый глава Еврокомиссии мог быть не совсем искренен и сами планы могут быть в будущем скорректированы. Это вполне мог быть намек на бесполезность в обозримой перспективе устремлений Украины, Сербии или Албании стать частью ЕС.

В любом случае есть страны, ради которых европейцы смогли бы изменить любые планы, но которые пока не стремятся вступить в ЕС. Речь идет прежде всего о Норвегии и Швейцарии, которые очень важны для Европы, способны оказывать немаловажные услуги в энергетической и финансовой сфере, но не хотели бы, чтобы их эксклюзивные возможности попали под диктат Брюсселя. Для того чтобы, по крайней мере, начать обсуждать вопрос их большего вовлечения в европейские дела, необходимо определиться с тем, каким будет ЕС. Ответа на этот вопрос нет ни в Брюсселе и ни в одной европейской столице. Однако можно предполагать, что обсуждение этого вопроса в той или иной форме все же начнется в ближайшие пять лет.

Не исключено, что вариант «особого членства» в ЕС попытается продемонстрировать Великобритания, которая все же не покинет ЕС. Об этом можно говорить с уверенностью, несмотря на то что веская причина для этого только одна: Лондон желал бы отвернуться от европейских проблем, но не может позволить себе отказаться от имеющихся инструментов влияния в ЕС. Для Великобритании объединение Европы в любых формах всегда представляло проблему, в том числе и сейчас, когда развитие Европы протекает в режиме германоцентризма.

К тому же, на фоне роста значения Берлина для американской политики, ценность Лондона в качестве ключевого американского союзника неизбежно ослабнет со временем, и выход из ЕС мог бы привести к политической маргинализации Великобритании.

Внешняя политика и политика безопасности ЕС

Первые лица Европы достаточно давно рассуждают о необходимости укрепить присутствие Евросоюза на международной арене. По словам Жана Клода Юнкера, зачастую именно главы МИД стран-членов «чинят препятствия» самостоятельной деятельности ЕС. За этими словами скрывается непонимание содержания международной политики, которая очень отличается от конвейерного «производства» резолюций в Брюсселе. **Главная проблема европейской политики состоит в том, что не сложился как таковой европейский интерес, не произойдет этого и в ближайшие годы. Подобно национальному интересу, он должен иметь глубокие исторические основания и пройти через испытания катастрофами.**

Ряд европейских стран вообще практически не имеют внешнеполитических амбиций, некоторые ограничивают их рамками Европейского континента и зоны европейского соседства, и лишь Германия, Франция и Великобритания могут претендовать на реализацию глобальных интересов. Европейским лидерам практически невозможно поднять малые страны на собственный уровень интересов и добиться от них чего-либо большего, чем солидарность в отдельные сложные моменты. Другой камень преткновения заключается в том, что в ключевых европейских столицах нет взаимного согласия.

В целом Европа идет по пути углубления интеграции и формирования более тесных связей с англо-саксонскими странами других континентов, но есть и частные нюансы. Германия выходит на авансцену мировой политики после многих лет пассивности и, следуя британскому примеру, стремится установить тесные взаимоотношения с США для того,

чтобы использовать американский внешнеполитический потенциал для своей глобальной политики. Ресурсов для самостоятельной политики за пределами Европы у Берлина нет, а у американцев, в свою очередь, наблюдается растущая потребность в союзниках на фоне угасающей гегемонии. Французская дипломатия во многих аспектах своей политики держится особняком от других европейских стран и, следуя собственным традициям, никогда не пыталась реально включать в свои внешнеполитические проекты другие европейские страны. Теперь же Париж тем более не намерен работать на единство внешней политики ЕС, понимая, что основным бенефициаром такой политики станет Берлин.

Великобритания хотя и является членом ЕС, но сохраняет этот статус больше для того, чтобы иметь влияние на европейские процессы. Все ее инициативы, и в первую очередь идея «двухскоростной Европы», направлены главным образом на торможение европейской интеграции. Кроме того, Великобритания стремится сохранить особый характер взаимоотношений с США и ревниво относится к попыткам Берлина и Брюсселя выстроить аналогичное партнерство. Никаких причин поддерживать европейское единство у Лондона нет.

Прежняя европейская политика в мире была, по сути, производной от прошлого – двух мировых войн, предопределивших особый характер взаимоотношений с США, и колониальной эпохи, связавшей европейцев особыми, очень индивидуальными узами с народами других континентов. Для Франции такой зоной особых интересов традиционно были Африка, Средиземноморье и частично Ближний Восток, а для Германии (после окончания «холодной войны» и объединения страны) – отношения с Россией. Подобным же образом Польша и Швеция имели амбиции на постсоветском пространстве, Испания – в Латинской Америке, Великобритания – среди стран Содружества.

Время меняет тенденции, и географическая «специализация» европейских держав постепенно уходит в прошлое. Германская политика, а также экономическая экспансия выходят за пределы Европы и, в частности, становятся очень заметными в Китае, на Ближнем Востоке и на постсоветском пространстве. Польша активизирует свою политику в Европе, чего не было раньше. Существенные изменения происходят и во французской внешней политике, обратившейся к региону Персидского залива.

Серьезных изменений стоит ждать и в сфере безопасности. Вопрос о создании общеевропейских вооруженных сил хотя и не обсуждается активно, но является принципиально важным. Начало было положено созданием боевых групп, первая из которых появилась в 2005 году. Это небольшие подразделения, создаваемые коллективно несколькими странами и необходимые не столько для выполнения боевых задач, сколько для отработки взаимодействия. Формирование европейских вооруженных сил может быть успешно вписано в новую модель североатлантического сотрудничества. В рамках новой логики «Умной обороны» НАТО предполагается более тесная интеграция вооруженных участников альянса на основе специализации. Многие страны ЕС предпочтут лишь формально участвовать в этих процессах, и лишь некоторые – Великобритания, Франция, Германия и Польша – продолжат формировать универсальные вооруженные силы.

Отношения Европы с США

Не очень заметное, но принципиальное изменение формата отношений США и ЕС произошло в начале второго десятилетия XXI века. Прежде американские лидеры, Джордж Буш-младший и Барак Обама, предпочитали общение с главами европейских стран по отдельности, но с 2011 года в переговорный процесс все глубже входят руководители Евросоюза. Важные решения по-прежнему принимаются на национальном уровне, но прибытие на саммит США – ЕС в Вашингтон в ноябре 2011 года, впервые за всю историю подобных встреч, председателя Еврокомиссии Мануэля Баррозу, председателя Европейского совета Хермана ван Ромпея и высокого представителя Евросоюза Кэтрин Эштон стало очень показательным «авансом» интеграции.

Отношения ЕС и США имеют симбиотический характер. Сложно сказать определенно, какая из сторон от них больше выигрывает, особенно сейчас, когда на фоне спада гегемонии Вашингтон стремится упрочить все имеющиеся союзы. С другой стороны, для ведущих европейских стран с потенциалом глобального участия в мировой политике американская политика служит своего рода проводником. В случае Германии отношениям не повредили даже тяжелые скандалы, связанные с отказом США вернуть Германии 300 тонн принадлежащего ей золота, а также с прослушиванием телефонов немецких политиков, в том числе и федерального канцлера. Однако скандалы серьезно повлияли на общественное мнение – согласно опросу общественного мнения, проведенному еженедельником *Der Spiegel* 6 июля 2014 года, 57 % немецких респондентов высказались за большую самостоятельность Германии от США в вопросах внешней и оборонной политики, а 69 % опрошенных заявили о том, что их доверие к альянсу с США отныне подорвано¹³.

В целом антиамериканизм в Европе достаточно слаб. Правда, в десятку наций, наиболее критически смотрящих на США, входят две европейские страны – Германия и Греция, но это компенсируется позитивным отношением большей части европейцев, а Франция и Италия входят в десятку стран с самой позитивной оценкой США¹⁴. При этом в течение более чем десятилетия заметна постоянная позитивная динамика в отношении США после провала в 2003 году в связи с агрессией против Ирака. До конца десятилетия можно будет наблюдать некоторый откат назад, но серьезного взлета антиамериканизма без очень веской причины ждать не стоит.

Предстоящие большие проекты, наподобие Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), подтверждают укрепление устойчивой взаимозависимости США и ЕС. Инициатива партнерства была запущена в июне 2013 года с целью создания зоны свободной торговли между США и ЕС. Она может стать самой масштабной в современном мире, объединяющей почти половину мирового ВВП и две трети международных инвестиций. Первоначально основной целью европейцев, которые были инициаторами проекта, было стремление оживить торговлю Европейского союза, уставшего от жестких мер экономии и многочисленных регламентаций. Однако теперь этот проект видится едва ли не геополитическим, особенно на фоне ухудшившихся отношений с Россией и выхода Китая в лидеры мировой экономики.

Со стороны Европы переговоры о ТТИП ведет Сесилия Мальстром, еврокомиссар по торговле. Она многократно давала понять, что не намерена спешить в этом вопросе, но фактически лишь пыталась скрыть подобными заявлениями сильную заинтересованность Брюсселя в установлении партнерства. Однако у европейских переговорщиков имеется немало требований, способных надолго стать камнем преткновения в обсуждении договора.

Европейцы настаивают на исключении из договора механизма, позволяющего бизнесу подавать в суд на правительства. Если это произойдет, то крупные транснациональные корпорации получат дополнительный рычаг влияния на европейскую политику. Кроме того, европейцы требуют отмены принципа «покупай американское» при заключении государственных контрактов, отчего могут пострадать прежде всего американские производители вооружений. Наконец, Европа настаивает на включении в соглашение раздела по либерализации энергетической сферы.

Договор очень важен лично для президента Барака Обамы, поэтому не исключено, что к концу 2015 года компромисс по основным вопросам будет достигнут. Форсированию переговоров может способствовать и создавшаяся в Европе на фоне противостояния

¹³ Germany's New Spying Scandal Fuels Anti-Americanism. July 7, 2014. <http://carnegieeurope.eu/strategieurope/?fa=56084>.

¹⁴ Bruce Stokes, Which countries don't like America and which do. July 15, 2014. <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/07/15/which-countries-dont-like-america-and-which-do/>.

с Россией политическая ситуация. Уподобление соглашения партнерству в НАТО практически уже стало общим местом.

Перспективы контактов России и ЕС

Европа всегда была конфликтным полюсом мира, поражающим частотой и интенсивностью конфликтов. С XVII века Россия становится неременным участником европейского баланса сил, и несколько раз, еще со времен Карла XII, вторжения с Запада были жизненной угрозой российской государственности. **Никогда прежде в своей истории Россия не имела дела с единой Европой, но даже кратковременное квазиединство европейцев становилось тяжелым испытанием для «русского мира» во времена Наполеона и Гитлера. Европейская интеграция и дальнейшее объединение евроатлантического мира безусловно являются для России экзистенциальным вызовом и потенциальной угрозой безопасности.**

Ключевой проблемой взаимоотношений России и ее европейских партнеров в начале XXI века было отсутствие серьезных причин для развития отношений. По инициативе российской дипломатии на обсуждение еще с 2008 года было поставлено несколько соглашений: базовое соглашение о партнерстве и сотрудничестве, договор о европейской безопасности и реформа договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Тогда мало кто предполагал, что продвижения в переговорном процессе, а по существу, и самих переговоров, не будет в течение последующих четырех лет. Все соглашения, предлагаемые российской стороной, по большому счету, не были нацелены на то, чтобы определять параметры сотрудничества. Скорее, они были призваны установить пределы допустимого для всех сторон, преимущественно в сфере жесткой безопасности.

Российской дипломатии, конечно же, следовало заключить основополагающие акты, не дожидаясь того момента, когда европейская внешняя политика приобретет монолитный характер. После чрезвычайного обострения взаимных отношений из-за событий на Украине возврат к переговорам в старом формате представляется невозможным, а содержание будущей повести находится за горизонтом прогноза.

Те соглашения, которые будут достигнуты по украинскому вопросу, безусловно, будут негласно иметь в виду дальнейшую судьбу Белоруссии, Грузии и Азербайджана, а также непризнанных государств Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии и, возможно, Нагорного Карабаха. Только после этого на повестку дня можно будет поставить соглашения экономического содержания и нового договора о безопасности в Европе.

Европа и Россия практически обречены на тесную взаимозависимость в сфере безопасности более чем в какой-либо иной. Наиболее перспективной видится модель, при которой будущий договор о европейской безопасности будет частью обширного общего пространства безопасности, состоящего из соединенных в «кольцо» региональных сегментов. Таким образом, Россия должна превратиться в трансрегиональную державу, своего рода континентальную ось, на которую будут нанизаны звенья безопасности от Атлантики до Владивостока.

Уже не центр – еще не периферия

Потеря Западом центрального места в мире продолжается уже более столетия. Все началось с того, что в конце XIX века в мире появились неевропейские точки роста, а немного погодя, в период Первой мировой войны, Япония была фактически признана великой державой. Деколонизация ускорила процесс размывания европейской исключительности, а окончание «холодной войны» позволило европейцам обратиться к задачам внутреннего плана.

Ключевая проблема современной европейской политики коренится не в вопросе эффективности институтов и не в плоскости ценностей и норм. На протяжении последних

двух десятилетий не было подлинной повестки дня как у отдельных стран, так и у Европы в целом. Сдвиг, обозначившийся в последние несколько лет, фундаментален. Налицо очевидные признаки того, что Европа начинает формировать иерархию приоритетов в сфере мировой политики и ставить перед собой более масштабные задачи. В ином случае Европа просто обречена оказаться на периферии мировой политики.

Глава 3

Постсоветская Европа. Пограничье перед выбором

Лошкарёв Иван Дмитриевич – специалист по постсоветским странам и проблемам развития Африканского Рога. Аналитик агентства «Внешняя политика», аспирант МГИМО (У) МИД России. Его публикации посвящены проблемам развития Африки, внешней политике Украины и проблемам современных диаспор.

Украина, Беларусь и Молдова составляют в совокупности западный фланг СНГ – особый пограничный регион Европы, находящийся на пересечении множества политических, экономических и культурных пространств. Переплетение интересов различных социальных и этнорелигиозных групп и слабость центральной власти (в Молдавии и на Украине) привели к тому, что целостность региона сохраняется исключительно за счет поддержания социального многообразия. Это не устраивает наиболее «пассионарные» группы, которые периодически прилагают усилия, чтобы изменить политический баланс. На таких пассионариев опираются и внешние силы.

Практически любые попытки изменить саму структуру региона с условным названием «Пограничье» приводят к активизации сил, имеющих противоположные цели. На Украине с 1919 года разные политические силы стремились воплотить сразу четыре проекта государственности. В период наступления армии Антона Деникина на север или Красной армии на запад в тылу войск восставали крестьянские атаманы, во время усиления националистического проекта Степана Петлюры на сторону белых массово перешли подразделения сечевых стрельцов, а атаман Нестор Махно, с идеей анархического самоуправления, несколько раз менял политических союзников в течение одного года. Сейчас в Молдавии сторонникам евроинтеграции консолидированно противостоит элита автономного региона Гагаузия, которая борется за сохранение идентичности гагаузов, в том числе путем негласных контактов с Москвой и Анкарой.

Социальные особенности Пограничья приводят к необычным политическим последствиям. Зависимость стран сразу от нескольких центров силы приводит к непоследовательности, отрыву риторики от реальности и попыткам угодить «и вашим, и нашим».

Например, при провозглашении независимости Украины основным принципом внешней политики считался нейтралитет. Затем в течение 15 лет украинское руководство провозглашало своей целью вступление в НАТО, то есть придерживалось принципа взаимосвязи внешней политики с военно-политическими обязательствами. В 2010 году украинское руководство на фоне усталости населения от евроатлантической риторики вернулось к давно забытому нейтралитету, модифицировав его во «внеблоковость».

Перед политическими лидерами трех стран стоит дилемма: быть *последовательными* или *просчитывать последствия*. Например, попытки Виктора Ющенко создать отдельную православную церковь на Украине путем объединения трех основных церковных организаций провалились. Ющенко намеревался сплотить украинское общество путем создания религиозной общности, используя польский опыт («что ни поляк, то католик»). Его последовательность похвальна, как и его замысел, но абсолютно не учитывался фактор социального (и религиозного) многообразия. Опыт половинчатых решений в вопросе идентичности иногда приводит к большему успеху.

В Беларуси Александр Лукашенко два десятилетия колебался между признанием важности заслуг русской и белорусской культуры, а в итоге оформилась самостоятельная

культура русскоязычных граждан Беларуси. Хотя часто непоследовательность губительна: именно колебания молдавского руководства в вопросе статуса Приднестровья замораживают урегулирование конфликта.

Перспективы региональной интеграции

В нынешних условиях внешние силы стремятся изменить социальную и политическую структуру региона. Перед ЕС стоит масштабная задача добиться притока рабочей силы за счет деиндустриализации и снятия торговых барьеров со странами региона. Для этого ЕС необходимо изменить у жителей Пограничья восприятие окружающего мира и сохранять у власти силы, приверженные неолиберальным методам управления экономикой. Из этого возникает целый ряд краткосрочных целей, таких как участие стран в программе «Восточное партнерство», поощрение ориентированных на Европу политических сил, работа с неправительственными организациями.

В то же время у России – цели экономического и культурного характера: сохранить и развить экономические связи и производственные цепочки, оставшиеся с советских времен. Цели ЕС и РФ взаимоисключающие, несмотря на публичные заверения, речь идет именно об «игре с нулевой суммой» («или мы, или они»). Поэтому борьба внешних сил заметно обострилась, что вызывает резкие колебания в социальной и политической структуре региона.

К 2020 году внешнее давление на регион возрастет. Европейский союз через программу «Восточное партнерство» и вмешательство в урегулирование конфликтов будет формировать собственную периферию. При этом, так как те силы, на которые европейцы будут опираться, бесконечно далеки от политических стандартов Брюсселя, этой частью стандартов придется жертвовать в пользу распространения экономических норм и правил ЕС. Например, Брюсселю пришлось признать честными и прозрачными молдавские парламентские выборы 2014 года, хотя крупную партию, имевшую все шансы на прохождение в парламент, лишили прав на участие в кампании за день до даты выборов, что сделало невозможным опротестовать такое решение в судебном порядке. Иными словами, с помощью законных методов была сделано то, что противоречит духу избирательного права.

ЕС будет вовлекать Беларусь, Молдавию и Украину во всевозможные форматы сотрудничества, работающие по принципу «ценности и ориентиры наши – прогресс ваш». В преамбуле Соглашения об ассоциации Украина – ЕС пять пунктов посвящены ценностям, ключевой из них сформулирован так: «Украина как европейское государство разделяет с государствами – членами Европейского союза общую историю и общие ценности и намерена придерживаться этих ценностей». Суть форматов сотрудничества с Брюсселем можно описать как невключение в ЕС или евроинтеграцию без особых обязательств со стороны Брюсселя.

С одной стороны, такие форматы экспансии ЕС позволят в урезанной форме сохранить регион. С другой – его политическое содержание будет меняться. В любом случае перемены будут очень болезненными: в социально-экономической сфере вероятно заметное снижение уровня доходов населения, в политической – формирование нестабильных режимов.

Европейская интеграция остается более привлекательной для стран региона, что объясняется несколькими факторами. Во-первых, срабатывает эффект визуального благополучия, стереотип о «сытой» Европе. Между тем в ЕС существует большой разрыв между достатком старых и новых (с 2004 года и позже) членов: разрыв между средним ВВП на душу населения западноевропейских и восточноевропейских стран составляет 3,5 раза, а по среднему подушевому месячному доходу – 6–7 раз.

Во-вторых, большое количество стран в ЕС делает незаметным неравномерное распределение ресурсов и влияния, а именно – существенный перекоп в пользу ФРГ. Согласно принятой процедуре в Совете ЕС, высшем исполнительном органе,

проголосовавшие «за» должны представлять 65 % населения единой Европы, поэтому сопротивление Берлина почти вдвое (16 % из необходимых 35,1 % против) снижает вероятность принятия решения. С учетом того, что ФРГ обеспечивает четверть бюджетных поступлений ЕС, значение Берлина еще существеннее.

Несмотря на это, Россия будет всячески противостоять попыткам ЕС вмешиваться в дела стран Пограничья. Но с учетом того, что две страны – Молдова и Украина – с формальной точки зрения добровольно подписали соглашения об ассоциации, протесты Москвы будут базироваться на резком неприятии происходящего. Между тем от способности России создать противовес ЕС в Пограничье зависит будущее всего региона: или регион развивается по заданному сценарию, или сохраняет свое многообразие и последовательно ищет свое видение места в мире.

Динамика дальнейшего развития в регионе, в том числе ситуация с непризнанными государствами, зависит от степени готовности России и Запада к эскалации напряженности. Поэтому можно предположить три сценария развития событий.

Первый. Москва и Брюссель договариваются о «размене» Молдовы и Беларуси: ЕС оставляет попытки бороться за симпатии Минска, Россия ограничивает вмешательство в молдавскую политику. Украина остается предметом дальнейших переговоров – уже в более спокойной обстановке. Косвенно в пользу этого сценария говорит откровенно вялая поддержка Кремлем молдавской Партии социалистов, выступавшей за переориентацию на вступление в Таможенный союз.

Второй. Украина возобновляет боевые действия, и Россия в ответ вводит экономически болезненные для Киева меры, одновременно с официальным признанием ДНР и ЛНР. В таких условиях вероятна «разморозка» Приднестровского конфликта.

Третий. Стороны стремятся сохранить статус-кво, выжидая, что не выдержит первым – экономика Украины или России. Периодическая дипломатическая активность по урегулированию конфликта в Приднестровье и на Донбассе превратится в рутинные протокольные встречи. Если не выдержит экономика Украины, Брюсселю придется уступить, если же возобладают негативные тенденции в экономике РФ, то снизить ставки вынуждена будет Москва.

У каждого из сценариев есть свои недостатки и достоинства. Первый вариант окончательно раскалывает регион Пограничья, зато закладывает основы для масштабного сближения Брюсселя и Москвы. Кроме значительных людских жертв, реализация второго сценария ставит под сомнение не только украинскую и молдавскую государственность, но и статус России как региональной державы. Зато прямое столкновение в Приднестровье и Донбассе рано или поздно разрешится, исчезнет необходимость «замораживать» конфликты. Наконец, третий сценарий может продолжаться с небольшими отклонениями в течение десятилетий, что сохраняет и приумножает неопределенность.

Любой сценарий требует от России повысить свою активность в регионе. Помимо неизбежного и существенного пересмотра отношений с политическими партнерами в трех странах Москве потребуются задуматься об экономических реформах. Их осуществление принесет пользу Российскому государству и ослабит демонстрационный эффект от визуального благосостояния ЕС. Главное – это донести до населения и элит Молдовы, Украины и Беларуси, что Россия выступает не за статус-кво, а за более адекватный по темпу и направленности формат политического и экономического развития. Для этого Москве придется научиться общаться со странами Пограничья, идти на компромиссы и проявлять внимание к специфике региона. Именно эти приоритеты – пересмотр круга партнеров, реформы и внимание к специфике – должны лечь в основу подготовки Москвы к предвыборным кампаниям 2019 года в Молдавии и Украине. В общем, целостность региона во многом зависит от способности России за четыре года справиться с внутренними и внешними вызовами, в том числе убедить элиты в Кишиневе, Минске и Киеве просчитывать последствия.

Два уровня внешнеполитического балансирования

Несмотря на то что внешние силы во многом задают повестку дня для стран региона, последние не наблюдают молчаливо за происходящим. Напротив, в Киеве, Минске и Кишиневе постоянно (хотя и с разной степенью интенсивности) идет поиск оптимальных моделей взаимодействия с миром. **В Кишиневе изобретением последних лет стала концепция «двухвекторной интеграции», вполне соотносящаяся с реалиями региона. В Киеве, несмотря на информационный шум по поводу событий в Крыму и на Донбассе, сохраняет влияние идея моста между Востоком и Западом, треугольника, который обеспечит субъектность самой Украины. Во многом нынешние тесные контакты украинского руководства с западными странами – это лишь попытка изменить отношение Москвы к треугольным комбинациям. В Беларуси на официальном уровне уживаются концепции постсоветского братства (например, в формате ОДКБ) и «мирного пояса соседства».**

С трудом выработанное видение взаимоотношений с миром в трех странах подвергается непрерывным атакам извне и изнутри. Во внутривнутриполитическом идеологическом пространстве большинства постсоветских стран доминирует национализм разной степени умеренности. Национализм в мировой практике ставит целью формирование национального государства, но в Пограничье он развился уже после провозглашения независимости государств региона в начале 1990 - х годов, что обуславливает необходимость оправдания его существования. Среди отдельных групп населения существует ностальгия по отдельным аспектам жизни в СССР, которая нередко сильнее привязанности к «новой» стране. В этих условиях государство должно искать более привлекательную модель общества, чем в позднем Советском Союзе. Элиты постсоветских стран традиционно выбирают национализм разной степени уверенности, поскольку эта идеология гибкая и не требует большой ответственности. Даже в Беларуси одним из официальных лозунгов действующей власти стало «За Беларусь для народа», что подразумевает, что белорусская реальность все же лучше советской.

Оправдание национализма сооружается по одному и тому же принципу: собственно национального государства еще нет, так как мешают проблемы (в основном внешнего происхождения). Поэтому видение будущего стран непрерывно вступает в противоречие с мнимыми проблемами, исходящими от внутренней неуверенности постсоветских национализмов.

На Украине наиболее устойчивым стал миф о том, что Россия создает проблемы Киеву с целью демонтажа украинской государственности («Росія хоче знищити Україну як таку»). Мнимая проблема Беларуси – козни Кремля или Запада против действующего руководства, а для Кишинева – угроза слияния с Румынией и растворения в ней собственно молдавской государственности. В итоге страны Пограничья выстраивают отношения с внешним миром, отчасти конфликтуя с ним. Но именно в этом кроется причина непоследовательности большинства политиков трех государств, которые вынуждены балансировать между внутривнутриполитической националистической риторикой и реальными интересами своих государств. Как результат, политические элиты вырабатывают сложные компромиссы, которые быстро утрачивают связь с реальностью.

Противостояние ЕС и РФ в регионе открывает для Украины, Беларуси и Молдовы возможность хотя бы отчасти реализовать свое видение. Повышенная заинтересованность внешних сил в регионе дает возможность получать экономические преференции. Москва и Брюссель болезненно относятся к успехам друг друга, что позволяло Минску, Киеву и Кишиневу использовать угрозу пересмотра внешнеполитических приоритетов.

Например, Беларусь регулярно перед президентскими выборами конфликтует с Москвой по вопросам интеграционного строительства, чтобы обеспечить дополнительные кредиты или дотации. Однако практика балансирования между центрами силы не стоит

на месте: Киев в приднестровском, а Минск в донбасском конфликте зарабатывали политический капитал на статусе посредника, чтобы обменять накопленное на реальные уступки Москвы или Брюсселя. **А в 2014 году уникальную тактику избрала украинская элита, сделавшая предметом торга угрозу распада собственной страны.** Европейскому союзу хотелось бы избежать материальной ответственности в духе формулы «евроинтеграция без обязательств», но Киев активно использовал нежелание Брюсселя доводить ситуацию до неопределенности, когда невозможно действовать по стандартам и шаблонам. К 2020 году ситуация радикально не изменится: груз обязательств по отношению к ЕС и ЕАС будет давить на страны, будут пройдены интеграционные «точки невозврата», но Киев, Минск и Кишинев будут находить все новые способы использовать развернувшуюся над их головами битву гигантов.

Таким образом, **внешняя политика Беларуси, Украины и Молдовы представляет собой сложное соотношение между мифами национализма, реальными интересами и возможностью использовать заинтересованность внешних игроков.** В течение ближайших пяти лет поменяются фигуры в руководстве стран, партийные расклады в парламентах, динамика внешнеторгового оборота, но константой останется двухуровневое балансирование: между националистическими мифами и реальными интересами и между крупными внешними игроками. Первый уровень задает повестку дня, а второй – вносит жизнь в мертворожденный компромисс элит.

С учетом политической специфики у Беларуси балансирование будет проявляться в виде взаимоисключающих действий и высказываний главы государства, у Молдовы и Украины – путем закулисных договоренностей и публичных скандалов. **Маловероятно, что Кишинев или Киев пересмотрят соглашения об ассоциации с ЕС. Скорее, эти документы полностью не заработают. Аналогично участие Беларуси в евразийском интеграционном проекте состоится настолько, насколько это не будет мешать функционированию действующей политической системы.** Таким образом, экономическая интеграция под влиянием сопротивления стран региона сохранит «ритуальный» характер: постоянные встречи «интегрируемых» и взаимные декларации верности будут важнее, например, реальной борьбы с нетарифными ограничениями.

В далекой перспективе внутреннее сопротивление региона внешнему давлению может привести к реализации концепции моста между Европой и Евразией. С учетом того, что материальные и политические возможности России в нынешнем мировом порядке меньше, чем у Брюсселя, такой исход событий выгоден Москве. Если РФ сделает ставку на внутреннюю динамику обществ и на контрбалансирующие силы Пограничья, даст им аргументы в заочной дискуссии, удастся не только разрушить часть националистических мифов, но и выйти на партнерскую модель взаимодействия с тремя странами.

Политические процессы в Молдавии и на Украине

Несмотря на формальные черты демократии на Украине и в Молдавии, конкуренция партий и идеологий представляет собой фасад, а не содержание политической системы. В реальности решения государственных органов являются отражением позиций неформальных институтов. Главный из таких институтов – устойчивая связь политиков и чиновников с финансово-промышленными группами. Крупный бизнес стремится контролировать отдельные сферы государственного управления и социальной жизни. Например, в Молдавии судебную власть, прокуратуру, строительство, энергетику, транспорт и телекоммуникации курирует олигарх Владимир Плахотнюк, которого в политическом пространстве представляет Демократическая партия. Его основной конкурент – бывший премьер и глава Либерально-Демократической партии Владимир Филат, влияние которого ощутимо в полиции, системе здравоохранения и публичных финансов (см. табл. 1). На Украине деление организовано по точно такому же принципу, но в более сложных формах (см. табл. 2).

Таблица 1. Ключевые политические партии Молдовы и их основные финансовые покровители

Партия	Доля депутатов в парламенте, %	Доля депутатов в районных и муниципальных советах, %	
<i>Либерально-демократическая партия</i>	23	22,6	В (
<i>Демократическая партия</i>	18	15,4	В (
<i>Либеральная партия</i>	12	16,2	П С
<i>Партия коммунистов</i>	21	36,9	С (Ч Х
<i>Партия социалистов</i>	26	0,1	В (

Недовольство населения неформальными институтами велико, что составляет одну из важнейших контрбалансирующих сил. Правда, итоги недовольства разные: в Молдавии – политическая индифферентность масс, на Украине – регулярный поиск поколения «новых политиков». **Временные пики протестной активности населения (такие, как Евромайдан) разряжают социальную напряженность, но не меняют основ политической системы.** Часто масштабные акции граждан используются в интересах финансово-промышленных групп, недовольных текущим распределением ресурсов. Именно возможность пересмотра баланса сил сдерживает аппетиты групп интересов, уже причастных к формированию государственной политики.

Таблица 2. Ключевые украинские партии и их основные финансовые покровители

Партия	Доля депутатов в парламенте, %	По
<i>Блок Петра Порошенко</i>	35,2	П.А. Порошенко («Petro Poroshenko Capital»), И. М. (группа «Приватбанк») («Df Group»)
<i>Народный фронт</i>	19,4	А.В. Иванчук (нефтегазовая компания), Н.В. Мартыненко (средник в ядре)
<i>Радикальная партия</i>	5,2	Д.В. Фирташ
<i>ВО «Самопомощь»</i>	7,6	И.В. Коломойский («Западная Украина»), А.М. Витренко
<i>ВО «Батькивщина»</i>	4,5	отсутствует
<i>Оппозиционный блок</i>	9,5	Р.Л. Ахметов («RSC Management»), «Смарт-группа»

До 2019 года в Молдове и на Украине у власти будут находиться проевропейские политические силы. В одной лодке их удерживает боязнь надолго утратить доступ к власти, что может случиться в случае распада парламентских коалиций. Уровень неприязни между либерал-демократами Влада Филата и демократами Мариана Лупу в Молдове почти равен степени напряженности в отношениях украинских партий – ВО «Батькивщина» Юлии Тимошенко и «Народного фронта» действующего премьера Арсения Яценюка. На различие

идеологий и тактических целей основных групп накладываются неприязненные отношения отдельных персоналий (например, президента Петра Порошенко и самого богатого украинца Рената Ахметова). Политические и финансово-промышленные группы существуют по принципу «вместе идти, врозь бить». Парадоксально, но легитимность и уверенность им придает Брюссель в обмен на декларирование курса на европейскую интеграцию.

На внешнюю и внутреннюю политику Украины значительное влияние будет оказывать миф о превентивной агрессии России, согласно которому Кремль намерен сохранить влияние в стране путем ее дестабилизации. Этот миф позволяет действующей власти клеймить политических оппонентов как пособников «агрессора», перекладывать ответственность за собственные ошибки на мнимых вредителей и сплачивать электорат. Нагнетанию социальной истерии на Украине способствует неразрешенная проблема «народных республик» Донбасса, а новые факты и телевизионные репортажи льют воду на мельницу мифотворцев. Постулат о превентивной агрессии утверждает, что за ЛНР и ДНР сражаются боевики и наемники, что местное население подавленно наблюдает за происходящим.

Миф подводит к вполне логичному выводу: переговоры с «боевиками» не нужны, лучше их игнорировать или уничтожить. В итоге ключевой механизм сохранения нынешних групп интересов у власти становится препятствием для перехода к конструктивным отношениям с Россией, ДНР и ЛНР. Хотя на отсутствие конструктива повлиял не только миф о превентивной агрессии, но и ситуация форсированного выхода Крыма из состава Украины. Таким образом, националистический миф сильнее прежнего будет ограничивать выбор для киевского руководства. Зато сконструировать нечто подобное в Молдавии не удастся, поскольку проевропейская коалиция долго находится у власти, постепенно утрачивает доверие населения и поэтому не способна производить полноценные мифы.

Из-за консервирующей роли ЕС в политических системах двух стран к 2019 году маловероятно, чтобы правительственные коалиции в Молдавии и Украине распались. В Кишиневе за 12–18 месяцев до очередных выборов возможен правительственный кризис, который устроит Владимир Плахотнюк для того, чтобы снизить рейтинги либерал-демократов. Евросоюз сделает все, чтобы проевропейская коалиция хотя бы на публике демонстрировала единство и уверенность в собственном будущем. Не исключены провокации в отношении Гагаузии и Приднестровья.

Ситуация на Украине менее устойчива, поскольку в правительственной коалиции участвуют пять партий. Лидеры четырех из них (Петр Порошенко, Арсений Яценюк, Юлия Тимошенко, Андрей Садовой) претендуют на должность президента в 2019 году. За четыре года каждая из партий будет стремиться переложить ответственность на других и изнутри расколоть коалицию. Первыми на выход из проевропейского большинства претендуют «Батькивщина» и «Самопомощь». В Верховной раде повторятся скандальные переходы депутатов между фракциями, не исключены отставки отдельных министров (прежде всего главы ведомства социальной политики Павла Розенко и руководителя Министерства спорта и молодежи Игоря Жданова).

Таким образом, противоречия основных политических сил и групп интересов в Молдавии на и Украине будут углубляться. Продолжится перераспределение влияния в регионах и отраслях государственного управления, будет происходить территориальная и функциональная фрагментация государственного аппарата. В условиях фрагментации деструктивные силы (например, часть добровольческих батальонов на Донбассе) могут вести независимую политику и без обострения отношений с центральной властью. За счет слабости государственного аппарата слабыми будут и деструктивные силы. Поэтому распада Украины или Молдовы в ближайшем будущем не предвидится.

Политические процессы в Беларуси

Политический режим в Беларуси относится к разряду авторитарных, хотя и имитирует

основные демократические процедуры, в том числе парламентские и президентские выборы. Основа стабильности режима в Минске кроется в «белорусской экономической модели», то есть в относительно справедливом перераспределении благ государством при сохранении советской структуры экономики. В белорусских реалиях народное хозяйство до сих пор опирается на колхозы и градообразующие промышленные предприятия. Сохранение такой экономической модели малопродуктивно, поскольку не решается проблема энергоемкости производств, что очень важно для небогатой полезными ископаемыми Беларуси. Кроме того, экономические механизмы советской эпохи заслоняют дорогу для более эффективных и гибких форм производства. В СССР заботу о том, как реализовать продукцию, брало на себя государство через инструменты директивного планирования. Но в Беларуси производства, предназначенные работать по указке сверху, вынуждены искать покупателя самостоятельно. Им приходится сокращать производство, поскольку покупателей заметно меньше в условиях глобальной конкуренции и таможенных барьеров. Драма «белорусской экономической модели» состоит в том, что производственный сектор сокращается, но должен при этом обеспечивать растущие потребности. В итоге экономика и политический режим в Беларуси в нынешнем виде существуют за счет внешних ресурсов, прежде всего российских инвестиций и дотаций. Доля экспорта в ВВП Беларуси в последние десятилетие колебалась между 60 и 80 %.

После резкой девальвации белорусской валюты в 2011 году доверие граждан к политическому режиму резко упало. Население страны уже десятилетие высчитывает любое количество денег (доходы, цены) в долларовой эквиваленте, но теперь большинство вдобавок сомневается в способности президента Александра Лукашенко исправить ситуацию. С учетом девальвации российской валюты в 2014–2015 годах весной или летом 2015 года вероятен новый виток кризиса белорусского рубля. По устоявшемуся правилу политический режим переложит ответственность на внешних игроков. Кроме того, Лукашенко подготовил запасной вариант: в качестве виноватых может оказаться новый состав правительства, назначенный в декабре 2014 года. На любом другом отрезке электорального цикла этого было бы достаточно, но в год выборов белорусский лидер не может рисковать. Поэтому Минск будет работать в двух направлениях: дезорганизация оппозиции и получение дополнительных кредитов.

С учетом международного имиджа Беларуси евразийские интеграционные структуры и Россия остаются едва ли не единственными источниками финансовой помощи для Минска. Но в пиковые политические моменты в странах Пограничья активизируется националистическое мифотворчество, так что Беларусь будет добиваться кредитов путем жесткой и даже оскорбительной риторики. Наиболее вероятно, что Минск будет позиционировать себя как сторону, предлагающую наиболее правильную модель евразийской интеграции, а Россию будет обвинять в корыстных побуждениях. Другой механизм достижения цели – угроза смены внешнеполитических приоритетов – Москву уже не испугает, поскольку Запад не готов к полноценному диалогу с действующим политическим режимом.

Для России важно не только сохранить в лице Беларуси союзника и партнера, но и с помощью финансовых инструментов корректировать «белорусскую экономическую модель». С помощью четко выписанных критериев предоставления кредитов и поэтапного мониторинга их достижения Россия и институты евразийской интеграции смогут заложить основу для постепенного реформирования Беларуси.

Политическая динамика в непризнанных государствах

На фоне фрагментации суверенитета на Украине и в Молдавии непризнанные государства демонстрируют тенденцию к политической консолидации. В ДНР и ЛНР наметится поворот к авторитарной модели управления. В Приднестровье президент Евгений Шевчук будет и далее искоренять остатки влияния многолетнего бывшего лидера Игоря

Смирнова, соблюдая нейтралитет в отношениях с крупнейшей финансово-промышленной группой «Шериф». При этом экономическая ситуация в непризнанных государствах тяжелая: Украина заморозила банковскую активность и социальные выплаты в Донбассе, вынуждает местных жителей переместиться на контролируемую властями территорию, а Приднестровье живет в условиях блокирования товарных потоков Кишиневом и Киевом при негласной поддержке ЕС и США.

ДНР и ЛНР находятся в начале пути построения государства. Две проблемы требуют скорейшего решения. Во-первых, народные республики должны определить свой вектор развития, всего их три: присоединение к России, автономный статус в составе Украины или полная независимость. Не все варианты в одинаковой степени можно реализовать. Например, Приднестровье четко заявляло о намерении присоединиться к России, но никаких последствий это не повлекло. Во-вторых, народным республикам следует выстроить новую модель экономики. Сейчас непризнанные государства Донбасса ориентированы на теневой экспорт угля и промышленного оборудования. Без материальной поддержки России долго такие экономики продержаться не могут, особенно при возобновлении боевых действий.

Напротив, Приднестровье настолько давно существует в состоянии фактической независимости, что уже достигло осознания собственных интересов. Зона свободной торговли Молдавии с ЕС открывает для Тирасполя широкие возможности, но требует от него больших уступок. В уравнение внешнеполитического балансирования ПМР в ближайшие годы прочно войдет намерение сохранить эти возможности при минимуме уступок.

В целом существование непризнанных государств и политическая динамика в них напрямую зависят от отношений России и Запада и от того, какой сценарий развития событий будет реализован.

Глава 4 Южный Кавказ. Поиск источников роста

Силаев Николай Юрьевич – кавказовед, кандидат исторических наук (2003). Ведущий аналитик агентства «Внешняя политика». Старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России. Директор Некоммерческого партнерства «Кавказское сотрудничество (2009 – настоящее время). Его публикации посвящены международным отношениям и социально-политическим трансформациям на Южном и Северном Кавказе.

Летом – осенью 2014 года в регионе произошел ряд крупных столкновений между армянскими и азербайджанскими силами в Нагорном Карабахе. В июле – августе 2014 года возникло очередное обострение на линии соприкосновения сторон. В ноябре азербайджанские силы сбили вертолет Ми-24 армии Нагорного Карабаха. По данным азербайджанской стороны, вертолет собирался атаковать азербайджанские позиции. По данным Армении и НКР, он был сбит во время учений, когда летел параллельно линии соприкосновения сторон. **Однако, несмотря на прогнозы многих комментаторов и наблюдателей, эти вспышки не переросли в полномасштабную войну. В последние годы стороны добились установления такого баланса сил в зоне конфликта, который позволяет им эффективно осуществлять взаимное сдерживание.** На этом фоне в 2014 году прошли три встречи президентов Армении и Азербайджана: в августе в Сочи, в начале сентября на полях саммита НАТО в Ньюпорте и в конце октября – в Париже. Эти встречи не привели к каким-либо подвижкам в позиции сторон, хотя способствовали тому, чтобы ситуация в зоне конфликта не вышла из-под контроля.

Стратегии армянской и азербайджанской сторон по отношению к конфликту остаются прежними. Азербайджан не отказывается и не откажется от своей позиции по Нагорному Карабаху. Баку добивается возвращения под свою юрисдикцию семи районов, оккупированных силами Армении и НКР в результате войны 1991–1994 годов, и передачи ему территории Нагорного Карабаха. Поскольку эти цели, очевидно, недостижимы в рамках

политического урегулирования, Азербайджан придерживается стратегии «отложенного реванша». Пользуясь доходами, полученными от экспорта углеводородов, он добивается военно-технического превосходства над Арменией и НКР. В Баку рассчитывают, что значительный экономический перевес Азербайджана над Арменией, в совокупности с поддержанием транспортной блокады Армении со стороны Баку и Анкары, в долгосрочной перспективе будет способствовать ослаблению Армении. В Ереване ориентируются на поддержание статус-кво, основанного на балансе военных потенциалов двух стран.

За последние годы военный бюджет Азербайджана резко вырос. Так, между 2010 и 2011 годами он увеличился в два раза. В 2013 году, по данным SIPRI, он составил 3440 млн долларов. Он почти на миллиард долларов превышает доходную часть всего государственного бюджета Армении и более чем в 7 раз – ее военные расходы. В то же время, хотя такой дисбаланс поддерживается на протяжении уже нескольких лет (быстрый рост оборонных расходов Азербайджана начался одновременно со взрывным ростом его углеводородного экспорта и ВВП в 2005–2007 годах), он пока не привел к возобновлению войны в Карабахе. Вероятно, это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, учитывая высокую зависимость Азербайджана от экспорта углеводородов, Баку не может допустить вовлечения в длительную войну на истощение, тем более такую, которая создаст угрозу для стратегических экономических объектов на его территории, в том числе трубопроводов, по которым нефть и газ доставляются на мировые рынки. Реалистичный сценарий силового установления контроля над Карабахом для Азербайджана может заключаться только в блицкриге, причем таком, на который имеется согласие ведущих мировых и региональных держав. Поскольку достижение такого согласия крайне маловероятно, а возможность блицкрига сомнительна, задача сдерживания для армянской стороны упрощается: суть ее в том, чтобы не допустить быстрого успеха азербайджанских сил и гарантированно перевести возможное столкновение в режим длительного противостояния.

Во-вторых, хотя мандат российской военной базы в Армении, как и обязательства по обеспечению ее безопасности, взятые на себя Россией в рамках ОДКБ, распространяется лишь на территорию собственно Армении, едва ли в случае возникновения полномасштабного конфликта боевые действия ограничатся Нагорным Карабахом. Поэтому возникает неопределенность в отношении российской позиции в возможном конфликте. Конечно, возобновление войны между Арменией и Азербайджаном и начало боевых действий на территории собственно Армении поставило бы Москву перед весьма непростым для нее выбором: либо ставить под сомнение эффективность гарантий ОДКБ (и тем самым прочность самой организации), либо быть вовлеченной в прямое военное столкновение с Азербайджаном. Но пока этого выбора нет, неопределенность в отношении возможных действий Москвы способствует тому, что стороны воздерживаются от военной эскалации.

Нужно подчеркнуть, что в случае с Нагорным Карабахом Запад продемонстрировал свою (отказавшую ему на Украине) способность адекватно взвешивать риски. Какими бы ни были версии относительно происхождения летне-осенних обострений в зоне конфликта в 2014 году, ключевые институты, созданные для его урегулирования, продолжают существовать. Россия, США и Франция продолжают поддерживать контакты по линии Минской группы ОБСЕ, несмотря на острые разногласия между ними в других вопросах. Думается, в том числе потому, что тесное сотрудничество России и Армении, сохранение роли России как непредвзятого посредника между сторонами конфликта, делает цену пересмотра статус-кво исключительно высокой.

В 2015 году, как это было и раньше, продолжатся вооруженные столкновения на линии соприкосновения сторон. Нельзя исключить, что некоторые из этих стычек окажутся настолько масштабными, что заставят наблюдателей говорить об угрозе возобновления военных действий. Однако оснований ожидать возникновения новой войны в Нагорном Карабахе сейчас нет. Наиболее вероятным сценарием, в осуществлении которого заинтересовано большинство вовлеченных игроков, представляется сохранение статус-кво,

не исключен при этом рост интенсивности вооруженных стычек на линии соприкосновения сторон.

Пессимистичный сценарий включает в себя возобновление боевых действий, в которых каждая из сторон будет стремиться достичь своих стратегических целей. Для Азербайджана такая цель – либо захват территории Нагорного Карабаха, либо (минимум) возвращение под свой контроль занятых армянскими силами прилегающих к Карабаху районов, не входивших в состав НКАО. Последнее не решает задачи установления юрисдикции Баку над Карабахом, но позволило бы Азербайджану оказывать постоянное разрушительное силовое давление на непризнанную республику. Для Армении стратегическая цель в случае возобновления войны – нанесение Азербайджану такого поражения, которое сделало бы невозможным продолжение им боевых действий и устранило бы перспективу установления его контроля и над Карабахом, и над прилегающими районами. Вероятно, эта цель может быть достигнута в случае занятия новых территорий армянскими силами или нанесения неприемлемого ущерба ключевым отраслям экономики Азербайджана.

Вероятность сценария возобновления полномасштабной войны до 2020 года зависит от нескольких факторов. Во-первых, от того, изменится ли дипломатический контекст вокруг конфликта и не начнет ли Запад расценивать этот конфликт как потенциальную точку давления на Россию, которая весьма не заинтересована в возникновении новой войны в Закавказье, тем более с перспективой ее вовлечения в такую войну. Во-вторых, от изменения сравнительного потенциала сторон: ухудшение экономической ситуации и политическая нестабильность в Армении могут ослабить действующий сейчас в Карабахе режим взаимного сдерживания. В-третьих, триггером может стать и нарастание экономических сложностей в Азербайджане в связи с падением цен на нефть. **Однако нужно подчеркнуть – даже в ситуации, когда все три фактора будут действовать одновременно, возобновление войны не станет неизбежным.**

Оптимистичный сценарий – полное или частичное урегулирование конфликта – представляется наименее вероятным. Критерий такого сценария: разработка и реализация мер доверия на линии соприкосновения сторон, сокращение числа и интенсивности вооруженных инцидентов, их эффективное расследование, прекращение враждебной риторики, возобновление переговоров о полном урегулировании конфликта. Хотя все стороны конфликта были бы заинтересованы в таком развитии событий на фоне нарастающих экономических трудностей, внутривнутриполитическая ситуация в Армении, Азербайджане, НКР препятствует компромиссам, которые в общественном мнении расцениваются как предательство.

Политическое развитие Азербайджана до 2020 года

Стабильность Азербайджана с его крупнейшей в регионе экономикой и подушевым ВВП, который в два раза превышает таковой у соседей, трудно подвергнуть сомнению. Темпы экономического роста в стране в последнее время замедлились, однако они по-прежнему остаются неплохими на фоне региона и мировых показателей: 3,8 % – в 2012-м, 5,4 % – в 2013 году. Президентские выборы в октябре 2013 года принесли весьма убедительную победу Ильхаму Алиеву, который набрал 84,54 % голосов, став президентом страны в третий раз. Кандидат от объединенной оппозиции Джамиль Гасанлы получил лишь 5,53 %, несмотря на то что его поддержали политические силы, которые ранее выступали на выборах отдельно друг от друга, – в частности, «Мусават», Народный фронт Азербайджана, «Классический» народный фронт Азербайджана. Национальный совет демократических сил, созданный перед президентскими выборами 2013 года, сумел сохранить свое единство и после поражения. Однако его влияние крайне невелико.

Слаба и так называемая исламская оппозиция. В последние годы из Азербайджана приходят сообщения о давлении властей и представителей религиозного большинства в лице мусульман-шиитов на салафитские общины. Отток носителей радикального политического

ислама в «горячие точки» за пределами Азербайджана (Сирия, Ирак) в краткосрочном плане снижает риски дестабилизации в стране. Есть основания считать, что значительная их часть не планирует возвращаться на родину, где их с большой вероятностью ждет преследование со стороны властей.

С точки зрения публичной политики азербайджанский политический режим стабилен, при этом он также исключительно устойчив и с точки зрения кадрового состава высшего эшелона власти. Руководители ряда ключевых органов исполнительной власти находятся на своих постах без малого двадцать лет. Показательно, что азербайджанские «тяжеловесы» сохранили свои посты, несмотря на смену президента в 2003 году. Ключевые политические фигуры, вошедшие в высший правящий слой при Гейдаре Алиеве, сохранили свои позиции после того, как президентом стал Ильхам Алиев. В азербайджанской прессе и в медиа других стран много писали о так называемых кланах во главе с высокопоставленными чиновниками, действующих в Азербайджане. Материалы, посвященные наиболее влиятельным лицам в руководстве страны и их деловым интересам, были опубликованы в числе других сообщений американского посольства в Баку в результате утечки Wikileaks. Не вдаваясь в обсуждение этих деталей, отметим ряд обстоятельств.

Во-первых, тот факт, что, несмотря на внешнюю монолитность правящего режима, время от времени публикуются компрометирующие материалы на представителей его руководства, свидетельствует о неоднородности азербайджанских верхов. Есть признаки политической конкуренции между наиболее влиятельными игроками. Хотя эта конкуренция не носит разрушительного для политического режима характера и удерживается в рамках, которые не подрывают стабильность в стране, она выплескивается в том числе и в экономическую сферу. Неформальные правила игры на рынках могут меняться вслед за политической конъюнктурой в верхах.

Во-вторых, президент Ильхам Алиев не обладает абсолютной властью. Многие руководители ведомств за долгие годы пребывания у власти приобрели собственный политический и экономический капитал, выстроили собственные патрон-клиентские сети и обладают ресурсами для самостоятельной игры. В таких условиях президент оказывается скорее «первым среди равных», а политический курс оказывается суммой векторов, заданных наиболее влиятельными центрами.

В-третьих, особенность Азербайджана с его взрывным экономическим ростом в прошлом десятилетии и сохранением сравнительно высоких по мировым меркам темпов роста в последние два-три года заключается в том, что правящая группа делит постоянно растущий пирог. Страна ощутила эффект глобального экономического кризиса и связанного с ним падения цен на углеводороды в 2009 году, однако пять лет назад спад быстро сменился ростом. Сейчас нет достоверных прогнозов относительно того, как долго продлится текущая конъюнктура на мировом рынке нефти и газа. Нельзя исключить, что дополнительные риски возникнут в том случае, если период низких цен затянется, особенно на фоне приближающегося исчерпания нефтяных (но не газовых) запасов Азербайджана. Возможный долгий ценовой спад представляет собой исторически новый вызов для азербайджанской элиты, и механизмы адаптации к нему ей только предстоит построить.

Бюджет Азербайджана на 2015 год принят исходя из цены на нефть в 90 долларов за баррель. В октябре дефицит бюджета ожидался в размере 1,7 млрд манатов (2,2 млрд долларов). Возможно, дефицит вырастет в связи со снижением доходов от экспорта нефти и газа. Однако Нефтяной фонд Азербайджана насчитывает 37 млрд долларов, что наряду с 15 млрд. долларов золотовалютных резервов позволит поддерживать финансовую стабильность на протяжении нескольких лет. Скорее всего, в 2015 году Баку придется пойти на ослабление национальной валюты, которая в период высокой ценовой конъюнктуры сильно укрепилась и курс которой практически не колебался в отношении доллара и евро. Укрепление доллара и падение цен на углеводороды, по-видимому, вынудят Азербайджан поменять свою валютную политику. В символическом плане девальвация маната может расцениваться как поражение, но на практике страна может от нее выиграть. С одной

стороны, это уменьшит расходы бюджета. С другой – поддержит национальную обрабатывающую промышленность, развитие которой в последние годы объявлено одним из приоритетов экономической политики властей. Неизбежное в условиях девальвации удорожание импорта, от которого сильно зависит азербайджанский потребительский рынок, может вызвать социальную напряженность, однако у правящего режима есть необходимый инструментарий для предотвращения ее перерастания в политическую нестабильность.

В более длительной перспективе стабильность Азербайджана зависит от его способности добиться диверсификации экономики (ныне практически моноотраслевой), а также от исчерпания нефтяных и газовых месторождений. Успехи диверсификации пока сомнительны. С 2005 года доля обрабатывающей промышленности в ВВП Азербайджана снизилась с 6,5 до 4,2 % – в 2013 году. В то же время доля добычи полезных ископаемых в 2013 году составила 40 %; она постепенно снижается за счет быстрых темпов роста в строительстве и торговле, в которые, вероятно, и перекачиваются нефтедоллары. По всей видимости, в наступившем году страна уже не сможет обеспечить прежних темпов роста в этих отраслях. Что же касается перспективы исчерпания нефтяных месторождений, то наиболее оптимистичными следует считать расчеты «Би-Пи», которая ведет добычу нефти в стране и в середине 2014 года оценивала подтвержденные азербайджанские запасы в 1 млрд тонн. При текущей добыче в 43,4 млн тонн в год этих запасов хватит на 23 года. Лучше обстоит дело с газом. Подтвержденные запасы газа составляют 0,9 трлн куб. м, текущая добыча – 16,2 млрд куб. м, то есть при текущем уровне добычи имеющиеся запасы будут исчерпаны через 55 лет. Это означает, что в обозримой перспективе Азербайджан не рискует лишиться ключевого экспортного продукта.

Последние президентские выборы (октябрь 2013 года) стали поводом для ухудшения отношений между Азербайджаном и Соединенными Штатами. Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ раскритиковало выборы за ограничение свободы выражения мнений, собраний и объединений, а также за нарушения в ходе голосования. Это вызвало резкую отповедь Баку. Глава администрации президента Рамиз Мехтиев, который крайне редко выступает публично, дал развернутое интервью, в котором обвинил американских дипломатов во вмешательстве во внутренние дела страны. Спустя несколько месяцев произошел новый обмен заявлениями: посол США в Азербайджане Ричард Морнингстар сказал в одном из интервью, что Азербайджан ждет судьба Украины, если его власти не прекратят давление на гражданское общество и независимую прессу. В ответ Рамиз Мехтиев обвинил Запад в грубом вмешательстве во внутренние дела Украины.

Подобные дипломатические стычки не следует переоценивать в плане тех рисков, которые они могут создать для устойчивости политического режима в Азербайджане. Несмотря на повышенный тон публичных выступлений, Баку и Вашингтон не сворачивают сотрудничество по традиционной повестке их отношений. Не происходит ничего похожего на дипломатическую изоляцию Ильхама Алиева, которую США пытались организовать после прошлых президентских выборов. Наконец, в самом Азербайджане не существует влиятельных политических групп, которые могли бы рассчитывать на успех в игре по дестабилизации режима, в том числе и благодаря жесткому подавлению потенциальных «кандидатов в революционеры». Нельзя исключить, что, делая жесткие заявления по внутривнутриполитической ситуации в Азербайджане, американские дипломаты попросту «отбивали номер», демонстрируя мировым медиа собственную озабоченность преследованиями гражданских активистов.

Азербайджан участвовал в программе ЕС «Восточное партнерство», однако не стал подписывать соглашение об ассоциации с Евросоюзом, ограничившись переговорами об упрощении визового режима. Это не привело к ухудшению отношений между Баку и Брюсселем. По всей видимости, ЕС осознает, что попытки заставить Азербайджан провести действенные реформы, направленные на демократизацию, будут контрпродуктивны. А в случае форсированного сближения Азербайджана с ЕС пикировка по поводу демократии и прав человека рискует вытеснить все прочие пункты повестки

двусторонних отношений. В то же время Азербайджан традиционно рассматривается как один из альтернативных России поставщиков газа на европейский рынок, и это сдерживает ЕС, как и США, от чрезмерного давления на Баку по «демократической» тематике.

Внешнеполитические риски, с которыми сталкивается Азербайджан, существенно снизились в уходящем году благодаря начавшемуся процессу улучшения отношений с соседним Ираном. Отношения двух стран были сложными, начиная с коллапса Советского Союза. С одной стороны, их сближала религиозная (большинство населения Азербайджана и Ирана – мусульмане-шииты) и этническая (азербайджанцы в Иране – вторая по численности этническая группа после персов) общность. С другой стороны, именно эти общности служат источником напряжения. Светский азербайджанский режим опасался и опасается религиозно-политической пропаганды со стороны Ирана. В свою очередь власти Ирана могут воспринимать само существование независимого государства азербайджанцев как потенциальный источник ирредентизма со стороны крупнейшего этнического меньшинства. Тем более что подобное видение нередко получает подтверждения из Баку. Впрочем, те же самые аргументы могут быть адресованы в обратную сторону. Территория современного Азербайджана вплоть до Гюлистанского мирного договора между Российской империей и Персией (1813) входила в состав последней.

Другая проблема в двусторонних отношениях заключается в спорах о принадлежности некоторых нефтяных месторождений на шельфе Каспия. Азербайджано-иранские отношения не могли улучшить и слухи о возможном использовании азербайджанских аэродромов американской военной авиацией – для готовившегося удара по Ирану, а также то обстоятельство, что Баку поддерживает тесные контакты с Израилем, в том числе покупая израильское оружие. В последние годы произошло несколько пограничных инцидентов, а летом 2012 года дело дошло до отзыва иранского посла из Баку.

В 2014 году на фоне некоторого снижения напряженности в отношениях между Ираном и Соединенными Штатами, а также с обострением ситуации в Ираке началась и нормализация азербайджано-иранских отношений. В апреле президент Азербайджана Ильхам Алиев посетил Иран. А в ноябре Азербайджан посетил президент Ирана Хасан Роухани. В ходе двухдневного визита была подписана Декларация о дружбе и сотрудничестве, президенты обеих стран выступили на азербайджано-иранском бизнес-форуме. Хотя саммит не привел к разрешению существующих между сторонами разногласий – например, было лишь сказано о готовности сотрудничать в согласовании спорных пунктов Конвенции о статусе Каспийского моря, – он стал сильным сигналом к нормализации отношений. Вероятно, немаловажную роль в нормализации отношений сыграли поставки в Азербайджан современных систем ПВО из России, которые позволили укрепить военный баланс между Баку и Тегераном.

В перспективе до 2020 года главным вызовом для Азербайджана станет снижение цен на нефть. Опасно не само их падение – в 2008–2009 годах страна без больших потерь прошла глобальный экономический кризис, – а длительный период низкой конъюнктуры на мировом рынке. Ресурсы Государственного нефтяного фонда позволяют финансировать текущий дефицит бюджета на протяжении нескольких лет. Но нужно учесть, что бюджет 2015 года сверстан исходя из цены на нефть в 90 долларов за баррель, и при сохранении нынешнего уровня цен на нефть дефицит окажется выше. Длительный период экономической стагнации – новая ситуация для азербайджанской политической элиты. В то же время политический баланс в верхах может заблокировать экономические реформы, необходимые для активного привлечения инвестиций в обрабатывающую промышленность. В условиях длительного – два года и более – периода низких цен на основные экспортные товары нельзя исключить обострения внутривнутриполитической борьбы в стране.

Внешнеполитический вектор Армении

Одним из последствий конфликта в Нагорном Карабахе для Армении стала транспортная блокада со стороны Азербайджана и Турции. Баку расценивает изоляцию Армении от международных региональных проектов в сфере развития транспортной инфраструктуры как один из важных рычагов давления на Ереван. Турция солидарна с Азербайджаном и держит свою границу закрытой для товаров из Армении на протяжении более двадцати лет.

Надежды на частичное прекращение этой блокады связывались с Цюрихскими протоколами о нормализации двусторонних отношений, которые Армения и Турция подписали при энергичном содействии России и Соединенных Штатов, но которые так и не были воплощены. В последние годы редкие намеки Турции на готовность открыть границу обесценивались следовавшими за ними заявлениями и инициативами, подтверждавшими прежнюю позицию Анкары: граница будет открыта, только если Армения согласится с подходом Азербайджана к карабахскому конфликту. Вероятно, эти намеки преследовали цель прозондировать перспективы изменения позиции Армении по отношению к приближающейся 100-летней годовщине геноцида армян в Османской империи. С одной стороны, Армения настаивает на признании геноцида со стороны турецких властей, с другой – Турция явно не готова отказаться от увязывания вопроса о транспортном сообщении с вопросом о Карабахе, хотя Цюрихские протоколы не предполагают этой увязки. В итоге обсуждение перспективы открытия границы не получает практического продолжения.

В условиях наложенных на Армению транспортных ограничений особое значение для нее приобретают отношения с Грузией и Ираном. Причем особенно важными оказываются здесь отношения с Грузией. Хотя Иран стоит на четвертом-пятом месте среди торговых партнеров Армении, он не играет решающей роли в связях Армении с мировым рынком. Транспортный потенциал автодороги, связывающей Армению с Ираном, не настолько велик, чтобы южный сосед мог стать внешнеторговыми «воротами» для Армении. Строительство железной дороги в Иран обсуждается уже много лет, но помимо технических трудностей этот проект может столкнуться и с проблемой его окупаемости. Товарооборот между Ираном, Арменией и Грузией невелик. Товарооборот между Ираном и Россией обеспечивается за счет морского транспорта через Каспийское море. Его торговля с ЕС может быть обеспечена либо через территорию Турции, либо через территорию России, по транспортному коридору «Север – Юг». К тому же, даже если железная дорога в Иран будет построена, она не сможет стать в полном смысле слова транзитной до тех пор, пока остается закрытым железнодорожное сообщение между Россией и Грузией по территории Абхазии. А на пути восстановления абхазской железной дороги стоят труднопреодолимые политические препятствия.

Присоединение Армении к ЕАЭС привнесло новое измерение в эту ситуацию. У Армении нет общей границы с другими членами этого союза, и это остро ставит вопрос об инфраструктурном обеспечении товарных потоков между его членами, прежде всего Арменией и Россией. Успех проекта во многом зависит от того, как будет решена эта задача.

В этой связи обращает на себя внимание возросшая интенсивность дипломатических контактов между Арменией и Грузией за последние два года. Направлением одного из первых визитов Бидзины Иванишвили, занявшего должность премьер-министра Грузии после парламентских выборов 2012 года, стала Армения. В ходе визита Иванишвили сделал заявление, которое можно было истолковать таким образом, что Грузия рассматривает возможность восстановления железной дороги через Абхазию. Армения весьма заинтересована в возобновлении железнодорожного сообщения с Россией через Грузию и Абхазию, и, несмотря на то что грузинское руководство не стало предпринимать каких-либо практических шагов по осуществлению этой идеи, а в Тбилиси она была подвергнута критике, Ереван регулярно ставит этот вопрос в повестку дня двусторонних отношений.

Одним из первых визитов в графике нового президента Грузии Георгия Маргвелашвили также был визит в Ереван. В июне 2014 года последовал ответный визит президента Армении Сержа Саргсяна в Тбилиси, в августе – премьер-министра Грузии в Ереван, а в конце сентября – визит министра обороны Грузии Ираклия Аласания в Армению, вероятно, призванный сбалансировать состоявшуюся незадолго до этого встречу министров обороны Грузии, Азербайджана и Турции в Нахичевани.

По всей видимости, основная причина такой динамики заключается во вступлении Армении в Евразийский экономический союз, а Грузии – в зону свободной торговли с ЕС. Учитывая значение Грузии для российско-армянского транзита, стороны должны были гармонизировать свою политику по присоединению к разным интеграционным объединениям. Между ними могут существовать и договоренности о взаимном использовании юрисдикций друг друга для реализации торговых преимуществ, которые дает зона свободной торговли с ЕС и Евразийский экономический союз. На такую перспективу указывает заявление премьер-министра Грузии Гарибашвили в ходе его визита в Ереван: «Армения и Грузия должны суметь использовать возможность членства в различных объединениях к выгоде двух стран. Это послужит хорошим примером для международного сообщества». Если договоренность будет достигнута, грузинские компании будут регистрироваться в Армении или ввозить в Россию и другие страны ЕАЭС свои товары в качестве произведенных в Армении, а армянские – регистрироваться в Грузии и возить свои товары в ЕС. Если такая схема взаимодействия двух стран осуществится, она станет прочной основой грузино-армянских отношений на ближайшие годы.

В конце ноября 2014 года по итогам переговоров с президентом Абхазии Раулем Хаджимба Владимир Путин заявил: «Считаем возможным вместе с другими партнерами подумать и при общем согласии реализовать такой проект, например, как транзитное железнодорожное сообщение в направлении Сухуми, Тбилиси и далее, с одной стороны на Армению, с другой стороны на Россию». Из Грузии последовало заявление спецпредставителя премьер-министра по отношениям с Россией Зураба Абашидзе, который сказал, что Грузия готова рассматривать вопрос о возобновлении железнодорожного сообщения, «если это послужит урегулированию абхазского конфликта и если все это произойдет с соблюдением принципа территориальной целостности, с уважением суверенитета Грузии».

Невозможно ожидать, что Россия изменит свой подход к вопросу о статусе Абхазии для того, чтобы восстановить железнодорожный транзит через Абхазию, как трудно представить, что Грузия согласится на этот транзит, не потребовав существенных уступок в этом вопросе. Однако заявление президента России символизирует то обстоятельство, что задача обеспечения надежного транспортного сообщения с Арменией поднимается выше в условном списке приоритетов российской внешней политики в Закавказье – в связи с членством Армении в ЕАЭС. Что в свою очередь означает, что у политики нормализации отношений между Москвой и Тбилиси появляется дополнительная мотивация. Эта политика – при всех понятных ее ограничениях – в последние годы служит одним из факторов стабилизации ситуации в Закавказье, и экономическая интеграция России, Белоруссии, Казахстана и Армении оказывает и такое косвенное влияние на общую ситуацию в регионе.

Присоединение Армении к Евразийскому экономическому союзу создает новую ситуацию в российско-армянских отношениях. По сути, Россия берет на себя часть политической ответственности за состояние экономики Армении, так как экономические неудачи этой страны могут быть истолкованы и как неудачи политически значимого интеграционного проекта. Как ожидается, Армения получит дополнительные доходы в бюджет за счет интеграции в сфере таможенного регулирования. Сохраняются низкие цены на газ, поставляемый в Армению.

Основным вызовом для страны станет необходимость восстановления темпов экономического роста. Армении пока не удалось найти новую модель роста взамен

докризисной, где главным драйвером был строительный сектор. Низкие темпы роста в конечном счете ведут к оттоку населения из страны, который стал одной из ведущих тем внутривнутриполитической повестки. Демографические потери Армении, в свою очередь, в долгосрочном плане ведут к смещению баланса сил в зоне конфликта в Нагорном Карабахе, ослабляя тем самым военно-политическую стабильность в Закавказье.

Политические перспективы Грузии до 2020 года

В 2012–2014 годах правящей в Грузии коалиции «Грузинская мечта» не удалось существенно изменить прежние тенденции экономического развития страны. Энергичные экономические реформы, которые прошли в Грузии в прошлом десятилетии во время правления Михаила Саакашвили, не привели к экономическому прорыву. Более того, были усугублены многие из тех проблем, с которыми сталкивалась еще «дореформенная» Грузия. По подсчетам экономиста Владимира Папава, основанным на данных национальной статистической службы Грузии, импорт в страну в три раза превышает ее экспорт в течение последних лет. В структуре экспорта 22 % занимает перепродажа подержанных автомобилей, которые ввозятся в Грузию из-за рубежа и затем поступают на рынки третьих стран. Еще 8 % экспорта – металлолом. При этом объем импорта в Грузии в 2013 году составил 48,9 % ВВП (7885 млн долл.), а дефицит торгового баланса равнялся 30,9 % ВВП (4977 млн долл.).

В последние два года, после завершения программы помощи Брюссельской конференции доноров и в условиях смены власти, темпы экономического роста в Грузии снизились. В 2013 году ее экономика выросла на 3,2 %. Более высокие темпы были показаны национальной статистической службой по итогам двух первых кварталов 2014 года, однако пока рано судить о том, насколько устойчивой окажется эта тенденция по итогам всего года.

Развитие национального производства и импортозамещение объявлено приоритетной задачей новых властей Грузии. В сентябре 2013 года было объявлено об учреждении Фонда соинвестирования Грузии с капиталом в 6 млрд долларов. Обращают на себя внимание две особенности инвестиционной политики фонда, насколько о ней можно судить по представленным проектам. Крупнейший проект планируется осуществить в сфере недвижимости, которую при всех недостатках экономического развития Грузии трудно назвать слаборазвитой. Два проекта, ориентированных собственно на импортозамещение, не предполагают развитие бизнесов (например, крестьянских хозяйств), уже существующих в соответствующих отраслях, а могут способствовать скорее вытеснению мелких производителей с рынка. Подобная стратегия объяснима, если учесть, что фонд управляет капиталами инвесторов, в том числе частных, которые заинтересованы в получении прибыли. Структура грузинской экономики такова, что реальный сектор в Грузии – не самый привлекательный объект для инвестиций, причем программы поддержки работающих в этом секторе компаний и предпринимателей могут и не приносить прибыли. Однако при такой стратегии нет оснований ожидать, что фонд сумеет создать условия для ускоренного развития национального производства.

Дополнением к импортозамещению должно стать наращивание экспорта. Грузинские эксперты возлагают большие надежды на подписанное в июне 2014 года соглашение об ассоциации с Европейским союзом. По оценкам европейских экспертов, рост ВВП Грузии в результате вступления в зону свободной торговли с ЕС в долгосрочной перспективе составит 4,3 %; ее экспорт должен вырасти на 12 %, импорт – на 7,5 %. Остается открытым вопрос, в какой степени такой рост обеспечит ускоренное развитие национального производства в Грузии. Сейчас основные экспортные потоки страны направлены в страны Содружества Независимых Государств. По-видимому, соглашение об ассоциации и о глубокой всеобъемлющей зоне свободной торговли с ЕС не решит ключевой проблемы Грузии в виде хронического дефицита торгового баланса.

Нормализация отношений с Россией дала эффект в виде быстрого роста грузинского

экспорта. За первую половину 2014 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года грузинский экспорт вырос почти на 23 %, или на 190 млн долларов, причем почти 100 млн долларов из этой суммы обеспечил прирост экспорта в Россию. По итогам первого полугодия 2014 года стоимость грузинского экспорта на российском направлении составила 161 млн долларов. Экспорт в Армению и Азербайджан у Грузии больше, однако большую часть в нем занимают транзитные поставки товаров из третьих стран. С учетом этого Россия выходит на роль крупнейшего импортера товаров, произведенных собственно в Грузии.

Проецируя эти экономические тенденции на внутри- и внешнеполитическую ситуацию в Грузии, можно сделать несколько выводов. Во-первых, Грузия критически зависит от международной экономической конъюнктуры. Сокращение инвестиций, кредитов, денежных переводов из-за рубежа может поставить под вопрос ее способность оплачивать свой импорт. Снижение темпов экономического роста в ЕС и в России может нанести удар и по грузинской экономике. Растущая Турция, скорее всего, расширит свое присутствие на грузинском рынке, однако стоит иметь в виду, что и она зависит от экономического положения своих крупнейших торговых партнеров. Во-вторых, ключевые торговые партнеры Грузии – ее непосредственные соседи, и с этой точки зрения стремление Тбилиси к углублению интеграции с ЕС выглядит не столько как отражение имеющихся экономических тенденций, сколько как политический приоритет. В-третьих, вероятно, крупнейшим выгодоприобретателем прошедших в Грузии за последнее десятилетие экономических реформ (включавших в себя открытие национальных рынков для импорта) оказалась Турция. Это может повлечь за собой и рост политического влияния Анкары, пусть пока он и не выражается в ярких внешнеполитических инициативах.

Летом 2014 года в Грузии завершился почти двухлетний электоральный цикл, открывшийся парламентскими выборами в октябре 2012 года, по итогам которых партия М. Саакашвили «Единое национальное движение» потеряла власть, и завершившийся выборами местных органов власти. В ходе этого электорального цикла завершилось формирование новой внутривластной конфигурации. Ее характеризует рыхлое доминирование коалиции «Грузинская мечта» при снизившемся от парламентских к президентским выборам, но стабилизировавшемся по итогам выборов муниципальных, влиянии ЕНД. Главные результаты почти двухлетнего электорального цикла можно подвести следующим образом.

В ходе электорального цикла «Грузинская мечта» сохранила свое единство, несмотря на рыхлость коалиции и внутренние противоречия в ней. Показательно, что даже отставка министра обороны Грузии Ираклия Аласания, который считался одним из наиболее популярных политиков в стране, не поколебала прочность коалиции. Не подрывают ее и трения между главой правительства Ираклием Гарибашвили и президентом Георгием Маргвелашвили, которые пока не принимают ярко выраженного политического или идеологического характера, оставаясь пока в аппаратных и протокольных рамках.

Нужно отметить, что основным источником силы Гарибашвили остается его близость к лидеру «Грузинской мечты» Б. Иванишвили. Подобно многим другим грузинским политикам, он не имеет собственной сильной партийной организации или сильной команды. Это еще одна причина не переоценивать оттенки внешнеполитической риторики премьер-министра Грузии: он не настолько самостоятельная и свободная в выборе приоритетов фигура, чтобы эти оттенки имели существенное значение.

По итогам электорального цикла «Единое национальное движение» сохранилось как ведущая оппозиционная сила: его представители стабильно получают второе место на ключевых выборах. Основная причина этого – сохранение у партии финансовых и медийных ресурсов. ЕНД по-прежнему контролирует один из наиболее рейтинговых телеканалов «Рустави- 2». ЕНД пользуется определенной поддержкой в США и ЕС, в том числе и благодаря созданным еще в годы правления М. Саакашвили лоббистским сетям.

Одно из последствий идеологической и политической рыхлости «Грузинской мечты» заключается в том, что ряд ее политических менеджеров, прежде всего представители

Республиканской партии, по сути, заинтересованы в том, чтобы идеологически близкое к ним проамериканское ЕНД оставалось в роли второй ведущей политической силы. В то же время у ЕНД, по всей видимости, нет потенциала для наращивания электоральной поддержки. Попытки усилить иные ярко прозападные политические силы – как, например, бывший министр обороны Аласания – пока не привели к успеху.

Со второй половины 2014 года активизировалось уголовное преследование представителей прежних властей Грузии. Бывший премьер-министр Грузии Вано Мерабишвили и бывший министр обороны Бача Ахалая оказались в заключении еще в 2013 году. Накануне муниципальных выборов в Грузии был задержан мэр Тбилиси Гиги Угулава, позже прокуратура Грузии предъявила обвинения по нескольким статьям Уголовного кодекса экс-президенту Михаилу Саакашвили. Последнее вызвало резкую реакцию США: второй заместитель госсекретаря Эрик Рубин заявил о «рисках, которые могут угрожать демократическому развитию страны». Тем не менее власти Грузии не только не остановили расследование уголовных дел против Саакашвили и его соратников, но и обозначили готовность к эскалации этого противостояния.

Результаты парламентских, президентских и муниципальных выборов показали устойчивость сложившейся системы с рыхлым доминированием «Грузинской мечты» и ведущей оппозиционной силой в лице ЕНД. Те, кто мог бы претендовать на роль «третьей силы», пока не демонстрируют убедительных электоральных успехов.

Так, экс-спикер парламента Нино Бурджанадзе на президентских выборах сумела преодолеть последствия своих прошлых неудач и выйти на третье место. Кандидат от ее предвыборного блока занял третье место и на выборах мэра Тбилиси. Препятствия для Бурджанадзе заключаются в высоком антирейтинге, при малых вложениях в партийную структуру и низовые сети поддержки по стране.

«Эффект Бурджанадзе» (неожиданное возвращение из политического небытия и сравнительно неплохой результат на выборах) объясняется тем, что довольно велика доля избирателей, разочарованных в ЕНД и разочаровывающихся в «Грузинской мечте». Риторика Бурджанадзе о «восстановлении справедливости», то есть о расследовании злоупотреблений, допущенных режимом М. Саакашвили, находит у избирателей большой отклик. Активизация расследований по делам функционеров «розового» режима и начало уголовного преследования самого Саакашвили указывают на то, что власти хорошо осознают значение этого запроса. В то же время они едва ли пойдут на возвращение отобранной во время правления Саакашвили собственности, как из-за юридических трудностей, так и потому, что «обратный передел» может подорвать и без того слабую грузинскую экономику. Это означает, что в грузинской политике в ближайшие годы сохранится большое пространство для риторики о справедливости.

В то же время в грузинской политике остается пространство и для появления новых оппозиционных сил. Об этом свидетельствует относительный успех (4-е место на выборах мэра Тбилиси) оппозиционного блока «Альянс патриотов Грузии». Правда, следует иметь в виду, что противниками такой силы будут и «Грузинская мечта», и ЕНД, и Бурджанадзе.

Внутриполитическая ситуация в Грузии остается стабильной. Однако ее развитие в большой степени зависит от конфигурации интересов крупнейших международных игроков. Нельзя исключить вероятности подвижек в грузинских правящих кругах в том случае, если США будут заинтересованы в росте враждебности между Грузией и Россией. Например, возможна замена идеологически нейтрального И. Гарибашвили на посту премьер-министра на отчетливо прозападную фигуру с последующей политической реабилитации ЕНД. Учитывая, что ЕНД имеет солидное представительство в парламенте (65 мест из 150), нельзя исключить и распад правящей коалиции без новых выборов и формирование новой, включающей в себя прозападные группы «Грузинской мечты» и националов. Впрочем, подобный сценарий для Грузии может оказаться рискованным, поскольку люди Б. Иванишвили едва ли с готовностью отдадут власть, учитывая перспективу их преследования.

Хрупкое равновесие в грузинской внутренней политике имеет важный внешнеполитический аспект: власти страны не обладают пространством для маневров в международных делах. Внешняя активность грузинской дипломатии скрывает выжидательную позицию.

Борьба США за влияние в Грузии

Насколько можно судить, смена власти в Грузии была сюрпризом для Соединенных Штатов, ожидавших победы ЕНД на парламентских выборах в октябре 2012 года. Б. Иванишвили, возглавивший правительство Грузии после выборов, был для американских дипломатов малознакомой и малопонятной фигурой. Хотя у многих союзников нового премьера по коалиции «Грузинская мечта» имелись связи в США, потребовалось время для того, чтобы американские внешнеполитические институты адаптировались к новой ситуации в стране. В результате в течение всего срока пребывания у власти (с октября 2012 по ноябрь 2013 года) Иванишвили так и не совершил визит в США. В качестве нового лидера Грузии Соединенные Штаты посетил уже И. Гарибашвили, и то лишь спустя несколько месяцев после того, как в стране завершились президентские выборы. Наблюдатели не исключали, что импульсом к визиту, состоявшемуся в феврале 2014 года, стали события на Украине. С тех пор Гарибашвили еще раз посетил США – в сентябре 2014 года в рамках поездки на сессию Генассамблеи ООН. Отметим, что второй визит премьер-министра в Соединенные Штаты сопровождался спорами между аппаратами премьера и президента Грузии по поводу того, какой именно из двух лидеров должен представлять страну в Организации Объединенных Наций.

Паузу в грузино-американских отношениях, возникшую в 2013 году, заполняли грузинские политики второго эшелона, давно известные в Вашингтоне и обладающие связями в американских внешнеполитических кругах. Министр обороны Ираклий Аласания и спикер парламента Грузии, лидер Республиканской партии Давид Усупашвили поддерживали и поддерживают весьма интенсивные контакты с представителями Соединенных Штатов.

Дипломатические контакты между Вашингтоном и Тбилиси активизировались на фоне событий на Украине. В декабре 2013 года Грузию посетила заместитель госсекретаря Виктория Нуланд. Затем в Тбилиси прилетела группа американских сенаторов. В сентябре 2014 года Грузию посетил министр обороны США Чак Хейгел. В ходе визита он потребовал от России полностью отвести ее войска от грузинской границы. Это заявление не было никак разъяснено, от чего возникла неопределенность: то ли Хейгел требует вывести российские войска с территории Абхазии и Южной Осетии, то ли он настаивает на некоем перемещении войск на российской территории – требование, которого не встречалось ранее в американской дипломатической риторике в грузинском контексте. Тем не менее намек на готовность США опираться на Грузию в усиливающемся противостоянии с Москвой был вполне ясен.

В самой Грузии эта активизация контактов на фоне украинского кризиса в определенной мере подогрела ожидания того, что Грузии будет предоставлен План действий по членству (ПДЧ) на саммите НАТО в Уэльсе. Когда президент США Барак Обама заявил, что вступление Украины и Грузии в альянс не стоит в повестке дня, это вызвало определенное разочарование в Тбилиси. Однако это заявление отражало лишь неготовность Соединенных Штатов принимать на себя обязательства по обеспечению безопасности Грузии. Саммит НАТО в Уэльсе в начале сентября 2014 года (сразу за ним последовал визит Чака Хейгела в Тбилиси) показал, что США заинтересованы в Грузии как в одном из элементов системы сдерживания России, которую они обновляют в Восточной Европе. На саммите НАТО было принято решение об усиленном сотрудничестве с Грузией. Это предполагает участие в натовском Комитете операционной политики, то есть участие в координации альянса непосредственно по операциям, которые

он проводит. Кроме того, предусмотрено расширение связного офиса НАТО в Грузии. В стране также будет создан тренировочный центр НАТО.

Американский конгресс начал процесс предоставления Грузии статуса основного союзника США вне НАТО. В практическом плане этот статус не дает таких гарантий безопасности, как пятый пункт устава НАТО, однако страны, наделенные им, получают возможность приобретения американского оборонительного оружия в особом порядке. Американо-грузинский диалог по вопросам безопасности, таким образом, выходит на новый уровень, хотя гарантии Грузии со стороны США остаются символическими. Остается открытым вопрос о том, какие американские вооружения сможет купить Грузия. С точки зрения баланса сил на Кавказе большое значение имеет то, получит ли она современные системы ПВО, и если получит, то на каких условиях их приобретет – нынешний бюджет Грузии не позволяет таких трат.

Статус основного союзника вне НАТО параллельно предоставляется также и Молдове. Вероятно, Соединенные Штаты будут стремиться к активизации военного сотрудничества между тремя этими странами. В сентябре на Украине прошли совместные с США военные учения «Rapid Trident 2014». В них участвовали и грузинские военнослужащие, причем во время учений Украину посетил глава Генштаба Грузии Вахтанг Капанадзе.

Грузия участвовала в международной миссии под эгидой США в Ираке и участвует в подобной миссии в Афганистане. Грузинский контингент в Афганистане, который одновременно составлял до 1750 человек, крупнейший среди стран, не входящих в НАТО. Его потери за время участия Грузии в миссии в Афганистане (с ноября 2009 года) составили 29 человек, что весьма болезненно для грузинского общества, особенно если учесть, что необходимость участия в афганской миссии власти страны объясняют перспективой членства в НАТО, которое не становится более реальным по мере того, как растут потери.

Значительная часть американской внешнеполитической и определенная часть грузинской политической элиты заинтересованы в том, чтобы вернуть Грузию к состоянию плацдарма для действий против России на Кавказе. К этому стремится «Единое национальное движение», которое пытается увязать российско-грузинские отношения с украинским кризисом. Однако такое развитие событий сдерживается рядом факторов.

Во-первых, США не собираются давать Грузии никаких сколько-нибудь действенных гарантий безопасности. Ей предлагается на собственный страх и риск провоцировать Россию, не ожидая, что американцы окажут ей заметную помощь в критический момент.

Во-вторых, пределы эскалации, на которую Тбилиси может пойти в отношениях с Россией без фатального риска, невелики. Новая война в Абхазии или Южной Осетии была бы для Грузии самоубийственной, учитывая существующий уровень российского военного присутствия в обеих республиках и возросший общий военный потенциал России. Попытки вооруженных провокаций на Северном Кавказе также могут обойтись Тбилиси очень дорого – не случайно в 2012 году от такой попытки отказался даже не склонный к трезвому поведению Михаил Саакашвили.

В-третьих, Россия занимает важное место среди торговых партнеров Грузии. Экспорт в Россию на фоне сокращающегося экспорта на Украину становится для грузинских компаний крупным источником доходов, исчезновение которого трудно будет компенсировать. Денежные переводы из России, сократившиеся из-за падения рубля, остаются большим источником доходов и домохозяйств, и – через налогообложение торговли – бюджета. Отказываться от экономического сотрудничества с Россией, при ясном понимании того, что Запад уже не выделит помощь, сопоставимую с той, что была предоставлена в 2008 году (отметим, что Украина не получила сколько-нибудь сопоставимой помощи), грузинские власти по своей воле не будут.

Другое дело, что у Соединенных Штатов есть обширный инструментарий для вмешательства во внутривнутриполитические дела Грузии и навязывания ей выгодного для Вашингтона политического курса. Будет ли использован этот инструментарий –

ключевой вопрос 2015 года.

В 2016–2018 годах в Грузии в случае устойчивого развития внутривнутриполитической ситуации должен состояться новый избирательный цикл – парламентские, президентские, муниципальные выборы. От исхода этого избирательного цикла будет зависеть и внешняя политика страны.

Сохранение у власти коалиции «Грузинская мечта» может быть поставлено под сомнение. Правительство коалиции не добилось пока значимых экономических успехов, при этом оно подвергается критике как со стороны грузинских радикальных «западников», так и со стороны «традиционалистов». Первые критикуют правящую коалицию за недостаточно радикальную позицию в отношении России, вторые – за недостаточную эффективность уголовного преследования представителей старого политического режима.

Можно выделить несколько сценариев развития внутривнутриполитической ситуации в Грузии. Первый – сохранение доминирования «Грузинской мечты», возможно, ценой возвращения ее неформального лидера Бидзины Иванишвили на пост премьер-министра страны. Хотя такое возвращение может дать импульс краткосрочному росту популярности правительства, в долгосрочном плане оно приведет к падению популярности Иванишвили, поскольку будет предполагать, что на него возлагается ответственность за все тактические неудачи властей.

Второй – распад коалиции с выходом из нее команды политических менеджеров, связанных с Республиканской партией Грузии. Собственный рейтинг республиканцев невелик, однако у них есть налаженные связи с Западом и, что немаловажно в условиях Грузии, немалый кадровый резерв. Исход электорального цикла в этом сценарии зависит от того, как пойдет образование коалиций в оппозиционном спектре. В том случае, если республиканцы вступят в коалицию с Единым национальным движением, у «Грузинской мечты» может появиться сильный оппонент.

Впрочем, пока вероятность такой коалиции невелика, поскольку ЕНД все еще не восстановило свою испорченную при Саакашвили репутацию. Рейтинг этой партии сравнительно невысок (на президентских и муниципальных выборах ее представители набирали немногим более 20 % голосов, почти в два раза меньше, чем на парламентских выборах 2012 года; к тому же у партии высок антирейтинг). Возможно, США были бы заинтересованы в том, чтобы привести в Грузии к власти радикальных западников и использовать затем страну как инструмент давления на Россию. Однако этому мешает низкая популярность ЕНД, которую пока не компенсируют неудачи действующего правительства, а также провал ставки американцев на другого радикально прозападного политика – бывшего министра обороны Грузии Ираклия Аласания. Аласания, который позиционировался едва ли не как будущий глава государства, не смог ничего противопоставить премьер-министру, который отправил его в отставку, а сама отставка и выход партии Аласания из коалиции «Грузинская мечта» не привели к распаду коалиции. Утратив должность в исполнительной власти, Аласания лишился «трамплина» для избирательной кампании и, скорее всего, не сможет нарастить свою популярность к парламентским выборам. Что же касается его возможной коалиции с ЕНД, то здесь действуют те же ограничения, что и в случае с республиканцами.

Третий сценарий – приход в парламент сил, ныне в нем не представленных: сторонников бывшего спикера парламента Нино Бурджанадзе и лидера «Альянса патриотов Грузии» Ирмы Инашвили. Они сделали одним из ведущих лозунгов восстановление справедливости, то есть уголовное преследование представителей режима Михаила Саакашвили, и с этим лозунгом довольно удачно выступили на прошлых президентских и муниципальных выборах. При сохранении нынешнего уровня популярности обе силы могут получить парламентскую трибуну на выборах в 2016 году, потеснив как «Грузинскую мечту», так и ЕНД. Такой исход будет означать ликвидацию политической монополии «западников», фактически действующей в Грузии на протяжении более десяти лет.

Глава 5

Центральная Азия и Афганистан. Исламизм угрожает развитию

Мендкович Никита Андреевич – экономист, эксперт по странам Центральной Азии и Южного Кавказа. Аналитик агентства «Внешняя политика», сотрудник Центра изучения современного Афганистана. Соавтор учебника по зарубежному регионоведению (2014). Автор работ по экономике и безопасности стран Среднего Востока и Южного Кавказа.

С точки зрения безопасности и внешней политики России постсоветская Центральная Азия является одним из ключевых регионов. Он рассматривается как одно из приоритетных направлений интеграционных проектов, а также как источник угроз, связанных с региональным терроризмом и потоком наркотической контрабанды из Афганистана. Эксперты опасаются попыток повторения в некоторых странах региона, являющихся политическими партнерами России, сценариев «цветных революций» или иных насильственных форм замены правящих элит с целью оспаривания российского лидерства.

Развитие ситуации на территории Центральной Азии (ЦА) будет определяться значительным числом факторов, к которым наравне с внутренними социально-политическими и экономическими условиями будет относиться ход политического процесса в соседнем Афганистане и перспективы крупных транспортных проектов, которые планируется реализовать в регионе.

Однако очевидным образом анализ ситуации в регионе подразумевает акцент на угрозы безопасности, а не экономические перспективы. Необходимым условием инвестиционных проектов является удержание стабильности, даже внешнее нарушение которой может поставить серьезный барьер для инвестиций.

Афганистан

Ситуация в Исламской Республике Афганистан во многом определяет обстановку в ЦА, так как до сих пор существуют значимые риски резкой дестабилизации в стране и возникновения с ее территории прямой террористической и военной угрозы для постсоветских государств.

На афганской территории уже несколько десятилетий идут гражданские войны с тем или иным участием зарубежных государств. В настоящее время идет конфликт между официальным Кабулом, поддерживаемым НАТО, и вооруженной оппозицией, движением Талибан, которое поддерживается военными и разведывательными кругами Пакистана, а также международными террористическими организациями.

В начале 2015 года общая численность афганской и пакистанской группировок талибов достигает 60–70 тысяч человек, из которых более половины – пакистанцы и иностранные «добровольцы», в том числе выходцы из стран СНГ.

Численность афганских военно-полицейских сил составляет около 300 тысяч человек, они вооружены значительно лучше талибов, располагают авиацией и бронетехникой, что позволяет рассчитывать на сохранение контроля официального Кабула над основными населенными пунктами в Афганистане и недопущение возникновения на афганской территории аналога ИГИЛ, крупного самостоятельного квазигосударства, контролируемого экстремистами.

Разумеется, ситуация далеко не безоблачна. На текущий момент талибы фактически контролируют ряд сельских районов, в особенности в южных провинциях, граничащих с Пакистаном, и даже создают теневые органы власти. В Афганистане часты теракты, особенно минирование автомобильных дорог, а перед афганской армией стоит комплекс проблем, включая частые случаи дезертирства, коррупции и непрофессионализма командиров. Эти трудности во многом типичны для афганских общественных институтов едва ли не с 1970-х годов.

Для Афганистана наиболее серьезными рисками, которые могут снизить

способность страны сопротивляться терроризму, является прекращение спонсорской помощи Запада, которая обеспечивает значительную часть государственного бюджета, и конфликты в легальном политическом поле. Риск последнего продемонстрировали перипетии президентской кампании 2014 года, когда конфликт между кандидатами Абдуллой Абдуллой и Ашрафом Гани, представляющими народности северной части страны и южан-пуштунов соответственно, чуть не вызвал кризис легитимности верховной власти.

Вплоть до осени 2014 года Абдулла и Гани вели спор о признании результатов президентских выборов и смогли прийти к компромиссу на основе создания коалиционного правительства лишь под давлением США и местной миссии ООН. Без внешнего вмешательства кризис мог затянуться и лишит армию и полицию легитимного командования. Кроме того, существовал даже риск фактического раскола и распада страны по принципу поддержки той или иной президентской партии и национально-религиозному признаку.

Необходимо напомнить, что резкое обострение ситуации в Ираке в 2010-е годы было во многом обусловлено именно узурпацией политической власти шиитскими партиями при фактическом поражении в правах суннитского населения под лозунгами «дебаасизации» страны. В результате экстремистам удалось перетянуть на свою сторону иракских суннитов, включая часть армейского офицерства, и достигнуть с помощью этого источника человеческих ресурсов значительных успехов. Если с подобным нарушением религиозного и национального баланса в кадровых вопросах столкнется Афганистан, то это также может толкнуть заметную часть общества в сторону радикализма. Однако пока стране удастся избежать такого развития событий.

Наиболее вероятно, что современная ситуация в Афганистане продержится вплоть до 2020 года с незначительными изменениями. Такой сценарий (вероятный на 60–70 %) можно назвать стагнационным. В его рамках действующий режим, несмотря на трансформации правящих элит, будет удерживать власть, опираясь на финансовую поддержку со стороны США и НАТО, которая будет позволять содержать крупные по численности военные и полицейские силы. Вероятно, финансовая поддержка Кабула будет продолжаться минимум до 2018 года. Кроме того, до 2016 года будет действовать программа «Решительная поддержка», предусматривающая присутствие в Афганистане войск США и их союзников, остающихся в стране в рамках двустороннего соглашения, которое предполагает участие иностранных войск в обучении афганских военных и теоретически даже непосредственно в боевых действиях против Талибана.

В стране до 2018–2020 годов будет продолжать действовать сеть американо-афганских военных баз (до 10 объектов), численность американских войск на которых составит до 10–12 тысяч человек. Вашингтон заявляет, что участие этих сил в борьбе с терроризмом будет ограниченным, но, вероятно, они все же будут периодически оказывать поддержку операциям афганской армии против Талибана. Конкретная стратегия этих войск в Афганистане будет определяться позицией будущей американской администрации, которая приступит к исполнению обязанностей в 2017 году.

Основной целью вооруженных сил США в Афганистане будет решение проблем, далеких от внутренних афганских реалий. **Сохраняемые после вывода войск НАТО базы будут использоваться в первую очередь как инструмент геополитической борьбы против Ирана.** В случае военного конфликта между Вашингтоном и Тегераном, вероятность которого невозможно исключить в долгосрочной перспективе, авиабазы США в Герате и Кандагаре будут использованы для нанесения воздушных ударов по иранской территории.

Сохранение присутствия Талибана в афганской политике будет определяться объективными социальными трудностями в Афганистане, слабостью государственного аппарата в селах, а также постоянной поддержкой со стороны Пакистана и Ирана. Тегеран будет рассматривать данное сотрудничество как способ противодействия американскому военному присутствию в стране, а также как путь организации партизанской войны

на коммуникациях противника в случае открытого вооруженного конфликта. Для Исламабада талибы будут оставаться единственным механизмом воздействия на афганский политический процесс с целью предотвращения формирования антипакистанской оси Кабул – Нью-Дели. В прошлом попытки убедить Пакистан отказаться от контактов с экстремистами предпринимались неоднократно, однако успеха не имели. Поэтому вероятно сохранение указанной проблемы в ближайшие пять лет, если не произойдут значимые изменения в политической ситуации внутри Пакистана.

Военная ситуация внутри страны будет определяться постоянным контролем официальных властей и военных гарнизонов над всеми крупными населенными пунктами, административными и промышленными центрами. Талибан будет оспаривать контроль над периферийными районами, преимущественно депрессивной сельской местностью на юге и востоке страны, в провинциях, граничащих с Пакистаном.

Объектом наиболее ожесточенного противоборства будут оставаться автомобильные дороги, которые талибы будут пытаться превратить в источник собственных доходов на основе рэкета. В 2015 году одной из стратегических задач Талибана является сохранение присутствия на трассе Джелалабад – Кабул – Мазари-Шариф, позволяющей обеспечивать транспортное сообщение между Пакистаном и Узбекистаном, а следовательно, всей Центральной Азией. Присутствие сил вооруженной оппозиции на этом маршруте позволяет сохранять контакты с Исламабадом, заинтересованным в безопасности грузоперевозок на данном направлении.

Также Талибан стремится сохранить свое присутствие в северных провинциях страны, граничащих с ЦА. Это обусловлено стремлением иметь выходы на границы постсоветского пространства с целью организации контрабанды наркотиков в страны бывшего СССР и далее на Запад (наркоторговля составляет до 40 % доходов многих отрядов вооруженной оппозиции). Кроме того, для талибов большой интерес представляют планы КНР создать в рамках программы «Нового шелкового пути» постоянный транспортный маршрут Файзабад – Мазари-Шариф – Герат, выходящий к границе Ирана, влияние на который могло бы также способствовать росту доходов экстремистов.

Вероятно, что до 2020 года в оперативной обстановке в Афганистане серьезные изменения не произойдут. Центром внимания власти и оппозиции будет оставаться борьба за юг и восток страны, сопровождаемая локальными террористическими вылазками в центральные районы страны. Ситуация в северных провинциях будет определяться стратегическими «качелями» – периодической очисткой от Талибана тех или иных уездов с последующим восстановлением присутствия экстремистов после возвращения войск на базы. Правительство будет пытаться решить эту проблему путем развития «местной полиции» на основе легитимизации вооруженных формирований местных лидеров. Вероятно, это позволит сократить присутствие Талибана в некоторых приграничных провинциях, однако сильные позиции движения, вероятно, сохранятся в Бадахшане (включая граничащие с Таджикистаном районы) и Северном Герате (на границе с Туркменистаном) благодаря поддержке зарубежных спонсоров.

Традиционно нестабильной останется ситуация в южных и восточных провинциях, однако это будет во многом определяться развитием ситуации в соседнем Пакистане. Добиться улучшения позволит только повышение эффективности национальных антитеррористических сил, а также устранение из руководства армии и спецслужб кадров, выступающих за сотрудничество с боевиками. Однако в настоящий момент признаки таких перемен незаметны, и они станут возможны только в результате скоординированного воздействия США, Китая и России на Пакистан.

Есть основания прогнозировать рост производства опиатов в Афганистане в течение 2015–2017 годов. Площадь посевов опия может вырасти на 15–20 % за указанный период, если власти республики не активизируют антинаркотическую политику. К 2018 году производство наркотиков при указанной динамике однозначно выйдет на уровень

насыщения рынка, за которым последует спад. Кроме того, в 2017–2018 годах при сохранении высоких темпов роста наркoэкономик она может превратиться в политический фактор, что заставит властные элиты более остро активизировать борьбу с ней.

Террористические угрозы для Центральной Азии

Начиная с 1990 - х годов на территории постсоветской Центральной Азии возник комплекс внутренних террористических угроз, связанных с появлением организаций религиозных экстремистов. Первое поколение экстремистов сформировалось в период гражданской войны в Таджикистане, второе – уже в 2000 - е годы, причем точкой притяжения для радикалов стали территории Афганистана, контролируемые Талибаном. Возник социальный феномен «террористической эмиграции» – множество боевиков из ЦА, сражающихся на стороне талибов, однако имеющих подпольную сеть на территории постсоветских государств, включая Россию, и вынашивающих планы реванша на родине.

В 2015 году в общей сложности в Афганистане сражались активисты не менее 10 подобных групп. Среди них наиболее крупные и значимые организации: Исламское Движение Туркестана (также известное как ИДУ), Союз «Исламский Джихад», «Джундалла» (несмотря на иранское происхождение, имеет массу постсоветских активистов), «Джамаат Ансаруллах», «Джамаат Булгар» и др. Перечисленные группы не являются полностью политически независимыми, так как не располагают независимыми источниками финансов и собственными базами в регионе, поэтому фактически находятся под контролем различных фракций Талибана.

Общая численность этих групп – от 3 до 10 тысяч человек. Ежегодный приток «добровольцев» из стран СНГ – до нескольких сот человек в год. Эта динамика, вероятно, сохранится в ближайшие годы. Общая численность «террористической эмиграции» в ближайшее время останется стабильной, так как приток новичков компенсируется боевыми потерями, отъездом части боевиков в Сирию и Ирак, где боевые действия более интенсивны, а также возвращением домой.

Вербовку экстремистски настроенных граждан стран Центральной Азии ведут ячейки перечисленных выше организаций в регионе, используя в том числе интернет-ресурсы, однако большая часть боевиков начинает свой путь в радикальном подполье через «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и «Джамаат Таблиг», формально не участвующих в афганской войне (западные авторы окрестили их «прихожей джихада»). Радикальная молодежь, проведя какое-то время в этих группировках и подвергнувшись идеологической обработке, выезжает в Пакистан для «учебы в медресе», которые во многих случаях не имеют никакого отношения к легальной образовательной системе и оказываются тренировочными лагерями боевиков в Афганистане и Пакистане.

Большинство рядовых членов организаций – это мужчины до 30 лет. Более 85 % членов организаций имеют только среднее или неоконченное среднее образование. Уровень безработицы среди них достигает 60–65 %, еще до 25 % – «самозанятые», зарабатывают на родине различными кустарными промыслами, бытовым ремонтом или розничной торговлей. В предыдущие годы большая часть боевиков была уроженцами сельской местности, но в последние годы «Хизб ут-Тахрир» и ИДТ активизировали вербовку активистов среди городской молодежи, поэтому есть основания полагать, что в течение следующих пяти лет образовательный и квалификационный уровень боевиков-иностранцев в Афганистане будет расти.

В основном боевиками становятся выходцы из Узбекистана, Киргизии и Таджикистана, в последние годы активизировался поток «добровольцев» из Казахстана и России, где экстремистское подполье сталкивается со все более жестким давлением спецслужб.

Часть добровольцев прибывает из стран Западной Европы. Например, «Исламский Джихад» традиционно имеет хорошие связи среди представителей турецкой общины

Германии. Большинство ячеек организаций, действующих на территории Афганистана, осторожны и даже пассивны в родных государствах, так как их главной задачей является вербовка личного состава в интересах афганских талибов, а не активная антигосударственная деятельность на родине, к которой они чаще всего не готовы.

Вероятно, эта ситуация изменится в ближайшее время. В конце 2014 года ряд представителей «постсоветских» групп получили от руководства Талибана разрешение на проведение терактов в Центральной Азии. В ближайшие два года приоритетной целью может стать Туркменистан, отношения которого с Талибаном обострились в результате последовательной политики Ашхабада по борьбе с контрабандой наркотиков. Кроме того, вероятны операции террористов против Таджикистана и Узбекистана. Киргизия может стать целью в случае серьезной дестабилизации обстановки в республике.

Вероятной тактикой действий боевиков будут приграничные атаки и нападения на пограничную охрану стран, граничащих с Афганистаном, и рейды в глубину территории ЦА силами до 100–200 человек с целью нападения на небольшие населенные пункты и инфраструктурные объекты (наиболее вероятные цели – Туркменистан и Таджикистан). Кроме того, в 2015–2017 годы террористы будут предпринимать меры по усилению собственной сети ячеек в ЦА, командировав в регион боевиков, получивших боевой опыт в Афганистане и Пакистане, с целью боевой и террористической подготовки среди местных активистов. Значительная часть таких попыток будет пресекаться местными органами безопасности, которые накопили большой опыт успешной борьбы с радикальным подпольем. Однако к 2018–2020 годам серьезно вырастет вероятность проведения в ЦА резонансных террористических актов, инициированных с территории Афганистана.

При сохранении текущей динамики боевых действий в Ираке и Афганистане последний перестанет рассматриваться международным «террористическим интернационалом» как территория, где в обозримом будущем вероятен захват власти. В этой связи боевики неафганского происхождения будут перетекать в Ирак и Сирию, где экстремисты более успешны. В 2015–2017 годы главной задачей международных террористических центров станет создание тренировочных баз в северных афганских провинциях, особенно в Бадахшане, Фарьябе и Герате, с целью использования их в качестве баз для террористических атак против стран Центральной Азии и России.

Транспортные и инвестиционные проекты

Векторы экономического развития Центральной Азии в ближайшие годы во многом зависят от реализации энерготранспортных проектов Китайской Народной Республики, связанных с доступом к нефтегазовым ресурсам Туркменистана, и идей «Нового шелкового пути» (НШП), соединяющего Китай через ЦА и Россию с рынками ЕС. Во многом на фоне этого процесса, за счет получаемых от транзитных проектов доходов, возможна реализация промышленных проектов.

Предположительно ключевым узлом НШП должен стать Казахстан, власти которого уже объявили о большой программе развития национальной инфраструктуры. В частности, планируется создать два транспортных кластера, которые превратят страну в транзитный хаб между КНР и Каспийским морем. Первый из них, «Хоргос – Восточные ворота», – транспортная система, завязанная на пограничный пункт на границе с Китаем в Хоргосе, через который в страну поступает поток китайских товаров, частично следующий дальше в Россию и Европу по железнодорожной магистрали Чунцин – Синьцзян – Европа, частично – на Каспийское побережье, а далее через Южный Кавказ на Запад. К Хоргосу также планируется «подключить» модернизированную систему автомобильных и железных дорог, которая позволит либо вывозить доставляемые грузы на Север, либо доставлять их в каспийские порты. Емкость последних также планируется значительно расширить и создать новые железнодорожные ветки и паромные переправы, которые помогут бы ускорить оборот грузов.

Реализация НШП в Казахстане запланирована до 2017 года, так как завершение работ планируется приурочить к началу международной выставки «Экспо- 2017», которая должна привлечь в страну массу туристов и потенциальных инвесторов. Кроме развития транспортной инфраструктуры в республике планируется завершить строительство ряда промышленных объектов, в числе которых «Индустриальный нефтехимический парк» близ Атырау.

Меньший по масштабу транспортный проект стартует в южной части региона также по инициативе Китая. Речь идет о прокладке трубопровода Туркменистан – Узбекистан – Китай, предназначенного для транспортировки газа из Центральной Азии китайским потребителям. Наряду с действующим маршрутом Туркменистан – Узбекистан – Казахстан в 2014 году было начато строительство альтернативной ветки через Таджикистан емкостью 30 млрд кубометров газа в год и до 1000 км длиной. КНР также планирует инвестировать средства в строительство железной дороги Душанбе – Курган-Тюбе, второй очереди Душанбинской ТЭЦ-2, а также строительство предприятий по производству криолита, фтористого алюминия и сульфатной кислоты.

В 2015–2020 годах будет происходить постепенное усиление экономических позиций КНР в регионе, в первую очередь в Таджикистане и Казахстане. В планах Китая также стоит перенос некоторых производств в восточные области Казахстана. Маловероятно, что финансовое влияние КНР начнет трансформироваться в политические позиции до начала 2020 - х годов. Однако эпизоды китайского диктата возможны, что показал опыт переговоров Пекина и Душанбе по демаркации границы, закончившихся крупными территориальными уступками таджикской стороны.

Пока на уровне обсуждения находится другой проект по выводу туркменского газа на международные рынки в обход России. Ашхабад и Анкара обсуждают реализацию проекта Транскаспийского газопровода, который может быть сдан в эксплуатацию в 2018 году. Он должен позволить соединить энергосистемы Туркменистана, Азербайджана и Турции с перспективой выхода туркменских энергоресурсов на рынок ЕС. Этот проект вызывает возражения других участников переговоров об использовании бассейна Каспия, включая Россию и Иран, однако, судя по всему, Анкара настаивает на реализации проекта в обход интересов других стран региона.

Наравне с экономическими последствиями этого проекта он также будет означать укрепление позиций Турции в Центральной Азии и на Южном Кавказе, а также окончательное формирование проекта «тюркского мира». Однако перспективы транскаспийского проекта остаются неясными и из-за возможного давления на Ашхабад Москвы и Тегерана, и из-за нестабильности в туркмено-турецких отношениях, в том числе в связи с попытками туркменской стороны ограничить привилегии турецкого бизнеса в стране. Отмечается также начавшаяся кампания по борьбе с неформальным турецким религиозным объединением «Хизмат» («нурсисты»), которое стало восприниматься правительством Туркменистана в числе политических угроз для существующего строя.

Перспективы развития этих процессов в ближайшие годы неясны, так как зависят от комплекса политических и экономических факторов, в том числе позиционирования Ашхабада в регионе в контексте угрозы со стороны Афганистана и перспектив сотрудничества Туркменистана с ОДКБ в данном вопросе.

Пока под большим вопросом остается реализация проекта трубопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ), которую ранее откладывали на 2015–2016 годы. Сохранение террористической активности в Афганистане может осложнить строительные работы. С другой стороны, возможность реализации ТАПИ остается. Опыт показывает, что в случае строительства железной дороги Хайратон – Мазари-Шариф, системы ЛЭП CASA - 1000, а также оптоволоконных магистралей подрядчикам удавалось сохранить «нейтралитет» и избежать диверсий экстремистов против построенных объектов. Возможен ли подобный компромисс по проблеме ТАПИ – не ясно, так как проект крайне политизирован и его важность для участников будет переоцениваться

афганскими полевыми командирами, что может стать причиной выдвижения завышенных требований финансового и политического характера.

Фактором неопределенности является ожидаемая активизация политики Ирана в Центральной Азии в 2015–2020 годах. Этому, в частности, будет способствовать вероятное вступление Тегерана в ШОС в 2015–2016 годах. Пока региональные цели Ирана носят религиозно-политический характер. Страна стремится укрепить свои позиции в ЦА на основе «мягкой силы», религиозной и пропагандистской работы. Инвестиционная активность иранского бизнеса в регионе, вероятнее всего, также возрастет, однако конкретные ее контуры пока неясны. Иранские аналитики акцентируют внимание на возможных энергетических проектах в Таджикистане, а также на совместном развитии транспортной инфраструктуры на побережье Каспия. Не исключено, что иранско-российское сотрудничество на Каспийском море воспринимается в Тегеране как способ противодействия турецкой экспансии в Туркменистане.

Проблемой является то, что иранская политика в регионе традиционно воспринимается как религиозно окрашенная и агрессивная. Иранские СМИ действительно порой допускают риторику об «освобождении Бухары и Самарканда», что крайне настороженно воспринимается в Центральной Азии. Кроме того, религиозный характер «мягкой силы» Тегерана идет вразрез с установкой большинства государств региона на построение светского общества. В связи с этим нельзя исключать, что иранскую финансовую активность в регионе будут ограничивать политические факторы.

Вероятно, что транспортный бум продлится в регионе минимум до 2017 года, что позволит до этого момента избежать рецессии в экономиках стран ЦА. Дальнейшие перспективы будут во многом зависеть от успехов национальных правительств в использовании благоприятной конъюнктуры для развития собственного реального производства.

Стабильность правящих режимов Центральной Азии

Региональная стабильность в Центральной Азии будет во многом определяться функционированием государственных институтов в постсоветских государствах. Однако примеры цветных революций в Киргизии (2005 и 2010 гг.) и вооруженного восстания в Узбекистане (2005 г.) показывают, что социальные проблемы региона могут создать серьезный риск внезапной и внеконституционной смены власти и даже вызвать вооруженное межэтническое противостояние в государстве, ставшем жертвой нестабильности.

В течение ближайших пяти лет существует риск запуска процесса смены региональных элит в силу возрастного фактора, ухода на покой или даже естественной смерти представителей действующего поколения высшего эшелона государственных служащих Казахстана, Узбекистана и Таджикистана. Однако роль данного фактора в системе региональных рисков сильно преувеличена. Хотя вероятные перестановки в высшем руководстве создают элемент неопределенности, но в большинстве случаев системы государственных институтов региона менее зависимы от смены поколений руководства. В частности, Туркменистан после смерти Сапармурата Ниязова в 2006 году пережил существенные изменения персонального состава руководства и государственной политики, однако избежал каких-либо серьезных потрясений, создающих угрозу для государственности.

Вместе с тем существует ряд предпосылок для снижения уровня жизни и роста радикальных протестных настроений в различных странах Центральной Азии. Прежде всего в зоне риска оказываются Таджикистан, Киргизия и Узбекистан, являющиеся донорами рабочей силы для России и Казахстана, которые столкнулись с угрозой рецессии по причине мирового снижения цен на нефть в 2014–2015 годах.

В случае снижения спроса в указанных странах на рабочую силу из-за сокращения объемов строительства и застоя в иных отраслях, где чаще заняты трудовые мигранты,

возникает опасность резкого роста безработицы в ЦА. Численность возвратившихся домой работников может достигнуть нескольких миллионов человек. Это создаст почву для социальной нестабильности в государствах их происхождения.

Внутренние резервы экономического развития стран Центральной Азии часто ограничены из-за фундаментальных «постсоветских» экономических проблем: износа промышленных мощностей и инфраструктуры, построенных в XX веке, нехватки квалифицированных кадров, отсутствия экономических структур, нацеленных на самостоятельное развитие.

На начало 2015 года только Казахстан демонстрирует готовность к проведению независимой антикризисной политики, известной как «Нурлы жол». Она должна основываться на открытии крупных инвестиционных проектов по строительству транспортных коммуникаций и промышленных кластеров, т. е. в противовес замедлению международной экономики и падению цен на энергоносители обеспечить рост национальной экономики за счет внутренних средств и ресурсов. Реализация «Нурлы жол» частично стабилизирует экономику региона на время реализации (2015–2017 гг.), но дальнейшие перспективы будут во многом зависеть от экономической конъюнктуры в России и странах Запада.

Запасы внутренних резервов для самостоятельного развития Киргизии, Таджикистана и Узбекистана ограничены.

Киргизия, кроме проблем с общемировой конъюнктурой, испытывает внутренние трудности, связанные с сокращением реэкспорта китайских товаров, которые обеспечивают заметную часть национального ВВП. В настоящий момент их поток переориентируется на Казахстан, и, видимо, в ближайшие годы киргизский реэкспорт резко сократится, что потребует от страны перехода на принципиально новые экономические основы. В их реализации большую роль должны сыграть российские инвестиции на сумму более 1 млрд долларов, выделенные в связи со вступлением республики в ЕАЭС. Проблемой является то, что приоритетным направлением развития экономики Киргизии в рамках ЕАЭС может стать сельское хозяйство, где окупаемость инвестиций может потребовать не менее 2–3 лет. Таким образом, постановки экономического развития республики на надежную основу можно ожидать не ранее 2018 года.

Привлечение инвестиций в киргизскую экономику в ближайшие годы будет осложнено политическими причинами: доверие к республике подорвано скандалами вокруг попыток пересмотра сделки по руднику «Кумтор», а также слабостью ее судебной системы. По данным местных наблюдателей, в среднем выполняется менее 10 % судебных приговоров по гражданским делам из-за неэффективности службы приставов и коррупции. Исправление ситуации потребует серьезной реформы госаппарата.

К числу других проблем Киргизии относится общая слабость государственного аппарата, включая силовые структуры, отсутствие единства в правящей элите и экспертном сообществе, а также оппозиционная активность прозападных НКО, выступающих против присоединения страны к евразийским проектам. Известно, что многие активисты рассматривают в качестве возможного решения проблемы очередную «цветную революцию», однако пока этот вариант предотвращает достаточно высокая поддержка ЕАЭС в обществе (за присоединение к союзу выступает более 60 % населения, особенно в регионах).

С близкими проблемами экономического развития сейчас сталкивается Таджикистан, но в отличие от Киргизии страна обладает более консолидированной политической элитой и сильным государственным аппаратом. Высокой оценки заслуживают, в частности, антитеррористические ведомства, успешно противодействующие угрозе терроризма из Афганистана. Проблемой остается криминализация власти и общества в некоторых регионах, особенно в Горном Бадахшане, являющемся узлом наркотической контрабанды. Высокая безработица и концентрация финансовых ресурсов в руках местного криминалитета ведут к его чрезмерному усилению, переходящему в открытую конфронтацию местных

«теневых элитариев» с официальным Душанбе. Опасностью является и недоверие части населения к официальным властям, и восприятие организованной преступности как эффективного центра власти, что позволяет криминалу мобилизовать общественную поддержку в случае политических конфликтов.

Таджикистан будет стремиться устранить социально-экономические риски наращивания экономического партнерства с ЕАЭС и Китаем, пытаясь добиться ускорения экономического роста за счет иностранных политически мотивированных инвестиций. Неясно, в какой мере инвестиционные проекты смогут компенсировать вероятный отток трудовых мигрантов из России. Существуют риски использования финансовых потоков для покрытия потребительского спроса, т.е. фактического «проедания» инвестиций. Особенно такие риски высоки относительно потоков юаней, поступающих в республику, так как КНР является одним из ключевых поставщиков потребительских товаров в Таджикистан.

Ситуацию в Узбекистане отличает более высокий уровень авторитаризма и закрытости политического поля, чем в других странах региона. При этом в стране, несомненно, существует проблема экстремизма, действуют подпольные ячейки запрещенных организаций ИДТ, «Джихад», Народное Движение Узбекистана и «Хизб ут-Тахрир». По информации местных источников, ежегодно республику покидает до 100 активистов нелегальных группировок, желающих участвовать в войне в Афганистане и Пакистане. Существующие признаки говорят о том, что в последние годы происходит постепенное ослабление контроля государственных институтов в селах, что в течение 2015–2018 годов может привести к усилению криминальных и неофициальных религиозных объединений в сельских районах.

На социально-экономическом уровне страна сталкивается с проблемами социального неравенства, прежде всего связанными с развитием сельских районов, особенно в областях Ферганской долины. Уровень жизни в селах существенно ниже городского и по уровню потребления, и по доступу к инфраструктуре. Реформа аграрного сектора в 2000-х годах оказалась неудачной и привела к упадку отрасли и появлению прослойки «постоянно убыточных» фермеров, значительная часть которых занимается производством хлопка, являющегося одним из ключевых предметов республиканского экспорта. Для данной группы типичны напряженные отношения с властями из-за недовольства закупочными ценами и недостаточным субсидированием.

Плюсом ситуации в Узбекистане является демонстрация республикой большого запаса прочности. В частности, в 2014 году внешние наблюдатели не зафиксировали каких-либо масштабных проблем в стране, несмотря на комбинацию несколько негативных факторов, в числе которых маловодье, проблемы в аграрном секторе, концентрация в республике трудовых мигрантов в связи с кампанией по смене паспортов, валютный кризис в России и дестабилизация в северных провинциях Афганистана. По имеющимся данным, Служба Национальной Безопасности республики осуществляла чрезвычайные усилия для купирования возможных экстремистских проявлений и, как показала практика, смогла добиться своего.

Наименее ясной остается ситуация в Туркменистане, наиболее закрытой стране региона. В 2014 году власти поддерживали достаточно высокий уровень жизни за счет нефтегазовых сверхдоходов, в том числе субсидируя цены на ключевые продукты питания и бензин. Однако на фоне мирового падения цен на нефть возникают серьезные риски инфляции и бюджетного кризиса. Учитывая закрытость информационного пространства и ограничения в работе национальных СМИ, есть вероятность, что проблемы станут видны внешним наблюдателям только в случае возникновения в стране системного кризиса.

Также необходимо учитывать, что Туркменистан является приоритетной целью группировок афганской вооруженной оппозиции, действующей на севере Афганистана. В 2015–2017 годах вероятно сохранение террористической активности на государственной границе, продолжение нападений на подразделения туркменских пограничных войск, вероятна подготовка терактов в глубине страны, в т.ч. в западных велятах республики. Уровень реальной подготовки туркменских силовиков пока не поддается оценке, косвенные

признаки указывают на попытки властей резко увеличить штатную численность полиции в крупных городах, а также некоторых родов войск.

Евразийский проект

В ближайшие годы экспансия России в Центральной Азии будет усиливаться. Продолжится расширение ЕАЭС и ОДКБ. В частности, появились предположения о возможном присоединении к союзу Таджикистана уже в течение 2015 года. Также обсуждается возможность восстановления членства Узбекистана в ОДКБ, ранее приостановленного в связи с активизацией сотрудничества с США.

Несмотря на ожидаемые в 2015–2016 годы экономические трудности в России, интеграционный проект продолжит развитие, так как рассматривается многими в регионе как безальтернативная реакция на трудности в мировой экономике. Членство стран Центральной Азии в ЕАЭС и ОДКБ должно уравновесить усиливающееся влияние КНР в регионе, а также стать дополнительным источником инвестиций, который позволил бы избежать региональной рецессии.

Кроме того, сотрудничество в рамках ОДКБ рассматривается региональными экспертами как вариант защиты от угроз, исходящих со стороны Афганистана. В частности, в конце 2014 года были проведены показательные антитеррористические учения с участием российской военной группировки в стране, которые должны были продемонстрировать готовность союзников по организации вмешаться в ситуацию в случае появления прямой угрозы. Россия поставляет оружие в Киргизию и Таджикистан в рамках партнерских программ, что будет способствовать повышению уровня боеготовности этих государств.

Наиболее вероятно, что участие стран ОДКБ позволит Таджикистану отразить любые крупные атаки со стороны экстремистов с территории Афганистана и позволит избежать долгосрочного развития военного конфликта на границе, если Талибан и его союзники решат его начать. Однако угроза криминально-террористической активности на границе сохранится, вероятны разбойные нападения и похищения людей при рейдах боевиков через границу, а также дальнейшее развитие контрабанды наркотиков.

Вероятно, что в 2015–2016 годы будет успешно развиваться сотрудничество в рамках ОДКБ, а также партнерство организации с Узбекистаном, хотя вопрос о возобновлении участия республики в договоре о коллективной безопасности будет поднят не ранее 2016 года. Также ожидается успешное развитие прямого военно-технического сотрудничества Ташкента с Москвой, а также интенсификация контактов между органами безопасности по вопросу о совместном предотвращении террористических угроз с афганской территории.

Следует подчеркнуть, что наличие у Афганистана статуса наблюдателя при ШОС позволит активизировать сотрудничество постсоветских стран с официальным Кабулом по линии данной организации, включая информационный обмен и координирование совместных операций в приграничной полосе. Кроме того, перспективы вступления в ШОС Ирана, Пакистана и Индии могут создать условия для диалога по афганской проблеме всех заинтересованных региональных держав и поиска путей решения проблемы в обход США и НАТО, игравших ключевую роль в Афганистане в 2001–2014 годах.

Актуальным направлением сотрудничества России с Таджикистаном и Узбекистаном останутся вопросы борьбы с наркоторговлей. В виду ожидаемого роста площадей посевов опийного мака в 2015–2017 годах возникает острая необходимость максимально увеличить контроль на границах двух республик с Афганистаном, чтобы сократить уровень наркотической контрабанды. **Вероятно проведение масштабных работ по укреплению таджикско-афганской границы с использованием проволочных заграждений, а также возобновление дискуссии о возвращении контингентов пограничных войск других стран ОДКБ в регион.** В случае успеха этих мер рост наркоэкспорта по «северному маршруту» в 2016–2017 годах будет более умеренным за счет перераспределения потоков

контрабанды в пользу «южного пути», что будет совпадать с ростом наркоугрозы на Южном Кавказе.

Проблемой для стран Центральной Азии также является наличие агрессивной антиевразийской оппозиции, преимущественно движений и партий, связанных с прозападными НПО, выступающими против усиления влияния России в регионе. В их поддержку фактически открыто выступают местные посольства США. Большинство экспертов полагают, что указанные группы рассматривают возможность проведения «цветных революций» с целью смены внешнеполитического курса своих стран.

Наибольший риск таких попыток вероятен во второй половине 2015 года в Киргизии, где активную кампанию против ЕАЭС ведет зонтичное движение «Против Таможенного Союза», связанное с прозападной политической коалицией «Национальное оппозиционное движение». Ожидаются попытки проведения массовых, в т. ч. несанкционированных, акций протеста и столкновения с органами правопорядка. Впрочем, на текущий момент ожидаемая популярность антиевразийских и антироссийских призывов невысока, в течение 2015 года в республике сохранится достаточно высокий уровень поддержки интеграционного проекта среди населения. Однако дальнейшие его перспективы будут сильно зависеть от экономической динамики в России и Казахстане.

Развитие евразийской интеграции в регионе будет вызывать ожесточенное противодействие у противников России в регионе. Причем пропагандистскую и политическую деятельность антироссийского толка будут поддерживать не только структуры, связанные с США, но и некоторые политические и некоммерческие объединения из Грузии и Украины.

Глава 6

Ближний Восток и Северная Африка. Стабилизация не снимает проблем

Тюкаева Татьяна Иршатовна – арабист, аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России. Аналитик агентства «Внешняя политика». Автор публикаций, посвященных внутриполитической ситуации в Египте, Сирии, Ираке, Ливии, внешней политике Саудовской Аравии, Катара и Турции, а также проблемам политического ислама в арабском мире.

Регион Ближнего Востока и Северной Африки после революционной волны «арабского пробуждения» 2011 года остается крайне турбулентным. В ряде государств с разной силой продолжается кризис власти, усугубляемый тяжелой военно-политической ситуацией. В среднесрочной перспективе можно ожидать продолжения пока неустойчивой тенденции на стабилизацию в отдельных государствах «арабского пробуждения», в первую очередь в Тунисе и Египте. При этом продолжающиеся кризисы в других странах будут оставаться неразрешенными, угрожая раскачать ситуацию в соседних государствах. Кризис политического ислама будет оставаться одним из основных конфликтогенных факторов региональных процессов. При этом будет наблюдаться рост конкуренции за сферы влияния между региональными силами в лице Саудовской Аравии, Ирана, Турции и Катара, что также является фактором нагнетания напряженности.

Стабилизирующие и дестабилизирующие факторы

Два государства «арабского пробуждения» – Тунис и Египет – вступили на путь постепенной стабилизации. При этом стабилизирующую роль в обоих сыграло возвращение к власти светских сил, приверженцев идеи национального государства, в противовес потерпевшим политическое поражение умеренным исламистам «братьям-мусульманам», делавшим в своей риторике акцент на ислам, то есть идею транснациональную.

В Тунисе, с которого в конце 2010 года началась волна арабских волнений, была

принята новая конституция, проведены парламентские и президентские выборы. Победу одержали светские силы, сторонники возвращения страны к принципам, заложенным основателем Тунисской Республики Хабибом Бургибой и обеспечившим стабильное в политическом и социально-экономическом планах развитие государства. Движение «Нахда», тунисское ответвление сети умеренных исламистов «братьев-мусульман», которое пришло к власти после свержения президента Зина эль-Абидина бен Али, проявило конструктивный подход, пойдя на компромисс со светскими партиями, сохранив тем самым свое лицо и место в политическом процессе. Впрочем, из состава нового правительства исламисты были исключены.

Египет, в свою очередь, также приобрел светского лидера после свержения Партии Свободы и Справедливости египетских «братьев-мусульман» и их президента Мухаммеда Мурси. Новый египетский президент Абдель Фаттах ас-Сиси представляет военную элиту – силу, которая с 1952 года фактически является гарантом безопасности и государственности Египта. Процесс возвращения Египта в светское русло военными является циклическим, и в настоящем этапе политической жизни Египта нет ничего необычного. В стране также была принята новая конституция, проведены очередные президентские выборы и запланированы на начало 2015 года парламентские. Многочисленные, но разобщенные либеральные партии, которые встали в оппозицию новому режиму, не представляют серьезного противовеса новому режиму. Самодискредитация «братьев-мусульман», которые могли бы организовать оппозиционные силы в более единый блок, практически исключает такой сценарий. Этот факт также дает новым властям политическое пространство и временный ресурс, хотя и ограниченный, для укрепления своих позиций и стабилизации страны.

Наметившаяся тенденция на постепенный выход из кризиса такой важной страны, как Египет, препятствует разрастанию трансграничной дестабилизирующей активности экстремистских групп, перетекающей из Северной Африки на Ближний Восток и обратно и связанной в основном с деятельностью Исламского государства (ИГ) и ассоциированных с ним организаций.

Однако тенденция на стабилизацию является неустойчивой в силу ряда причин. Во-первых, экономическая ситуация – как в Тунисе, так и в Египте – остается крайне сложной на фоне сохраняющегося высокого уровня безработицы, особенно среди молодежи, и низких объемов иностранных инвестиций. Начало выхода из экономического кризиса для обеих стран можно ожидать только в среднесрочной перспективе при условии укрепления тенденции на социально-политическую стабилизацию. Во-вторых, «братья-мусульмане» остаются деструктивным в случае Египта и потенциально деструктивным в случае Туниса элементом политической жизни общества. И если в Тунисе они сохранили за собой определенное место в рамках политической системы, то в Египте они были из нее вытеснены и поставлены вне закона. Это серьезно обостряет ситуацию.

Египетские «братья-мусульмане», несмотря на свое политическое поражение и заключение под стражу своих лидеров и многочисленных сторонников, остаются наиболее организованной и влиятельной силой египетского общества – после военных. Они продолжают настойчиво проводить линию на непризнание новых властей и регулярно организуют акции протеста в различных египетских городах. Настойчивость «братьев-мусульман» сохранится, оставаясь главным дестабилизирующим фактором, угрожающим раскачать ситуацию в сфере безопасности до нового внутривнутриполитического кризиса. При этом возможность диалога властей с ними также практически сведена на нет. При благоприятном развитии, подразумеваемом последовательное продолжение укрепления нового режима и выхода из экономического кризиса, следует ожидать перехода «братьев-мусульман» к подпольной подрывной деятельности и готовности при первой возможности взять реванш. Такой сценарий представляется вероятным с учетом того, что, несмотря на многочисленные непопулярные в обществе меры, предпринимаемые правительством, президент пользуется поддержкой более половины египтян.

В-третьих, в обеих странах, вставших на путь относительной стабилизации, серьезную угрозу продолжает представлять деятельность исламистов-экстремистов. В частности, в южных районах Туниса активно действуют радикальные группировки, главным образом «Ансар аш-Шариа», боевики которой объявили о своем признании ИГ и продолжают заниматься строительством эмирата на территории Ливии. Ситуация на Синайском полуострове в Египте также далека от спокойной. После свержения Мухаммеда Мурси в июле 2013 года здесь также активизировались экстремистские группировки, в частности «Ансар Бейт аль-Макдис», которая заявила о своей связи с ИГ и создании Вилайета Синай. Усугубляет ситуацию для Египта и Туниса соседство с Ливией, где фактически отсутствует государственная власть, контролирующая свои границы, а исламисты различного толка особенно активны и представляют основную военную силу.

В целом активность «братьев-мусульман», не смирившихся со своим политическим поражением в одних странах и продолжающих бороться за власть – в других, а также сохраняющее сильные военно-политические позиции ИГ в среднесрочной перспективе останутся главными факторами дестабилизации большинства государств региона.

Будущее политического ислама

События «арабского пробуждения» выявили исламистов как наиболее организованную и влиятельную социальную силу на Ближнем Востоке. Большой популярностью начали пользоваться идеи «исламской демократии» как идеальной модели государствовоительства. Примером такого государства представлялась Турция, которая активно продвигала эти идеи в опоре на тесные контакты в разных государствах региона с партиями и движениями «братьев-мусульман», которые и выступали главными апологетами указанной модели. Однако их политические неудачи в период их нахождения у власти (в частности, в Тунисе и Египте) хотя и не удалили их с поля политической борьбы, но значительно снизили популярность тех идей, которые они пропагандировали. В результате, с одной стороны, в ряде государств возросло доверие к светским силам, воспринимаемым в качестве противовеса «умеренным» исламистам, а с другой – на поверхность вышли исламистские идеологии более радикального толка, отрицающие «умеренность» и «светскость» в развитии исламского общества.

Главным выразителем этих идей стал провозглашенный в июне 2014 года суннитский халифат в Ираке и Сирии. Последний выстраивает свою систему управления в соответствии с жестким шариатом – в противовес идее сочетания исламских норм и некоторых демократических элементов, продвигаемой умеренными «братьями-мусульманами», – и категоричной борьбы со всеми, кто не признает ИГ, в том числе и суннитами. Примечательно, что схожие идеи проводят в жизнь и другие экстремистские исламистские группировки, действующие в разных странах региона и в основном ассоциируемые с «Аль-Каидой». Зачастую, хотя и не всегда, эти группировки не признают ИГ и оказывают аффилированным с ним боевикам вооруженное сопротивление.

Ситуация осложняется тем, что идеология ИГ близка по сути официальной государственной идеологии Саудовской Аравии – ваххабизму, – которая является основой саудовской государственности. Ассоциирование законодательства, признанного террористическим образованием Халифата с нормами, применяемыми в рамках королевства, потенциально является серьезным вызовом безопасности Саудовской Аравии. Главной задачей королевства в среднесрочной перспективе становится максимальное идеологическое дистанцирование от ИГ – в глазах как региона, так и собственного общества.

Первые шаги в этом направлении уже предпринимаются. Верховный муфтий Саудовской Аравии Шейх Абдульазиз аш-Шейх заявил, что ИГ является главным врагом ислама и никакого отношения к вере не имеет. Не исключены попытки реформирования системы религиозного образования в королевстве, что, однако, представляет определенную сложность: в рамках саудовской элиты существуют реформисты и традиционалисты,

обострение противоречий между которыми грозит подорвать стабильность в стране. При этом именно последние, как сообщается, сохраняют большое влияние в саудовской системе образования. С учетом существующей в руководстве напряженности, связанной с вопросом порядка передачи власти в королевстве, едва ли кто-либо решится пойти на обострение отношений с традиционалистской частью элиты. Гораздо более вероятна реализация некоторых декоративных преобразований внутри королевства, тогда как основные усилия по дистанцированию от идеологии ИГ будут направлены вовне: на пропаганду через СМИ и создание международных коалиций, демонстрирующих приверженность Саудовской Аравии «истинному исламу» и противостоянию исламистскому терроризму.

Характерно в этом плане создание в июле 2014 года в Абу-Даби Исламского Совета Старейшин – «первой в своем роде» международной исламской организации, ставящей своей задачей «поддержку мира в мусульманских странах» и поддержание диалога между религиозными деятелями. При этом международная исламская организация с аналогичными целями уже существует с 2004 года под названием Международный Союз Мусульманских Ученых со штаб-квартирой в Дохе. Их параллельное существование объясняется фактом развивающихся противоречий в рамках политического ислама. Возглавляется Союз Ученых Юсуфом аль-Кардави, одним из наиболее влиятельных богословов ислама, считающимся духовным лидером «братьев-мусульман» и известным в последнее время своей критикой в адрес Саудовской Аравии в том, что королевство исповедует «неправильный ислам».

Совет Старейшин возник именно в тот момент, когда конфликт между Саудовской Аравией и «братьями-мусульманами» вступил в открытую стадию и последние были объявлены террористической организацией. Его основателями стали имам Аль-Азхара Шейх Ахмад аль-Тайеб и покинувший ряды Союза Ученых Шейх Абдалла бин Байя. Вместе с тем руководство новосозданной организации делает особый акцент на противодействии исламистскому экстремизму, а также политическому исламу и «братьям-мусульманам» – в частности. Создание Совета Старейшин в основном имеет демонстрационный эффект и отражает попытки Саудовской Аравии и ее союзников создать идеологический противовес – как умеренным «братьям-мусульманам», так и радикальному ИГ. Новая организация уже стала предметом жесткой критики со стороны своих «идейных оппонентов», которые обвиняют ее в политизации ислама и использовании с этой целью авторитета Аль-Азхара.

Деятельность «братьев-мусульман», пропагандирующая модель «исламской демократии», активизация радикальных фундаменталистских исламистских идей, близких государственной идеологии Саудовской Аравии, а также институционализация существующих между ними противоречий свидетельствуют о кризисе политического ислама, который только вступает в активную форму. В среднесрочной перспективе этот кризис будет нагнетаться: следует ожидать ожесточения риторики каждого из идеологических центров, которые будут стремиться резко противопоставить себя оппонентам.

Внешнее вмешательство и регионализация

Суннитско-шиитское противостояние традиционно лежит в основе регионального баланса сил на Ближнем Востоке, фактически отражая противоречия не религиозного, а геополитического характера. Суннитская Саудовская Аравия, король которой носит титул Хранителя двух святынь, претендует на духовное и политическое лидерство в исламском мире и роль выразителя интересов суннитов, представляющих религиозное большинство в регионе. При этом королевство достаточно слабо в военно-политическом отношении: вооруженные силы, несмотря на оснащенность новейшим оборудованием, сложно назвать боеспособными, а безопасность королевства и субрегиона Залива в целом обеспечивается во многом США посредством поставок военной техники, подготовки кадров

и расположенных здесь американских военных баз.

В таких условиях сильный в военном плане шиитский Иран, находящийся в непосредственной близости от саудовских границ, представляет угрозу сам по себе, а развиваемые им связи с шиитскими общинами Ближнего Востока и субрегиона Залива лишь усугубляют ситуацию, болезненно воспринимаясь в Эр-Рияде. Саудовское руководство стремится не допустить усиления региональных позиций Ирана, опорами которого оно считает режим Башара Асада в Сирии, ливанскую Хизбаллу и Ирак с премьером-шиитом и шиитским большинством. Непосредственный вызов безопасности королевства представляет активизация шиитов приграничных государств, в особенности в Бахрейне и Йемене, которые воспринимаются Саудовской Аравией исключительно как провокации со стороны Ирана. Кроме того, с большим опасением саудовское руководство наблюдает за начатым в 2013 году потеплением в американо-иранских отношениях и запуском нового раунда переговоров по иранской ядерной программе.

Саудовская Аравия и Иран являются естественными антагонистами, «холодное» противостояние между которыми формирует региональный баланс сил и задает логику развития политических процессов в странах Ближнего Востока. Однако в последнее десятилетие свое влияние на эти процессы начала наращивать Турция во главе с амбициозным лидером Реджепом Тайипом Эрдоганом. Кроме того, усиливалась тенденция на активизацию участия Катара в региональных процессах.

Волна «арабского пробуждения» стимулировала конкуренцию за лидерство в регионе между традиционными – Ираном и Саудовской Аравией – и новыми – Турцией и Катаром – центрами силы. Помимо этого, появился и пятый центр в лице ИГ. При этом каждый активно использует в своей риторике исламские ценности. Таким образом, к традиционному и крайне политизированному суннитско-шиитскому дискурсу добавился не менее политизированный дискурс внутрисуннитский: о политическом исламе – «умеренного демократического» характера, реализуемого «братьями-мусульманами» и поддерживаемыми их Турцией и Катаром, – или радикального консервативного, который пропагандируется ИГ.

Характерно, что у каждой из пяти региональных сил есть явные внутренние и внешние ограничители, исключающие то, что одна из них станет в средне- и даже долгосрочной перспективе – доминирующей.

Так, перед **Саудовской Аравией** стоят два важных вызова: внутренний, заключающийся в предстоящей смене порядка передачи власти, и внешний, связанный с шиитским фактором. После смерти короля Абдаллы трон перешел его сводному брату Салману, назначенному в июне 2012 года наследным принцем. В 2014 году Абдалла, в стремлении снизить напряженность в вопросе престолонаследия, впервые ввел титул заместителя наследного принца и назначил им самого младшего из сыновей короля-основателя принца Мукрина, который с момента перехода власти Салману стал наследным принцем. Одним из первых решений нового короля стало назначение на титул заместителя наследного принца своего племянника Мухаммеда бин Найифа.

Примечательно в этом то, что, если этот порядок передачи власти состоится, принц Мухаммед бин Найиф станет первым саудовским монархом – внуком короля-основателя (до сих пор трон переходил между сыновьями короля-основателя). Этот факт, особенно с учетом существующей внутренней конкуренции между различными кланами королевской семьи, может потенциально стать поводом для серьезных разногласий. Впрочем, проблемы могут начаться и раньше: кандидатура нынешнего наследного принца Мукрина вызывает много вопросов, главный из которых заключается в том, что он может стать первым королем не полностью саудовского происхождения (он является йеменцем по материнской линии). Осложняет ситуацию и состояние здоровья нового короля Салмана, что приближает момент принятия важных решений по проблеме престолонаследия.

Помимо появления титула заместителя наследного принца, призванного сгладить ожидаемые противоречия в процессе передачи власти, с 2006 года действует специальный орган – совет по престолонаследию, состоящий из сыновей короля-основателя (или их

сыновей). Его функцией является избрание монарха и его наследника, которая, однако, в соответствии с законодательством может быть реализована только в отношении следующего после короля Салмана монарха. При этом законодательством не предусматривалось появление титула заместителя наследного принца, прерогатива назначения которого принадлежит правящему королю, но его утверждение будет происходить решением совета. Таким образом, кандидатура Мухаммеда бин Найефа на пост наследного принца будет требовать согласования между кланами королевской семьи в совете, что с учетом сложности ситуации – смены поколений правящей династии – вызывает напряженность. В случае если достижение согласия в этом отношении столкнется с серьезными противоречиями, вызванными конкуренцией кланов за власть, страна может скатиться к внутренней дестабилизации, которой не преминут воспользоваться шиитские общины – как саудовские, так и проживающие в соседних странах.

Между тем более вероятным сценарием представляется относительно мирный процесс передачи власти. В этом заинтересованы в первую очередь и сами саудиты, независимо от принадлежности к клану одинаково остро воспринимающие шиитскую угрозу. Поддержанием стабильности королевства не менее озабочены и в Вашингтоне, отношения с которым сохраняют свою важность, невзирая на имеющиеся разногласия по ряду вопросов.

Примечательно, что Эр-Рияд взял курс на поддержание низких мировых цен на нефть. Несмотря на то что доходы от нефтеэкспорта составляют основную долю государственного бюджета, королевство может позволить себе временное снижение этих доходов без серьезного ущерба для экономики, чего нельзя сказать о других участниках мирового нефтяного рынка. При этом за этот период Саудовская Аравия намерена вытеснить своих конкурентов и занять их нишу, а также затормозить развитие возобновляемых источников энергии и дорогостоящую добычу труднодобываемой нефти. Последнее напрямую касается США, которые, впрочем, за счет высокой степени хеджирования и усовершенствования технологий, позволяющих повысить производительность и снизить стоимость услуг в нефтяной сфере, а также уже произведенного бурения (что является самым дорогостоящим этапом добычи сланцевой нефти), пока увеличивают масштабы нефтепроизводства.

Снижение зависимости от ближневосточной нефти в более отдаленном будущем приведет к снижению вовлеченности Вашингтона в дела региона, в том числе и необходимости поддержания прочности саудовского режима. Тем не менее для США в среднесрочной перспективе представляется важным сохранение стабильности в государстве, которое имеет непосредственное влияние на мировое нефтяное ценообразование и представляет определенный противовес Ирану. Так и для Саудовской Аравии принципиальны отношения с США, которые, по сути, обеспечивают ее безопасность.

В свою очередь **Иран** остается в относительной международной изоляции и вынужден действовать в условиях санкций, часть из которых была снята, что, впрочем, не мешает их восстановлению в среднесрочной перспективе. Основой наметившейся в 2013 году с приходом Хасана Роухани разрядки между Тегераном и государствами Запада, в первую очередь – США, является запуск очередного, более успешного раунда переговоров по иранской ядерной программе. Ключевой договоренностью остается обязательство Ирана не обогащать уран свыше 5 %, сократить развитие ядерной программы и разрешить МАГАТЭ осуществлять инспекции на всех ядерных объектах (в этой связи особо значимо для Запада убедить Тегеран вернуться к подписанию Дополнительного протокола к ДНЯО). Все участвующие стороны отмечают продуктивность продолжающегося переговорного процесса, что должно постепенно вывести Иран из-под бремени санкций и привести к возвращению зарубежных инвестиций, оказывая положительный эффект на экономику страны.

Между тем заключение итогового соглашения вновь было отложено, что послужило поводом для усиления идеи отказа от переговоров и возвращения к политике санкционного давления. Такой позиции, в частности, придерживаются американские республиканцы, которые, по итогам ноябрьских выборов 2014 года, имеют большинство в конгрессе.

Их радикальный подход будет сдерживаться Бараком Обамой, однако после ожидаемой победы республиканского кандидата на президентских выборах 2016 года ситуация изменится. При этом иранские консерваторы также скептически настроены по вопросу заключения соглашения по ядерной проблематике и в целом – нормализации в отношениях с Западом, призывая к возвращению к политике конфронтации. С осуждением переговоров также выступают Израиль и Саудовская Аравия, которые хотя и не имеют значимого влияния в этом вопросе, однако также могут сыграть определенную роль в смене подхода западных стран в отношении Ирана.

Между Тегераном и руководствами государств Запада сохраняется атмосфера недоверия, что исключает возможность долгосрочного тренда на потепление в отношениях между ними. Итоговое соглашение, если оно будет заключено, как планируется, в июне 2015 года, будет нарушено. Следует ожидать ужесточения риторики республиканцев и провокаций как с их стороны, так и со стороны Ирана. В случае победы кандидата-республиканца на президентских выборах заключенное соглашение будет подорвано в 2017 году. Однако период временной нормализации Тегерана с Западом будет использован иранскими властями для стимулирования экономического роста, спад которого после ожидаемого возвращения к санкционной политике будет списан на «враждебный внешний фактор» иранским руководством, которое, в свою очередь, вернется к традиционной антизападной риторике. Период потепления также взаимовыгодно используется Вашингтоном и Тегераном для негласного сотрудничества в противостоянии общему врагу в лице ИГ. Это повышает эффективность борьбы, однако вызывает напряженность в отношениях США с их региональными партнерами – в первую очередь Саудовской Аравией. Между тем вероятные успехи контртеррористической кампании и Иран, и США, по всей видимости, запишут на свой счет, обвинив при этом друг друга в препятствовании реализации этой кампании.

Вероятен и другой сценарий, заключающийся в продолжении оттягивания заключения итогового соглашения, что даст Западу, и в первую очередь США, повод к прекращению переговоров и возвращению к политике давления, вероятно, уже к середине 2016 года. Так или иначе, наметившаяся разрядка является временным явлением, а не средне- или долгосрочным трендом. Это, впрочем, не ограничивает Тегеран в реализации своих региональных амбиций.

В Турции бывший премьер, а ныне – новоизбранный президент Эрдоган, доказав прочность своих политических позиций внутри страны, продолжает наращивать свое влияние в регионе. За 10 лет своего премьерства в качестве лидера Партии Справедливости и Развития (ПСР) ему удалось выстроить систему, центральная роль которой принадлежит ему: военные, контролировавшие власть на протяжении более полувека существования Турецкой Республики, отстранены от управления страной, а оппозиционные партии не представляют серьезного противовеса. Несмотря на то, что последним удалось препятствовать проведению конституционной реформы, в соответствии с которой Турция должна была стать президентской республикой, президент Эрдоган является фактическим главой при парламентской форме правления, тогда как новоназначенный премьер и лидер ПСР Ахмет Давутоглу (бывший при премьерере Эрдогане министром иностранных дел) представляется в значительной степени формальной фигурой, следующей курсу президента.

Для укрепления своей власти турецкий лидер умело манипулировал различными темами внутри- и внешнеполитической повестки дня. Так, переговоры о вступлении в ЕС, возобновленные в 2005 году, по утверждению специалистов, во многом были инструментом отстранения от власти военных. Сегодня, несмотря на то что объявлено о новом раунде этих переговоров, Эрдоган все жестче заявляет о «потере интереса» к членству в Союзе, что идет в общем русле усиливающейся антизападной риторики президента, призванной укрепить региональные позиции Турции. Первый свой визит в качестве президента он совершил в Республику Северного Кипра, вопрос о котором является одним из препятствий турецкого вступления в ЕС: это красноречиво говорит о намерениях Анкары в отношении Европы.

Курдский вопрос также был использован Эрдоганом в политических целях. Продолжающийся – как сообщается, «безрезультативно» – переговорный процесс с представителями Рабочей Партии Курдистана (РПК), официально считающейся террористической, едва ли был направлен на какой-либо результат, кроме как привлечение части курдского электората в преддверии прошедших муниципальных и президентских и предстоящих в начале 2015 года парламентских выборов.

В своей региональной политике Эрдоган сделал ставку на «братьев-мусульман» и вовлечение, по меньшей мере формальное, в палестино-израильский конфликт на стороне Хамаса – в сопровождении с резкой критикой действий Израиля и бездействия Запада. Такая риторика близка настроениям «арабской улицы».

Однако настойчивость Эрдогана в поддержке «братьев-мусульман» уже стоила ему кризиса в отношениях с такой важной страной региона, как Египет, и будет продолжать служить фактором нагнетания напряженности во взаимодействии Турции со странами региона. Угроза нестабильности видится также в нахождении значительного числа сирийских беженцев на турецкой территории, а также ухудшении внутриэкономической ситуации, которое, впрочем, считается временным. Тем не менее наиболее вероятным представляется продолжение тренда на усиление региональных позиций Турции во главе с Эрдоганом, увлеченным реализацией амбициозных внутриэкономических и геополитических «Целей - 2023» и отстаиванием независимости от внешнеполитического курса США. Важным элементом внешней политики страны остается продвижение интересов турецкого бизнеса, что реализуется практически без оглядки на политическую риторику. Следующие президентские выборы должны состояться в 2019 году, на которых нынешний лидер имеет большую вероятность вновь одержать победу. Однако вполне вероятно, что провокационные речи Эрдогана в отношении Запада и его ориентация на «братьев-мусульман» в регионе будут иметь негативные последствия для турецкого лидерства в более долгосрочной перспективе.

Внешнюю политику **Катара** в последние годы также можно охарактеризовать как провокационную. Доха реализует курс на активное участие во всех региональных конфликтах от Ливии до Сирии и Йемена, противопоставляя себя Саудовской Аравии. Главным вызовом консервативной монархии со стороны Катара является поддержка сети «братьев-мусульман», которая враждебно воспринимается Эр-Риядом. Такая позиция ставит Доху по одну сторону баррикад с Анкарой, однако едва ли можно говорить о формировании некоего катарско-турецкого союза: это сближение скорее является тактическим, и в более долгосрочной перспективе можно ожидать обострения соперничества между двумя региональными центрами силы.

После того как в июне 2013 года отец нынешнего эмира Хамад бин Халифа аль-Тани передал власть своему сыну Тамиму, во внешней политике Катара многие наблюдатели отмечают некоторые изменения в сторону снижения провокационности и склонности к нормализации отношений, в первую очередь с монархиями Залива. Для эмирата принципиально важным остается поддержание собственного имиджа как в регионе, так и в мире, что реализуется посредством масштабных бизнес-проектов и деятельности международного канала «Аль-Джазира». Катар осуществляет сделки с крупнейшими транснациональными корпорациями и расширяет свою монополию в области СПГ по всему миру, причем не только за счет непосредственно поставок газа, но и реализации контрактов в области создания СПГ-терминалов. Важнейшими имиджевыми проектами для эмирата являются проведение в 2022 году чемпионата мира по футболу, который впервые пройдет на Ближнем Востоке, а также ожидаемое проведение этапа гонки «Формула - 1» в 2016 году. «Аль-Джазира», запущенная по указу предыдущего эмира и являющаяся сегодня одним из лидирующих глобальных СМИ, служит эффективным инструментом продвижения роли Катара на мировой и региональной арене. Провокационная манера вещания стала одним из камней преткновения в отношениях Дохи с Эр-Риядом, и, несмотря на некоторое смягчение тона в русле общей трансформации внешнеполитической логики Катара, канал

фактически продолжает следовать курсу, принятому эмиром Хамадом. Это выражается в поддержке «братьев-мусульман» в материалах канала, что вызывает недовольство, в первую очередь Саудовской Аравии.

Не менее вызывающим для саудовского руководства выглядит активизация контактов Дохи с Тегераном, в частности в связи с поддержкой Хамаса. Проводимый Катаром курс поставил эмират на грань региональной изоляции, вызвав недовольство монархий Залива и государств региона, в первую очередь Египта. Кризис с отзывом послов в марте 2014 года был урегулирован к концу года усилиями Саудовской Аравии, для которой единство в субрегионе Залива имеет принципиальную важность – с точки зрения имиджа и безопасности. Стараниями Эр-Рияда был урегулирован и конфликт Дохи с Каиром. Между тем это представляется временным перемирием, которое будет нарушено Катаром в среднесрочной перспективе. Как и Турция, Катар будет принимать участие в восстановлении египетской экономики, однако не следует ожидать, что катарское – как и турецкое – руководство откажется от поддержки «братьев-мусульман» или от региональной конкуренции за сферы влияния.

Возвышение **ИГИЛ** в качестве центра силы в регионе является временным. Границы Халифата, фактически не изменившись с лета 2014 года, вряд ли будут расширяться. Преодолев пик своей мощи в краткосрочной перспективе, его влияние начнет постепенно снижаться, а контролируемая им территория – сокращаться до отдельных очагов нестабильности, которые будут еще долгое время сохраняться на территории Сирии, Ирака, а также Египта и Ливии. Факторами ослабления ИГ могут стать усилия по дискредитации радикальной идеологии и боевые успехи контртеррористической коалиции и региональных сил (сирийской армии, Ирана, Хизбаллы) на фоне некоторого продвижения в решении военно-политического кризиса в Сирии и кризиса власти – в Ираке. Однако пока позитивных результатов ни по одному из этих направлений достичь не удается.

Конкуренция за сферы влияния между этими пятью – а в более отдаленной перспективе четырьмя – региональными центрами силы, которые в разной степени вовлечены во все текущие конфликты Ближнего Востока и Северной Африки, будет происходить на фоне снижения влияния на процессы региона со стороны внешних сил – отдельных европейских государств и США. Однако это не означает отказ от участия Запада в решении основных проблем или от реализации своих интересов в этих странах.

США будут оставаться важным участником региональных процессов по целому ряду направлений. Во-первых, это американское военное присутствие на Ближнем Востоке. Турция остается членом НАТО, в рамках организации также действует Средиземноморский диалог для североафриканских государств, в Заливе располагаются военные базы США, а безопасность стран этого субрегиона фактически обеспечивается американскими усилиями. Кроме того, США являются одним из основных поставщиков военной техники для большинства государств региона.

Во-вторых, это заинтересованность Вашингтона в сохранении дружественных отношений с крупнейшими поставщиками нефти и газа – монархиями Залива. В-третьих, это борьба с терроризмом, которая остается веской причиной для непосредственного силового вмешательства, что сегодня наглядно демонстрирует проблема ИГ и вовлеченность США в борьбу с «Аль-Каидой» в Йемене.

В-четвертых, это предотвращение развития ядерной программы Ирана. В-пятых, это активное участие в палестино-израильском урегулировании и недопущение образования международно признанного государства Палестина.

И, наконец, это попытки урегулировать конфликты, в которые США уже оказались втянутыми: речь в первую очередь идет о Сирии, будущее которой, по всей вероятности, будет формироваться региональными силами, однако Вашингтон сохраняет за собой право слова. Ливийский конфликт между тем остается вне зоны американских интересов, и его урегулирование будет лежать на плечах стран региона с возможным несиловым участием Франции, которая продолжает видеть южное Средиземноморье сферой своего влияния.

Основные кризисные точки региона

Главными пунктами повестки дня региона в среднесрочной перспективе будут оставаться кризисы в Ливии, Сирии и Ираке, связанными с проблемой ИГ, а также в Йемене. Решение каждого из этих конфликтов будет осложняться вмешательством внешних сил – региональных и внерегиональных, которые стремятся обеспечить свои интересы в этих странах.

Ливийский конфликт представляется наиболее далеким от урегулирования в среднесрочной перспективе. В стране фактически действуют два правительства, формально представляющих два враждующих лагеря – исламистский и антиисламистский. Первый действует под зонтиком официально распущенного Всеобщего Национального Конгресса (ВНК), заседающего в Триполи, и имеет в своем распоряжении хорошо организованные вооруженные исламистские группировки, контролирующие значительные территории Ливии, а также стратегически важные аэропорты и морские порты, через которые они получают материальную и военную помощь Турции и Катара. Доминирующей силой исламистского лагеря являются «братья-мусульмане», а также некоторые радикальные экстремистские группы, в том числе «Ансар аш-Шариа», ответственная за убийство американского посла в сентябре 2012 года. Исламистам также удалось привлечь на свою сторону некоторые этнические меньшинства. Второй лагерь, в свою очередь, представлен международно признанным правительством, изгнанным из столицы и вынужденным заседать в отеле курортного города Тобрук. В него формально входит созданная весной 2014 года генералом Халифой Хафтаром Национальная армия, контролирующая некоторые территории страны и получающая активную военную поддержку Египта и стран Залива. Кроме того, некоторые племена и кланы сохраняют формальный нейтралитет в конфликте, и каждый из лагерей пытается привлечь их на свою сторону. Наиболее крупным и влиятельным племенем является варфалла: не исключено, что именно его нынешняя позиция ляжет в основу урегулирования.

Запущенная в сентябре 2014 года специальная миссия ООН по решению кризиса пока не приносит и вряд ли принесет позитивные результаты, так как проводимые под ее эгидой переговоры национального примирения не включают всех влиятельных участников конфликта. В этих условиях, а также с учетом неоднократно озвученного западными лидерами отказа от повторного военного вмешательства следует ожидать, что основную роль в урегулировании сыграют Египет и Алжир. Вероятно также участие в посредничестве Франции. При благоприятном развитии событий к 2020 году могут наметиться первые признаки стабилизации посредством создания нового органа высшей государственной власти, объединяющего представителей основных внутривнутриполитических сил, и начале антитеррористических операций с участием внешних игроков. Неблагоприятный сценарий предполагает дальнейшую дестабилизацию, представляющую угрозу безопасности соседним государствам.

В первую очередь это касается Египта. Наметившаяся тенденция на постепенную стабилизацию может быть сорвана, если Каиру не удастся в ближайший год добиться сколь-либо значимых успехов в преодолении экономических проблем и социально-политической поляризации. В этом отношении многое будет зависеть от хода и результатов намеченной на февраль Международной конференции доноров, а также мартовских парламентских выборов и судебному решению по делу Мурси. Принципиальную важность сохраняет ось Египет – Саудовская Аравия, практическая ценность которой во многом заключается в совместном противостоянии «братьям-мусульманам», а также во взаимодовлетворяемых потребностях в финансировании и обеспечении безопасности.

Решение **конфликтов в Ираке и Сирии** имеет одно общее направление – борьба с боевиками ИГ, которые контролируют около трети территории каждой из стран. Успехи в этом направлении во многом будут зависеть от развития иракских внутривнутриполитических

переговоров с участием всех основных сил о формировании сильной центральной власти в стране, с одной стороны, и окажут влияние на ход интернационализованного сирийского конфликта – с другой.

Распространение влияния ИГ началось именно с территории Ирака, центральная власть которого не была способна реализовывать эффективное управление при учете интересов всех социально-политических групп в стране. В результате значительную роль в усилении боевиков сыграли выступившие на их стороне сунниты-баасисты, остатки режима Саддама Хусейна, – против непредусмотрительной политики премьера Нури аль-Малики. Его уход послужил положительным импульсом к всеобъемлющим национальным переговорам, которые, однако, так и не привели к результатам. Багдад до сих пор не обладает ни серьезным политическим, ни военным авторитетом, сопоставимым с ИГ. Однако тот факт, что расширение границ халифата остановилось, что вряд ли можно полностью списать на действия международной коалиции, следует рассматривать как положительный симптом, свидетельствующий о продолжении поиска компромисса между ключевыми и маргинальными политическими силами.

В Сирии вырисовывается несколько другая ситуация. Режим Башара Асада сохраняет сильные позиции, контролируя более 50 % территории страны и пользуясь поддержкой большинства населения. Его армия, вынужденная вести войну на два фронта – с оппозицией и боевиками ИГ, при непосредственной поддержке Ирана и Хизбаллы продолжает одерживать боевые победы, возвращая под свой контроль отдельные районы, в которых сразу же начинают проводиться восстановительные работы для обеспечения первых нужд населения. Параллельно с этим оппозиция, поддерживаемая Западом, а также Саудовской Аравией, Турцией и Катаром, пребывает в состоянии глубокого раскола и занята междоусобными боями. Причем «внутренняя» оппозиция, непосредственно участвующая в боевых действиях, не признает «внешнюю», формально являющуюся представителем интересов оппозиционеров на международной арене и увлеченную формированием «переходного правительства». Однако и те и другие остаются совершенно непреклонны в том, что любое урегулирование должно быть предварительно обусловлено уходом Асада. Этой позиции придерживаются и региональные спонсоры оппозиции, однозначно настроенные на устранение президента и реформирование режима внедрением в него лояльных себе сил. Такое положение дел делает заранее обреченными на провал продолжающиеся возникать международные инициативы посредничества.

С учетом осознания того, что успехи борьбы с ИГ напрямую зависят от восстановления сильной центральной власти в Ираке, в среднесрочной перспективе можно ожидать активизации усилий по достижению компромисса между участниками внутривосточного диалога при попытках США стимулировать процесс через имеющиеся у них контакты с шейхами некоторых суннитских племен. При благоприятном развитии событий можно ожидать достижения хрупкого внутрииракского согласия – по крайней мере, по вопросу борьбы с ИГ, которое впоследствии начнет рушиться, как только будут достигнуты сколь-либо заметные результаты по вытеснению боевиков с территории Ирака. Вместе с тем прогнозируемый переход внутривосточной разобщенности в фактическую территориально-политическую дезинтеграцию страны с появлением независимых Суннитстана и, особенно, Курдистана пока не реализуется и вряд ли будет реализован в обозримом будущем. Суннитские силы, с учетом участия части из них в деятельности ИГ, весьма разобщены, а создание курдского государства требует поддержки США и Турции, которые не заинтересованы в этом, хотя и продолжают активно развивать контакты с иракскими курдами.

Сложнее обстоит дело с завершением гражданской войны в Сирии. Асад сохраняет ключевые военно-политические позиции в стране, какие-либо успехи в противостоянии боевикам возможны только его силами. Запад, разочарованный развалом оппозиции, в лице США уже начал негласно сотрудничать с режимом по борьбе с ИГ. Вместе с тем влияние западных спонсоров на сирийских оппозиционеров заметно сократилось, поэтому главную

скрипку в формировании контуров дальнейшего развития сирийского конфликта будут играть спонсоры региональные, которые выступают категорически против Асада. Поэтому по достижении заметных результатов сил режима в борьбе с боевиками нельзя исключать, что переговоры между Дамаском и оппозицией не смогут выйти из тупика. Вероятным вариантом развития событий представляется сценарий, при котором региональные спонсоры оппозиции возьмут курс на изматывание режима посредством естественного пополнения рядов боевиков на сирийской территории боевиками, вытесненными с территории Ирака.

В субрегионе Залива точками напряженности остаются конфликты в Йемене и Бахрейне. Главным дестабилизирующим фактором здесь остаются шииты. Так, в **Бахрейне**, где правящая суннитская королевская династия является представителем явного меньшинства, продолжаются демонстрации оппозиции, преимущественно состоящей из шиитов. Последнее обострение связано с арестом и заключением лидера главной оппозиционной шиитской партии «Аль-Уифак». Не исключено, что для стабилизации ситуации в стране вновь будут введены саудовские и эмиратские силы безопасности, как уже было в 2012 году. Однако очевидно, что силовые меры, сопровождаемые традиционной риторикой суннитско-шиитского противостояния, настойчиво проводимой Саудовской Аравией и поддерживаемой Ираном, могут привести лишь к временному решению проблемы, грозящей вновь вылезти на поверхность в среднесрочной перспективе.

Еще менее оптимистично ситуация развивается в **Йемене**, где шиитское меньшинство в лице хуситов захватило половину страны, включая столицу и крупнейший порт. Политика Саудовской Аравии в отношении своего нестабильного южного соседа заключалась в обеспечении безопасности своих границ посредством установления влияния на режим в Сане. Появления шиитского государства в Йемене для Эр-Рияда недопустимо, впрочем, йеменские шииты не претендуют на верховную власть в стране, а лишь добиваются признания за ними определенного влияния в управлении. Между тем активность хуситов спровоцировала отставку президента и премьера, а их военная эффективность позволила США рассматривать их как возможных партнеров в борьбе с Аль-Каидой Аравийского полуострова, действующей на йеменской территории. Следует ожидать от Саудовской Аравии серьезного вовлечения во внутривосточный конфликт в Йемене, попыток запуска новых инициатив по проведению переговоров национального единства, подобно той, которая была предложена после отставки бывшего президента Али Абдаллы Салеха в 2011 году, и стремления продвинуть на значимые посты лояльные силы (в особенности представителей бывшего режима).

Коренной проблемой продолжающихся конфликтов в странах региона является активное вовлечение в них внешних сил, которые обеспечивают свои интересы в опоре на одну из сторон внутривосточных противоречий, препятствуя реализации национальных интересов соответствующих государств. Поэтому урегулирование основных кризисов в регионе если и будет реализовываться, то только в формате временных решений, которые в более долгосрочной перспективе выльются в новые конфликты.

На региональной и международной повестке дня оставаться будет и **палестино-израильское урегулирование** – формально событийное, но застывшее в тупике фактически. Его развитие происходит циклами, составляющими каждого из которых является запуск и провал очередного раунда переговоров при международном посредничестве между палестинской и израильской сторонами, заключение договоренности по достижению внутривосточного единства между Фатх и Хамас и последующий ее срыв, горячая фаза конфликта между Газой и Израилем и установление перемирия, опять же, при международном посредничестве, а также попытки палестинского руководства расширить международное признание государства Палестина. Урегулирование недостижимо, так как его ключевые вопросы являются принципиальными для вовлеченных сторон, а потому компромисс невозможен. Более того, все три стороны конфликта научились извлекать политические и экономические выгоды из своих ролей в этом конфликте.

В среднесрочной перспективе не следует ожидать каких-либо изменений в циклическом

развитии отношений между двумя палестинскими и израильской сторонами конфликта. На предстоящих выборах в израильский Кнессет велика вероятность того, что победу вновь одержат правые, сторонники непризнания палестинского государства. Подтверждением правоты своей позиции они могут использовать продолжающиеся провокационные обстрелы израильской территории со стороны Газы, ответом на которые вновь послужила военная операция в июне 2014 года. Характерно, что предыдущим выборам в Кнессет в 2013 году также предшествовала операция Израиля в Газе осенью 2012 года, спровоцированная ракетными обстрелами со стороны контролируемой Хамасом части Палестины. Сохранение правых у власти в Израиле будет на руку и Хамасу, в основе риторики которого необходимость активного противодействия «сионистским агрессорам».

Ожидается проведение очередного раунда палестино-израильских переговоров, которые не достигнут поставленных задач в рамках процесса урегулирования. Однако их провал может привести к увеличению числа стран, в том числе европейских, признающих государство Палестина. Сам факт переговоров традиционно негативно воспринимается Хамасом, что временно заморозит внутripалестинское примирение и деятельность правительства национального единства, но после провального завершения этих переговоров можно ожидать возобновления работы правительства и подготовки к парламентским и президентским выборам. Присоединение государства Палестина к ряду международных конвенций, в том числе Римскому статуту Международного уголовного суда, не будет иметь положительных результатов для палестинцев и лишь обострит отношения с США и Израилем, причем от последнего можно ожидать резкой реакции в форме демонстративных политических акций, что повлечет дальнейшее ужесточение критики в адрес израильского руководства со стороны международного сообщества. В среднесрочной перспективе можно ожидать новых военных провокаций между Газой и Израилем, обостряющихся до открытого вооруженного противостояния, и попыток Турции и Катара занять место главного посредника при последующих переговорах о перемирии. Наименее вероятным развитием событий представляется проведение через СБ ООН палестинского плана-ультиматума о создании международно признанного палестинского государства в границах 1967 года.

* * *

В среднесрочной перспективе стабилизации Ближнего Востока и Северной Африки не предвидится, хотя при благоприятном развитии событий можно ожидать появления некоторых симптомов стабилизации региона к 2020 году. Важнейшими факторами, стимулирующими турбулентность политических процессов, будут оставаться кризис политического ислама, слабость национальных государств и деструктивное вмешательство региональных и внерегиональных сил во внутренние дела арабских стран.

Глава 7

Южная Азия. Замедление роста на фоне конфликтов

Топычканов Петр Владимирович – индолог, пакистановед, кандидат исторических наук (2009). Старший научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, научный сотрудник программы «Проблемы нераспространения» Московского центра Карнеги, участник Программы Оценок Стратегической Стабильности (POSSE, Технологический Университет Джорджии (США), участник «Южно– и Центральноазиатского Проекта» Йоркского Центра Азиатских Исследований (Канада), член редакционной коллегии журнала «Ядерный клуб». Соавтор книги «Сила и слабость Пакистана» (2013).

Перспективы развития Южной Азии в наибольшей степени связаны с будущим крупнейших стран региона – Индии и Пакистана, а также ролью внешних сил, прежде всего

Китая.

Предыдущий год был ознаменован выборами в основных странах региона. Парламентские выборы прошли в Бангладеш, Индии и на Мальдивах. В начале 2015 года прошли президентские выборы на Шри-Ланке. Наибольшее внимание привлекли выборы в Индии, которые принесли победу «Бхаратия Джаната Парти» (БДП) и ее лидеру Нарендре Моди. Есть основания предполагать, что сложившаяся к настоящему времени политическая карта региона сохранится на ближайшие несколько лет, хотя отдельные ее элементы могут быть изменены из-за вероятных внутривнутриполитических кризисов, прежде всего в Бангладеш и Пакистане.

В военной области в Южной Азии вероятны конфликты между Индией и Пакистаном, Индией и Китаем, Пакистаном и Афганистаном, а также трения на индийско-бангладешской границе. Опасность первых двух видов конфликта усугубляется вероятностью их эскалации вплоть до применения ядерного оружия. В принципе, возможно достижение договоренностей между Индией и Пакистаном в области мер доверия и даже некоторых ограничений ядерного оружия, поскольку между этими государствами есть отношения взаимного сдерживания и относительный паритет сил. Однако таким договоренностям будет мешать политическая напряженность между Индией и Пакистаном, а также фактор Китая. Индия вынуждена учитывать ядерную угрозу не только со стороны Пакистана, но и Китая.

Изменение миссии НАТО в Афганистане в конце 2014 года создало условия для роста нестабильности в этой стране, что неминуемо скажется на регионе Южной Азии. В случае развития ситуации по худшему сценарию, в соответствии с которым режиму в Кабуле не удастся удержать власть даже при помощи ограниченного международного контингента, Пакистан и Индия будут вовлечены в борьбу за афганское будущее (в соответствии с собственным пониманием этого будущего). Такой сценарий может значительно повысить риски терроризма в Южной Азии.

Уже сейчас для региона характерно ухудшение ситуации в области безопасности. Терроризм становится более жестоким и непредсказуемым. В наибольшей степени это коснулось Пакистана и Индии. В результате терактов в Пакистане в 2014 году погибло более 1760 человек, в Индии – более 410. Наибольший резонанс вызвала кровавая бойня, которую в начале декабря члены «Техрик-е Талибан Пакистан» (ТТП) устроили в школе в Пешаваре, главном городе пакистанской провинции Хайбер-Пахтунхва.

Регион Южной Азии испытывает в полной мере последствия изменения климата. В результате наводнения, вызванного муссонными дождями, в Индии к концу сентября погибло около 300 человек, в основном в штатах Ассам и Джамму и Кашмир. В целом в результате наводнения пострадало более 25 тыс. человек в Ассаме и более 200 тыс. человек в Джамму и Кашмире. В Пакистане наводнения в связи с муссонными дождями вызвали гибель более 300 человек, коснулись 1,8 млн человек. Ливневые дожди и оползни стали причиной более 200 смертей в Непале. Более 170 тыс. человек пострадало в этой стране. На Шри-Ланке в результате ливней и оползней погибло почти 70 человек, пострадало более 106 тыс. Наводнения в Бангладеш коснулись 3,2 млн человек. Случаи смертей если и были, то всего несколько. На ближайшую и отдаленную перспективу можно ожидать увеличения количества жителей региона, которые пострадают от природных катаклизмов.

XXI век будет веком Индии?

Широкой известностью пользуется утверждение о том, что Индия – это великая держава XXI века. Действительно, к такому статусу Индия приближается в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Людские, природные, экономические, военные ресурсы дают Индии все основания для ее превращения в важный геополитический фактор. Своеобразным «манифестом» новой Индии является статья Раджи Мохана «Индия и политическое равновесие» в журнале *Foreign Affairs* в 2006 году, которая начинается со слов: «После нескольких десятилетий обманутых ожиданий Индия сегодня стоит на пороге превращения

в великую державу». Автор считает, что успех и сроки реализации этой возможности зависят от готовности западных стран сотрудничать с Индией на ее условиях.

Очевидно, что главное условие индийского успеха, названное Раджей Моханом, выполняется. Для многих государств становится приоритетом развитие связей с Индией. У ряда стран с Индией установились стратегические отношения. Помимо России, традиционного партнера Индии, к таким странам относятся Израиль, США и Франция и др.

Однако современное положение Индии, ее внешняя и оборонная политика вызывают не только ожидания, но и сомнения. Так ли прочна и эффективна индийская модель роста в долгосрочной перспективе? Готова ли Индия к желанной роли мировой державы? Какую политику стоит ждать от нее другим государствам, ее партнерам и прежде всего России – ее «естественному союзнику»?

Социально-экономическое развитие Индии

Необходимо помнить, что дважды за историю независимой Индии ее экономика оказывалась в глубоком кризисе – в 1967 и 1991 годах. Ответом на каждый из кризисов была девальвация рупии и частичное открытие экономики. Наиболее серьезные реформы были проведены после кризиса 1991 года, поставившего Индию на грань банкротства. Благодаря этим реформам Индии удалось добиться среднего роста около 6 % ВВП в 1990–2000 годы (в первом десятилетии XXI века среднегодовой рост составил около 8 %). Высокий экономический рост – главное средство от бедности (около трети населения страны живут меньше чем на доллар в день).

В последние годы это «средство от бедности» становилось менее эффективным ввиду замедления темпов роста ВВП: 7,9 % (2004), 9,3 % (2005), 9,3 % (2006), 9,8 % (2007), 3,9 % (2008), 8,5 % (2009), 10,5 % (2010), 6,3 % (2011), 3,2 % (2012). Изменения показателей экономического роста были обусловлены не только мировым кризисом 2008 года, но и внутренними причинами. Исчерпан потенциал роста, заложенный в сфере услуг, включая информационные технологии (один из главных двигателей роста ВВП). Дальнейшему росту экономики мешает неспособность властей стимулировать развитие промышленности, для чего необходимы реформы трудового и земельного законодательства. Провести такую реформу в рамках предыдущего коалиционного правительства и при наличии сильных оппонентов в парламенте и штатах было крайне непросто. Сегодня, когда партия БДП контролирует центральные и многие штатовские парламенты, это кажется более реальным.

Вместе с тем замедление роста не означает, что Индия приближается к краю пропасти экономического кризиса или социального взрыва. Консервативная банковская и финансовая системы сохраняют устойчивость. В обществе существует ряд механизмов снижения напряженности, включая внутреннюю и внешнюю миграцию (согласно опросам Центра Гэллопа в 2013 году, 10 млн индийцев заявляли о желании жить в США).

Одним из таких механизмов стали выборы, во время которых в 2013–2014 годах Индийский Национальный Конгресс (ИНК) потерпел поражение в пользу БДП. Последняя получила простое большинство в парламенте и сформировала однопартийное правительство, а также получила контроль над рядом ключевых штатов. Победа БДП и ее лидера Нарендры Моди дала позитивный сигнал экономике.

Внешняя политика Индии до 2020 года

Вопрос о готовности Индии к роли мировой державы во многом связан со стратегическими целями Индии и способами их достижения. Цели индийской политики распределены между тремя приоритетами: среди своих непосредственных соседей Индия добивается первенства и возможности предотвращать вмешательство со стороны третьих стран. В отношениях с государствами расширенного соседства и всей акватории Индийского

океана Индия стремится уравнивать влияние других государств и не допускать ущемления своих интересов. В глобальном масштабе Индия стремится к статусу великой державы.

Внешнеполитический опыт независимой Индии свидетельствует о ее балансировании между *Moralpolitik* и *Realpolitik*, обеспечивающем сохранение независимости и максимально возможную свободу рук. Порой это осложняет сотрудничество с Индией даже для такого «естественного партнера», как Россия, а в будущем может привести и к ограничению индийско-российского сотрудничества, если в Дели вдруг посчитают, что ценность России как партнера снизилась. Подобного отношения от Индии следует ждать и другим государствам, развивающим с ней стратегические отношения. Такая политика Индии не позволяет строить долгосрочные планы сотрудничества с ней – слишком много факторов со стороны Индии могут помешать реализации этих планов.

В ближайшие 10–15 лет отношения с США останутся главным приоритетом. Как из-за укорененного страха перед китайской угрозой, так и потому, что США, особенно в период президентства Джорджа Буша-мл., существенно помогли обретению Индией статуса ядерной державы и получению ядерных технологий и материалов.

Однако в интересах Индии и США есть принципиальные несоответствия. США заинтересованы в экономической открытости Индии, к чему она не готова. Индийская валюта остается неконвертируемой. В ряде областей, например в страховании, есть ограничения на иностранные инвестиции.

Индия также настороженно смотрит на близкие отношения США с Пакистаном. Несмотря на острые кризисы, сотрудничество между ними продолжается, в том числе в чувствительных областях.

Наконец, Индия не хочет быть частью американской стратегии сдерживания Китая, опасаясь в случае военного кризиса оказаться целью для последнего. При этом США не скрывают, что для них рост Индии как центра силы – гарантия ограничения китайского доминирования в Азии.

Индия также не готова полностью поддерживать политику США в отношении Ирана. Нью-Дели привык к равным условиям в отношениях с Россией, и его не устраивает предлагаемый США статус младшего партнера.

Пристальное внимание Вашингтона к Индии обусловлено необходимостью поддержания баланса сил в регионе перед лицом усиления Китая, а также острыми проблемами в Афганистане и Иране, где взвешенная и конструктивная позиция Индии может внести ценный вклад в стабилизацию ситуации.

Для прорыва в отношениях с Индией некоторые эксперты предлагают срочный комплекс мер – от оптимизации принятия решений за счет реструктуризации головных ведомств (госдепартамента, Пентагона и пр. – это и будет первым индикатором реализации США стратегии на новое стратегическое партнерство с Индией) до оказания помощи в реализации реформ, расширения связей бизнеса и между военными, поддержки членства Индии в СБ ООН. Для преодоления дефицита доверия со стороны Индии Бараку Обаме предлагается оказывать помощь в укреплении обороны страны, срочно инициировать широкомасштабное и глубокое военно-техническое сотрудничество, в т. ч. в сфере передовых военных технологий. В Вашингтоне также осознают недовольство Индии позицией младшего партнера и предлагают приложить особые политические усилия, чтобы изменить дискурс отношений с Индией на равноправный.

Перспективы военно-технического сотрудничества станут в ближайшие годы одной из тем, в которых отразится наличие или отсутствие прогресса в индийско-американских отношениях в ближайшие годы. При первом взгляде перед Дели и Вашингтоном стоит задача продления «Нового рамочного соглашения об отношениях в области обороны», которое было подписано в 2005 году министрами обороны Пранабом Мукхерджи (ныне президент Индии) и Дональдом Рамсфельдом. Соглашение 2005 года, в свою очередь,

пришло на замену «Согласованному протоколу по отношениям между США и Индией в области обороны», подписанному сторонами в 1995 году. На самом деле сегодня правительство Моди попытается обеспечить с помощью нового соглашения в области обороны доступ к американским технологиям. Если это соглашение удастся подписать в 2015 году, по сравнению с соглашением 2005 года, подразумевавшим лишь торговлю оружием, это стало бы большим шагом вперед.

Для индийско-китайских отношений 2014 год оказался неоднозначным. С одной стороны, между Индией и Китаем состоялся обмен успешными визитами, кульминацией которого стал приезд в Индию председателя Си Цзиньпина. В совместном заявлении, подписанном Нарендрой Моди и Си Цзиньпином 19 сентября, наравне с политическими, экономическими и культурными вопросами оговорены проблемы безопасности, включая пограничные споры. С другой стороны, успехи на дипломатическом поприще были омрачены трехнедельным противостоянием вооруженных сил Индии и Китая в районе индийского пограничного пункта Чумар (область Лех). Масло в огонь подлило обращение Си Цзиньпина к командирам Народно-освободительной армии Китая, сделанное им 22 сентября. Председатель призвал армию быть готовой победить в региональной войне в эпоху информационных технологий. 26–27 сентября стороны отвели войска на позиции, которые они занимали до 1 сентября, и таким образом восстановили статус-кво на спорном участке индийско-китайской границы.

Не вдаваясь в детали индийско-китайских отношений, необходимо подчеркнуть две особенности. Во-первых, в долгосрочной перспективе для Индии Китай остается ключевым торговым партнером. В 2013–2014 годы торговый баланс между этими странами составил 65,9 млрд долларов (1-е место). Российско-индийская торговля явно отстает от этих показателей со своими 6,0 млрд долларов в том же финансовом периоде (34-е место). Визит Си Цзиньпина показал, что Индия и Китай намерены не только остановить снижение показателей товарооборота, который наблюдается в течение последних двух лет, но и придать сильный импульс торгово-экономическим связям между двумя странами.

Во-вторых, развитие политических и экономических связей между Дели и Пекином не исключает острых кризисов в области безопасности. Наиболее вероятны обострения пограничных споров между Индией и Китаем. Но по мере развития военно-морских сил обеих стран можно ожидать конфликтов и в Индийском океане. В 2014 году Индия настороженно отреагировала на визит китайской многоцелевой лодки класса «Song» в Шри-Ланку, который состоялся 7–14 сентября.

Без сомнения, Индия и Китай будут стараться избегать обострения кризисов в области безопасности с тем, чтобы они не помешали развитию взаимовыгодных торгово-экономических связей. Но также не вызывает сомнения и то, что у обеих стран слишком много поводов для беспокойства.

Визит президента Владимира Путина в Индию в декабре 2014 года не принес существенных изменений в развитие российско-индийских отношений. Те документы, которые были подписаны во время визита, питают определенные надежды на будущий прогресс в связях двух стран и вместе с тем дают основания для скептицизма. Половину всех подписанных документов составили меморандумы о взаимопонимании. Несмотря на всю их важность, это лишь документы, свидетельствующие о достижении консенсуса по тем или иным вопросам. Из 16 подписанных документов, упомянутых на сайте российского президента, только один договор и два соглашения.

К этим реальным договоренностям надо добавить соглашения в области атомной энергетики и алмазного рынка. Документы, подписанные между Nuclear Power Corporation of India Limited (NPCIL) и российской Объединенной инжиниринговой компанией АО «НИАЭП» – ЗАО АСЭ – АО «АЭП», позволяют начать практическую работу по строительству третьего и четвертого энергоблоков для АЭС «Куданкулам». Российская компания АЛРОСА подписала 12 долгосрочных соглашений с индийскими компаниями. АЛРОСА намеревается значительно повысить прямые поставки алмазов в Индию,

являющуюся лидером в производстве бриллиантов. В 2014 году прямые поставки в Индию составили 30 % от алмазов, поставленных АЛРОСОЙ компаниям с индийским капиталом на сумму 2,3 млрд долларов, т. е. большая часть российских алмазов шла в Индию через третьи страны. Нашумевшая сделка между «Роснефтью» и Essar о поставках 10 млн тонн в год на период до 10 лет – это пока соглашение об основных условиях будущего контракта. Если он будет подписан, а ничто не предвещает обратного, сумма сделки составит порядка 5 млрд долларов в год. Однако переговоры пока продолжаются, поэтому условия сделки могут еще корректироваться.

В пакете подписанных документов совсем не затронуто военно-техническое сотрудничество, если не считать вышеупомянутый договор и декларативные заявления. Причин несколько. Во-первых, Россия и Индия уже сформировали портфель заказов в области военно-технического сотрудничества до 2020 года. Согласно индийским источникам, его объем составляет порядка 20 млрд долларов. Во-вторых, после всеобщих выборов в этом году новому индийскому правительству не удалось обеспечить полноценное функционирование министерства обороны из-за неспособности его главы исполнять свои обязанности по состоянию здоровья. Эта кадровая ошибка была исправлена спустя пять месяцев после формирования кабинета. А поскольку именно министр обороны является индийским сопредседателем Российско-индийской межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству, в течение пяти месяцев эта комиссия не работала активно. В-третьих, к приезду Владимира Путина в Дели стороны не урегулировали все вопросы, связанные с текущими проектами, прежде всего с многофункциональным истребителем пятого поколения. Однако нет оснований думать, что эти вопросы не будут урегулированы в ближайшие месяцы.

В настоящее время отношения между Россией и Индией достигли пика в своем развитии. Складывается ощущение, что после этого Россия и Индия могут начать медленное движение вниз. На эту возможность указывает тот факт, что по сравнению с предыдущими российско-индийскими саммитами насыщенность последних нескольких саммитов все меньше. Ослабление связей между Россией и Индией, которое может растянуться на годы, поначалу может быть малозаметным для стороннего наблюдателя. Причин у такого развития российско-индийских отношений может быть предостаточно.

Во-первых, в российско-индийских отношениях появляется все больше инерции и все меньше – новаций. Нынешний визит показал, что Москва и Дели сконцентрировали основное внимание на нескольких направлениях – военно-техническое сотрудничество, мирный атом, углеводороды, космос, а теперь и алмазы. Внимание другим направлениям уделяется мало, а ведь именно на них легче добиться прорывов. Даже на названных направлениях существует множество возможностей, которые все еще остаются нереализованными.

Во-вторых, коммуникация по многочисленным каналам между Москвой и Дели начинает давать сбои. Российские власти так и не смогли развеять индийские опасения, вызванные в 2014 году высказыванием главы госкорпорации «Ростех» Сергея Чемезова о якобы снятии эмбарго на поставку оружия в Пакистан, а затем и визитом министра обороны Сергея Шойгу в Исламабад.

Ядерное противостояние Индии и Пакистана до 2020 года

Кризис режима нераспространения, ставший одной из острых проблем международной безопасности начала XXI века, в полной мере проявляется и в Южной Азии. Наряду с северокорейской и иранской ядерными и ракетными программами, которые на протяжении многих лет расшатывают режим нераспространения, большую озабоченность мирового сообщества вызывает ракетно-ядерное противостояние Индии и Пакистана.

Положение усугубляется целым комплексом сопутствующих проблем, которые подхлестывают эту гонку. **Глеющий территориальный конфликт вокруг Кашмира,**

не раз являвшийся причиной вооруженных столкновений Индии и Пакистана, может в будущем привести к обмену ядерными ударами. Вероятность вооруженного столкновения усугубляется в данном регионе проблемой терроризма, которая способна в любой момент спровоцировать межгосударственный военный конфликт. К этому добавляются религиозные противоречия и внутривнутриполитическая нестабильность в Пакистане, которая может обостриться после вывода международного контингента из Афганистана в 2014 году.

Все это обуславливает недостаточный уровень взаимодействия двух государств по снижению «ядерных рисков» и фактическое отсутствие какой-либо значимой системы договорных отношений в данной области. Дело усугубляется проблемами, связанными с начальным этапом становления ядерных потенциалов Индии и Пакистана. Для них характерны уязвимость ядерных средств в местах базирования, недостаточная эффективность систем управления и предупреждения о нападении, текучесть официальных ядерных доктрин в национальной военной стратегии, особенно в части условий и способов применения ядерного оружия (ЯО).

Индия и Пакистан не имеют официальных ядерных доктрин, но общее представление о роли ядерных сил этих стран можно получить из различных официальных заявлений и документов. В соответствии с решением правительственного Комитета по укреплению мер безопасности от 4 января 2003 года, ядерная доктрина Индии состоит в следующем: создание и поддержание надежного минимального сдерживания, отказ от нанесения ядерного удара первыми, ответ на первый удар будет массированным и рассчитанным на нанесение неприемлемого ущерба.

Согласно заявлению пакистанского премьер-министра Наваза Шарифа от 20 мая 1999 года: «Основными элементами ядерной политики Пакистана являются сдержанность, стабильность и надежное минимальное ядерное сдерживание». При этом Пакистан не исключает применения ЯО в ответ на масштабное нападение с использованием сил общего назначения, по которым у Индии большое преимущество. В данном аспекте позиция Исламабада, по сути, не отличается от официальных доктрин всех остальных ядерных государств, за исключением Индии и КНР.

Для Индии ядерный статус – это символ фактической принадлежности к державам не только с региональными, но и глобальными интересами и амбициями, которые можно отстаивать в двусторонних и многосторонних форматах, прежде всего в рамках ООН.

В военном смысле ядерный статус Индии нацелен на сдерживание своего главного стратегического противника, которым является не Пакистан, а Китай. В отношении Пакистана военное значение элементов индийской ядерной доктрины, несмотря на их недостаточную ясность, по сути, сводится к способности нанести Пакистану неприемлемый ущерб ответным ядерным ударом.

Пакистан свой ядерный статус в международном контексте ассоциирует с лидерством в исламском мире, поскольку он является единственным мусульманским государством, обладающим ракетно-ядерным оружием. Кроме того, он остается потенциальным донором ракетных и ядерных технологий для других исламских государств.

Трудно представить, что пакистанская военно-политическая элита мыслит категориями упреждающего разоружающего ядерного удара по Индии. Однако, исходя из специфики соотношения сил и тенденций модернизации ядерных вооружений сторон, можно допустить, что Пакистан готовится использовать ЯО первым для ударов по индийским силам общего назначения. В случае ответного массированного ядерного удара Индии планируется причинить ей неприемлемый ущерб ядерным ударом по крупным городам-мегаполисам. В этом военный смысл пакистанского ядерного статуса.

Для отношений Индии и Пакистана характерен относительно невысокий (по сравнению с традиционными ядерными державами) уровень развития «ядерной культуры». В отсутствие индийско-пакистанских мер доверия, касающихся оснащения ракет ядерными или обычными головными частями, запуск одной из сторон ракеты с обычной боеголовкой,

например, может ошибочно быть определен как ядерная атака и вызвать ответный ядерный удар другой стороны.

Между Индией и Пакистаном нет соглашений в области контроля над вооружениями, что объясняется следующими причинами. Во-первых, Индия и Пакистан наращивают и модернизируют свои ядерные силы в расчете на достижение превосходства друг над другом и не желают связывать себе руки соглашениями об их ограничении.

Во-вторых, Индия пока не признает Пакистан равным себе государством и не желает легализовать какое-либо равенство с ним через соглашения об ограничении вооружений, которые по определению могут быть только равноправными. Подобное отношение демонстрирует также Китай к Индии.

В-третьих, ядерные силы Индии направлены не только на Пакистан, но и на КНР, а равные с Пакистаном ограничения могут ослабить позиции Дели в военном балансе с Пекином. В-четвертых, Пакистан стремится к преимуществам по ядерным средствам, чтобы компенсировать большое отставание от Индии по силам общего назначения. В-пятых, Индия не хочет обмениваться с Пакистаном в контексте соглашений даже общей информацией о составе и структуре своих ядерных сил, чтобы эта информация не была передана второму вероятному индийскому противнику – Китаю. Наконец, Индия и Пакистан декларируют приверженность минимальному ядерному сдерживанию, но не хотят закреплять эти позиции юридически обязывающим образом, опасаясь обмана или обхода ограничений со стороны контрагента.

Перспективы экономической динамики в Пакистане

Последние десятилетия Пакистан является одним из тех государств, которые вызывают серьезную озабоченность мирового сообщества. Нестабильная политическая и экономическая система, проблемы безопасности, в прошлом нарушения режима ядерного нераспространения, сложные отношения с соседними государствами, рост религиозного экстремизма – все это характеризует современное состояние государства. Любая из этих проблем негативно сказывается на ситуации в регионе, что вполне естественно, если принять во внимание географическое и политическое положение Пакистана.

Пакистан не является крупной региональной державой, как Индия. В отличие от Ирана он не обладает богатыми энергоресурсами. Его «природное богатство» – выгодное геостратегическое положение, которое обеспечивает ему роль соединительного звена различных районов Азии, выхода государств Центральной Азии к океану.

Но для превращения этого необходимого условия в достаточное требуется создание в Пакистане разветвленной инфраструктуры, густой сети магистралей и соединительных транспортных звеньев, проведение нефте- и газопроводов. Это превратило бы Пакистан в важный элемент сотрудничества и развития региона, придало ему какие-то донорские возможности. Ясно, что решение столь масштабных задач требует много времени и больших затрат. Пока в этом направлении мало что сделано.

Практически единственным достижением Пакистана можно считать то, что после длительных переговоров достигнуто соглашение о строительстве газопровода Иран – Пакистан – Индия (с возможным выходом его в западный Китай). Большие выгоды от проекта получит сам Пакистан, остро нуждающийся в энергоресурсах; несомненно, произойдет дальнейшее развитие пакистано-иранских отношений; хоть в чем-то станет зависеть от своего соседа Индия. Разумеется, этот газопровод, особенно в случае его доведения до КНР, существенно укрепит позиции Пакистана. Но до этого довольно далеко.

Для извлечения выгоды из геостратегического положения крайне важно полноценное участие Пакистана в укреплении безопасности в регионе и борьбе с терроризмом. До последнего времени эта деятельность была в целом успешной. Также большую роль играла идеологическая борьба Пакистана против религиозного экстремизма и терроризма, которые были официально объявлены несовместимыми с истинным исламом.

Политическое будущее Пакистана связано не только с ситуацией в самой стране, но и с положением дел в Афганистане и действиями антитеррористической коалиции под эгидой США. Важную роль может сыграть изменение климата, приводящее к стихийным бедствиям и изменениям погодных условий.

Можно лишь сказать, что перспективы государства остаются туманными. Вооруженные силы будут приходить на помощь политическому руководству, но вряд ли будут брать власть в свои руки. Видимо, прошло время прямого участия военных в прямом управлении страной (к тому же новый военный переворот сулит мало выгод военным). Есть опасения развала страны по этнонациональному признаку, однако это вряд ли произойдет. Это не в интересах ни населения Пакистана, ни соседних государств, ни мирового сообщества в целом. До 2020 года вполне возможно сохранение довольно слабого политического режима при усилении влияния военных, религиозных и региональных сил.

Внешняя политика Пакистана

Помимо традиционного партнерства с США и странами Персидского залива, которое вряд ли в обозримом будущем испытает серьезные изменения, Пакистан уделяет особое внимание отношениям с Китаем, Афганистаном и Россией.

Отношение Пакистана к Китаю определяется их глубокими военными и торгово-экономическими связями. В военной области Пакистан является главным потребителем китайской военной продукции, получая около 55 % экспортируемых вооружений и военной техники из Китая. В 1978–2008 годы Китай продал Пакистану оружия на сумму около 7 млрд долларов, в 2008–2012 годы – на сумму около 3,5 млрд долларов. Существуют косвенные свидетельства о сотрудничестве Пакистана и Китая в области ракетно-ядерного оружия. В 2004–2011 годах Китай и Пакистан провели четыре раунда военных учений «Youyi» («Дружба»).

В области торгово-экономических связей, согласно данным Государственного банка Пакистана, в 2011/12 финансовом году Китай оказал помощь Пакистану на 249,5 млн долларов, заняв таким образом второе место после США. В том же году Китай стал главным государством-кредитором Пакистана, оказав ему помощь на 1,9 млрд долларов. В 2012/13 финансовом году объем двусторонней торговли составил 12 млрд долларов. Государства намереваются увеличить его до 20 млрд долларов ежегодно.

Важное значение для развития региона имеет переход контроля над пакистанским портом Гвадар к Китаю в 2013 году. В том же году Исламабад и Пекин подписали ряд соглашений о развитии транспортного коридора из Пакистана в Китай, которые подразумевают строительство нефте- и газопроводов, железнодорожных и автомобильных путей, прокладку оптоволоконных кабелей и т. д. При этом более 80 % расходов Китай возьмет на себя.

Официальный Исламабад признает высокий уровень доверия, сложившийся в китайско-пакистанских отношениях. Представители законодательной, исполнительной ветвей власти, военных кругов, научно-образовательных институтов и аналитических центров повторяют характеристику о «всепогодности» отношений между Исламабадом и Пекином.

Однако на неофициальном уровне признаются и сложности, характерные для китайско-пакистанских отношений. Представители предпринимательских кругов в частных беседах указывают на то, что ведение дел китайскими компаниями в Пакистане является одной из причин разгула коррупции. Кроме того, по их словам, Китай предпочитает использовать двустороннее сотрудничество для максимально возможного трудоустройства своих граждан, не желая привлекать пакистанские кадры.

В торгово-экономической и военной областях было бы неправильно говорить о полной зависимости Пакистана от Китая. В число главных доноров и кредиторов этой страны также входят ЕС, США и Япония.

Высокий уровень доверия между Китаем и Пакистаном не позволяет получить ясное представление о реакции Исламабада на вероятную эскалацию напряженности в отношениях между Пекином и Нью-Дели или Пекином и США. Поскольку Пакистан ощущает собственную уязвимость перед вооруженными силами как Индии, так и США, он, очевидно, будет пытаться избегать вовлечения в вероятные конфликты Китая с этими странами. То же относится и к Японии, которая оказывает значительную финансовую помощь Пакистану. Официально признавая поддержку Пекину в вопросах Тайваня и Тибета, Исламабад избегает озвучивать свою позицию по территориям, оспариваемым Китаем и Японией.

Политику Пакистана на афганском направлении характеризуют следующие цели:

- снижение террористической угрозы для мирных граждан, государственных служащих, сотрудников силовых ведомств;
- нормализация ситуации в приграничных районах, которая позволила бы, сократив там численность военной группировки, вернуть военных на места их постоянной дислокации;
- улучшение ситуации в Афганистане настолько, чтобы в эту страну смогли вернуться беженцы;
- ликвидация в экономике негативных последствий влияния «афганской проблемы».

Стабилизация ситуации в Афганистане представляется в Пакистане осуществимой только при его непосредственном участии в этом процессе и включении в него так называемых умеренных талибов. При Бараке Обаме Пакистан ощущает, что его участие в афганских делах ограничивается.

Пакистан, страдающий от негативных последствий афганской проблемы, заинтересован в снижении террористической угрозы, в нормализации ситуации в приграничных с Афганистаном районах, возвращении беженцев в эту страну. С этой точки зрения Исламабад мог бы играть исключительно конструктивную роль в решении афганской проблемы.

Однако интересы Пакистана, связанные с пуштунским вопросом, стремлением к стратегической глубине, опасениями относительно афганско-индийских связей, обуславливают противоречивость его действий на афганском направлении.

Избавление от этой противоречивости зависит от самого Пакистана. Однако повышение транспарентности в планах и действиях всех стран, имеющих отношение к афганской проблеме, включая Индию, без сомнения, позитивно скажется на позиции Пакистана.

Для сотрудничества с Россией в Пакистане сложились определенные условия. Во-первых, в связи с объективным снижением внимания США к этой стране Пакистан, опасаясь попадания в большую зависимость от «всепогодного друга» Китая, нуждается в России как эффективном балансире. Во-вторых, Исламабад проявляет явный интерес к российским вооружениям. В-третьих, пакистанские вооруженные силы уже имеют опыт эксплуатации военных технологий советского и российского происхождения, которые попали к ним либо в рамках редких контрактов с Россией (например, военно-транспортные вертолеты), либо через третьи страны, включая Белоруссию, Украину и Китай.

Отношения между Россией и Пакистаном развиваются успешно. В ноябре 2014 года Пакистан посетил министр обороны Сергей Шойгу. Во время визита министры обороны России и Пакистана подписали рамочное соглашение, которое призвано заложить правовую основу для развития военного и военно-технического сотрудничества между сторонами. Во время визита были определены основные направления развития военного сотрудничества России и Пакистана: координация усилий по противодействию международному терроризму и наркоторговле, участие в военных учениях в статусе наблюдателей, подготовка военных кадров и обмен опытом в областях миротворчества, борьбы с терроризмом и пиратством.

В сочетании с принятым российскими властями решением пересмотреть запрет на продажу вооружения и военной техники в Пакистан, а также проведенными двумя раундами военно-морских учений (в марте и октябре 2014 года) этот визит свидетельствует о быстром развитии российско-пакистанских отношений, в том числе в области обороны.

Какими бы ни были перспективы военно-технического сотрудничества с Пакистаном, для России приоритетной останется кооперация с Индией. Это объясняется и характером отношений между Москвой и Дели, и масштабами сотрудничества.

Нет сомнения, Россия стремится и дальше углублять стратегическое партнерство с Индией и развивать отношения с Пакистаном. Однако эти попытки могут наталкиваться на растущее недоверие в Дели и Исламабаде, если Москва будет хранить молчание по острым проблемам, существующим в Южной Азии. И наоборот, своевременное и всеохватывающее информирование политических, общественных, военных и экономических кругов Индии и Пакистана о российской позиции по региональным проблемам, включая индо-пакистанские противоречия, поможет Москве укрепить доверие и с Дели, и с Исламабадом.

Приоритеты политики России в Южной Азии

Как минимум на десятилетнюю перспективу Южноазиатский регион послужит источником угроз для безопасности России (политическая нестабильность, межгосударственные конфликты, угрозы распространения терроризма и наркотиков). Отвечая на данные угрозы, Россия намерена развивать двусторонние отношения с южноазиатскими странами и активно участвовать в различных многосторонних политических форматах. Южная Азия воспринимается также как регион, в котором происходят интеграционные процессы, представляющие интерес для России и ее экономики (главным локомотивом роста в Южной Азии выступает Индия). Россия имеет ясные приоритеты в Южной Азии: Индия – привилегированный стратегический партнер; Афганистан – близкий сосед; Пакистан – ведущая региональная держава, чье место в российской внешней политике подобно месту Турции, Египта, Алжира, Ирана, Саудовской Аравии и т. д.

Подготовка к парированию региональных угроз безопасности военными средствами планируется на трех направлениях. Россия намерена обеспечить адекватное присутствие вооруженных сил на своей территории на южном направлении. Военно-морские силы России будут присутствовать в Индийском океане на периодической основе. Россия также выделит воинские контингенты в состав Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ (КСОР) в целях оперативного реагирования на военные угрозы государствам – членам ОДКБ с южного направления.

Глава 8

Северо-Восточная Азия. Обострение региональной конкуренции

Мамонов Михаил Викторович – китаист, ведущий аналитик и директор по развитию агентства «Внешняя политика». В 2005–2014 гг. занимал различные должности в ряде государственных органов Российской Федерации. Автор публикаций, посвященных внешнеполитической стратегии КНР, ее отношениям с государствами Восточной Азии и с США.

В 2014 году Китай продолжил свое превращение в «нормальную» великую державу, позволяя себе на международной арене все чаще отходить от провозглашенной Дэн Сяопином политики «сокрытия своих возможностей и выигрыша времени». Неотступное следование этой политике было непреложным правилом третьего и четвертого поколения руководителей КНР. Наблюдаемая трансформация явно имеет комплексную природу и проявляется в экономической, внутренней и внешней политике Пекина.

По данным МВФ, в 2014 году ВВП КНР достиг 17,6 трлн долларов, превысив ВВП США, составивший 17,4 трлн долларов, Китай, таким образом, был назван самым крупным государством планеты по размерам экономики. Официальный Пекин холодно отнесся

к новости о своем превращении в «первую экономику мира». По всей видимости, связано это с тем, что именно в 2014 году Си Цзиньпин озвучил начало этапа «новой нормы» (*синь чантай*) экономической политики КНР – концепции, призванной подготовить рынки, чиновников и общество к новой экономической парадигме, в которой значимость качества развития, структурных реформ и рабочей силы ставится выше значимости арифметического роста ВВП. Доказательством того, что у макроэкономической политики Пекина появились новые ориентиры, стали материалы с разъяснением значения «новой нормы» для развития китайской экономики, опубликованные в весьма сжатые сроки ведущим партийным рупором – газетой «Жэньминь жибао»¹⁵. Оценивая замедление роста китайской экономики до 7,4–7,5 % (в 2013 году эта цифра составляла 7,7 %), газета отмечает: «Можно ли продолжать поддерживать столь высокие [как в 2000-е годы. – Прим. ред.] темпы роста? Следует сказать: это недостижимо, этого не вынесет государство, в этом нет необходимости... Для достижения поставленных 18-м съездом КПК задач к 2020 году добиться полного строительства среднезажиточного общества (*сяокан*) и удвоения ВВП по сравнению с 2010 годом ежегодный экономический рост на уровне примерно 7,5 % является достаточным». Редакторы «Жэньминь жибао» также призвали читателей «полностью излечиться от «комплексов скорости».

В последние годы Пекин последовательно осуществляет переход к ресурсосберегающей модели экономики, ограничивая развитие ресурсоемкой промышленности и повышая предприятиям цену на использование энергоресурсов. В принятом правительством КНР в марте 2011 года 12-м пятилетнем плане значительное внимание уделяется вопросам энергетики и изменения климата, в нем также поставлены достаточно амбициозные задачи по сокращению энергоемкости производства – на 16 %, увеличению использования неископаемых энергоресурсов – на 11,4 %, сокращению углеродоемкости экономики – на 17 %¹⁶. Все указанные индикаторы должны быть достигнуты в 2015 году – и это приведет к структурным изменениям в экономике КНР. Еще с 2010 года все возрастающее внимание государства уделяется развитию так называемых стратегических развивающихся отраслей промышленности (*чжаньлюэсин синьсин чанье*) – различных передовых наукоемких отраслей (информационные технологии нового поколения, энергосберегающие технологии, биотехнологии, высокоточное производство, производство новых материалов и «чистой энергии» и т. д.), призванных постепенно заменить «старые» стратегические отрасли (оборонная промышленность, авиа- и судостроение, телекоммуникации и энергетическое машиностроение). Все эти цели также были отражены в 12-м пятилетнем плане, поэтому 2015 год может оказаться для экономики КНР во многом рубежным.

Изменяется и структура экономически активного населения Китая – ключевыми показателями здесь являются рост среднего класса и ускоренная урбанизация. По различным оценкам, на сегодняшний день средний класс в КНР (городские хозяйства с годовым уровнем дохода от 9000 до 16 000 долларов США) составляет от 55 до 65 % от общего числа городских жителей и от 12 до 17 % от общего населения. К 2020 году эта цифра может

¹⁵ Цзинци синши шаньяо синь ляндянь [Главные элементы возникшей экономической ситуации] // Жэньминь жибао. 5 августа 2014. <http://finance.people.com.cn/n/2014/0805/c1004-25401699.html>; Цзинци юньсин чэнсянь синь гэжжэн [Экономическая ситуация проявляет новые особенности] // Жэньминь жибао. 6 августа 2014. <http://finance.people.com.cn/n/2014/0806/c1004-25410887.html>; Цзинци фачжань майжу синь цзедуань [Экономическое развитие входит в новую стадию] // Жэньминь жибао. 7 августа 2014. <http://finance.people.com.cn/n/2014/0807/c1004-25422620.html>

¹⁶ Гоминь цзинци хэ шэжуэй фачжань ди шиэргэ унянь гуйхуа ганьяо (цюань вэнь) [Полный текст 12-й пятилетней программы развития национальной экономики и общества] // Правительство Китая. http://www.gov.cn/2011lh/content_1825838_7.htm

вырасти до 30–35 %¹⁷. Доля городских жителей в Китае на сегодняшний день составляет 53,7 % и, по данным Всемирного банка, возростала с 2010 года на 1 % ежегодно. Рост потребления и спроса на качественные товары, с одной стороны, и сокращение числа сельских жителей – с другой, уже привели к тому, что в 2012 году Китай впервые оказался крупнейшим в мире нетто-импортером сельскохозяйственной продукции, обогнав Соединенные Штаты Америки. Таким образом, пищевая безопасность становится для КНР как минимум таким же приоритетом, как и энергетическая, что неизбежно скажется и уже сказывается на географической структуре ее внешнеэкономических и внешнеполитических интересов.

Важнейшим последствием стремительного роста среднего класса и его уровня доходов в Китае становится потеря страной конкурентных преимуществ рынка дешевой рабочей силы – и постепенная утрата Китаем статуса «мастерской мира». К этому, впрочем, подталкивают не только объективные причины. Пекин осознанно стремится превратиться из «мастерской мира» в его новую Силиконовую долину и более не заинтересован быть просто полигоном для сборки зарубежной наукоемкой продукции. **Это создает новую реальность для экономической политики Китая – привлечение иностранных компаний и инвестиций в страну и создание режима наибольшего благоприятствования для зарубежных предприятий перестает быть для Пекина максимумом.** Зарубежные производители уже почувствовали на себе новые подходы официальных властей КНР: 12 японских компаний-производителей автозапчастей были оштрафованы летом 2014 года на 200 млн долларов по обвинениям в картельном сговоре, в сентябре британский фармацевтический гигант «ГлаксоСмитКляйн» был оштрафован на 490 млн долларов, а глава представительства – выслан в Великобританию за попытку подкупа китайских врачей с целью расширения сбыта своих медицинских препаратов. Антимонопольное расследование начато в отношении компании «Майкрософт». **Тенденция к отказу от преференций для зарубежных инвесторов/компаний с одновременным созданием более выгодных условий на местном рынке для национальных инвесторов и производителей является еще одним доказательством превращения КНР в «нормальную» великую державу, делающую ставку на развитие собственной наукоемкой экономики, а переход экономической политики от «парадигмы роста» к «парадигме развития» становится новой отличительной чертой национальной стратегии Китая.** Вероятно, в ближайшие годы следует ожидать роста конкуренции наукоемкой продукции Китая с европейской и американской на рынках условного «Запада».

Не менее значимые изменения происходили и во внутривнутриполитической жизни Китая. Они были связаны с осуществленным Си Цзиньпином переходом от коллективной модели управления к лидерской, целенаправленными попытками сформулировать национальную идею и укреплением руководящей роли и морального авторитета КПК с повышением эффективности партийных управленческих механизмов.

Си Цзиньпин занял пост председателя Китайской Народной Республики в достаточно непростой для политической жизни страны момент: Компартия Китая, несмотря на все усилия его предшественников, теряла поддержку общества и погрязла в коррупционных скандалах и межфракционной борьбе, а Соединенные Штаты активно приступили к реализации стратегии «возвращения в Азию», создавая с точки зрения Пекина предпосылки для возобновления его сдерживания. Отчасти ситуация в Китае напоминала начало 1990-х годов, когда в обществе проявились так называемые три духовных кризиса (*сань синь вэйцзи*) – кризис веры в социализм, кризис веры в будущее страны и кризис веры в КПК. С первых дней своего нахождения у власти Си Цзиньпин начал консолидацию своей

17 China and India: tomorrow's middle classes // Ernst & Young.
[http://www.ey.com/GL/en/Issues/Driving-growth/Middle-class-growth-in-emerging-markets – China-and-India-tomorrow-s-middle-classes](http://www.ey.com/GL/en/Issues/Driving-growth/Middle-class-growth-in-emerging-markets-China-and-India-tomorrow-s-middle-classes)

власти, пожалуй, впервые в истории КНР отказавшись от модели коллективного управления государством. Он реанимировал и создал целый ряд так называемых малых руководящих групп (*линдяо сяоцзу*), координирующих выработку стратегии в самых различных областях, и лично возглавил многие из них (прежде эта работа поручалась преимущественно премьеру и вице-преьерам Госсовета КНР): по всеобъемлющему углублению реформ, по международным делам, по военной реформе, по делам Тайваня, по информатизации и безопасности. Личное руководство этими группами не только позволяет Си Цзиньпину обеспечивать эффективный контроль за проводимыми преобразованиями, но и добиваться ускорения темпов их реализации. Одновременно с этим председатель Си инициировал масштабную антикоррупционную кампанию, целью которой стали дальнейшее укрепление его позиций как лидера нации, преодоление внутривластной «раздробленности», удовлетворение общественного запроса на борьбу со злоупотреблениями властью имущих и, наконец, эксперимент по практической реализации концепции «верховенства закона».

В рамках беспрецедентных антикоррупционных действий 2013 и 2014 годов были арестованы секретарь городского комитета КПК г. Чунцин Бо Силай, глава комиссии по контролю над госактивами КНР, бывший руководитель энергетического гиганта – Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC) Цзян Цземин и бывший постоянный член Политбюро, курировавший нефтяную отрасль, влиятельный партийный деятель Чжоу Юнкан, а также сотни других партийных чиновников, руководителей госкомпаний, силовиков. Безусловно, арест столь видных политических фигур (а Бо Силай, как и Си Цзиньпин, снискал себе славу беспощадного борца с коррупцией и считался восходящей звездой политического небосвода) был бы, как справедливо отмечают эксперты, невозможен без широкой поддержки политики председателя Си ведущими представителями китайской элиты, включая прежних руководителей КНР, и стал иллюстрацией готовности китайской нации следовать за новым лидером по амбициозному пути структурных реформ. Стремясь максимально капитализировать арест Чжоу Юнкана и обеспечить общественную поддержку не по-китайски решительным действиям нового лидера, передовица «Жэньминь жибао» отмечала: «Неважно, насколько высок их пост или долга их служба, все партийные кадры должны соблюдать партийную дисциплину и закон»¹⁸. При этом, несмотря на ужесточение партийной дисциплины, Си Цзиньпин не склонен допускать критики партии со стороны общества: за время его нахождения у власти существенно повысилось регулирование государством Интернета, уместно также вспомнить давление, оказанное властями на известных китайских бизнесменов и блоггеров Пан Ши и Чарли Сюэ за их активное обсуждение в Сети чувствительных с точки зрения Компартии тем (таких, как загрязнение окружающей среды, цензура или торговля детьми) – оба теперь предпочитают воздерживаться от слишком резких комментариев.

Си Цзиньпин удивил общественность и наблюдателей тем, что с первых дней своего нахождения у власти стал публично заявлять о значении сильного лидера для успеха нации – что контрастировало с классической схемой разделения ответственности, применявшейся руководством КНР со времен Дэн Сяопина. Так, он неоднократно заявлял о тех качествах, которыми должно быть наделено «первое лицо» (государственного уровня, уровня провинции или города) для того, чтобы добиться успеха (не только деловые качества, но и личное обаяние, умение видеть ситуацию в целом, не вмешиваясь в конкретные вопросы, умение подбирать людей и т. д.). Он также отмечал, что «первое лицо – это ключ» и что «быстро ли едет поезд, зависит от локомотива». В своих поездках и публичных выступлениях Си также ведет себя как харизматичный лидер, отличаясь от более осторожных и закрытых технократов из прошлых поколений руководителей. Новой отличительной чертой китайской политики стало, таким образом, появление сильного

¹⁸ Цунъянь чжидан, цзяньдин буи [Строгое следование установкам правящей партии – неизменное правило] // Жэньминь жибао. 30 июля 2014. С. 1.

лидера, способного в том числе к единоличному принятию решений.

Пожалуй, наиболее ярким проявлением нового типа лидерства стали усилия Си Цзиньпина, направленные на формулирование национальной идеи, которая как служила бы ориентиром национального развития, так и способствовала бы идеологическому перевооружению партии. Он предложил китайскому обществу амбициозную «китайскую мечту» и назвал этапы ее реализации: «Я твердо убежден, что к столетней годовщине основания Компартии Китая (2021 год) неизбежно будет осуществлена задача создания общества средней зажиточности. Ко времени столетия создания КНР (2049 год), несомненно, будет выполнена задача по созданию богатого и могущественного, демократического и цивилизованного, гармоничного и современного социалистического государства. Мечта о великом возрождении китайской нации непременно осуществится»¹⁹. Уже на первом заседании ВСНП нового созыва в марте 2013 года приступивший к выполнению своих обязанностей Генеральный секретаря ЦК КПК Си Цзиньпин более детально изложил свое видение выдвинутой им идеи, перечислив три ее главных компонента – сильное и богатое государство (*гоцзя фуцян*), национальное возрождение (*миньцзу чжэнсин*), народное счастье (*жэньминь синфу*). Идеологическим инструментом реализации «китайской мечты» является сплав национализма (обращение к истории, в частности, к конфуцианскому наследию) и «социализма с китайской спецификой». В этом смысле неслучайны визит Си Цзиньпина в марте 2013 года в Цюйфу на родину Конфуция и тезисы о влиянии, которое наследие Конфуция оказало на китаизацию марксизма. Несомненно, сам термин «китайская мечта» еще недостаточно идеологически обрамлен, но сама потребность в создании универсальной идеологии национального развития, решающей не только инструментальные задачи примирения социалистической теории с рыночной практикой или мира – с идеей неизбежности, но и неопасности дальнейшего возвышения КНР, **говорит о процессе складывания у руководства Китая нового типа мышления элиты «государства-нации», для которой приоритетом является не механистически понимаемый рост национального благосостояния – но осмысленное движение к национальным ориентирам.** Как справедливо отмечает российский исследователь Л. Кондрашева, «никому не запрещается иметь свою мечту, но далеко не каждая мечта может претендовать на звание «великого социального мифа», представляющего интерес для всего человечества. До сих пор такой ореол окружал Американскую мечту и Советскую мечту, олицетворявших два альтернативных варианта общественного развития. Исчезновение Советской мечты на какое-то время сделало США монополистом социального идеала, но ненадолго. У Американской мечты появился новый соперник – Китайская мечта, за которой стоит экономическая мощь и политический авторитет новой великой державы мира – быстро развивающегося Древнего Китая. Новый девиз современного поколения китайского руководства знаменует окончательное преодоление комплекса неполноценности и непреклонную веру в будущее, в возрождение прежнего величия»²⁰. Можно полемизировать с автором по вопросу о том, насколько американская и китайская «мечта» соперничают, но сама тенденция к складыванию новой идеологии как реакции китайского руководства на возникший в обществе запрос на создание собственного уникального проекта общественного развития налицо.

В среднесрочной перспективе можно прогнозировать рост авторитаризма в КНР как ответ на необходимость общественной мобилизации для претворения в жизнь

¹⁹ Си Цзиньпин: чэнцзянь цихоу цзиван кайлай цзисюй чаочжэ Чжунхуа минцзу вэйда фусин мубяо феньюн цянъцзинь [Си Цзиньпин: основываясь на прошлом и готовясь к будущему, мужественно идти к цели великого возрождения [китайской нации] // Синьхуа. 29 ноября 2012. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2012-11/29/c_113852724.htm

²⁰ Кондрашева Л. И. Китайская мечта о национальном возрождении. М.: Институт экономики РАН. 2014. С. 33–34.

«китайской мечты» в условиях стремления растущего среднего класса к либерализации. Эта тенденция затронет все сферы жизни китайского общества – и будет усугубляться фактом появления в КНР сильного лидера, менее склонного к коллегиальной выработке решений. Во внешней политике государства это проявится в том, что Китай будет более решителен в отстаивании своих национальных интересов, а его внешнеполитическая риторика станет гораздо более четкой и не по-китайски недвусмысленной.

Внешиполитические планы КНР до 2020 года

Прямым следствием превращения КНР в великую державу (прежде всего имеется в виду самоощущение элиты и общества) стало формирование у Пекина амбициозной внешнеполитической повестки, а также ее определенное обособление: если прежде внешнеполитические задачи рассматривались как инструмент обеспечения внутреннего развития, то на новом этапе развития внешняя политика стала для Пекина самодостаточным видом политической деятельности. Проявилось это прежде всего в появлении у КНР собственного «глобального проекта», каким является международное лидерство для Соединенных Штатов Америки или евразийская интеграция для России. Так, в сентябре и октябре 2013 года в ходе своих международных визитов в Казахстан и Индонезию Си Цзиньпин озвучил идеи «экономического пояса Великого шелкового пути» (*сычоу чжилу цзиньци дай*) и «морского шелкового пути XXI века» (*21 шицзи хайшан сычоу чжилу*). Инициатива Пекина состоит в создании транспортного коридора, который соединит Тихий океан с Балтийским морем, а также постепенно разовьет разветвленную транспортную сеть на территории Большой Евразии (включая Центральную Азию и Ближний Восток), а также морского пути, который соединил бы Тихий и Индийский океаны, а Китай – с Юго-Восточной, Южной Азией и Персидским заливом, а также с восточным побережьем Африки. **Стратегия «пояса и пути» (и дай и лу) может стать стержнем внешней политики КНР в среднесрочной перспективе.**

Китайские эксперты видят в ней новые возможности для развития региона и говорят о том, что эта инициатива имеет сугубо социально-экономическую природу. Например, исследователь Китайского института международных отношений Ши Цзэ назвал данную стратегию «инновационной моделью сотрудничества», при которой другие государства получают преимущества от развития Китая: «Поскольку мы зависим от внешних источников природных ресурсов, мы выдвинули инициативу, согласно которой Китай будет использовать дивиденды от собственного развития для того, чтобы позволить нашим партнерам использовать наш выигрыш для целей общего развития»²¹. Другой эксперт из авторитетного Китайского института современных международных отношений также ставит во главу угла экономический эффект проекта: «После своей реализации проект «пояса и пути» станет самым протяженным в мире экономическим коридором, обладающим самым большим потенциалом развития. Он свяжет 4,4 миллиарда человек, проживающих на территории государств с общим объемом ВВП 21 триллион долларов США... Торгово-экономическое сотрудничество Китая с государствами этого региона очень интенсивно, на него приходится четверть всего объема внешней торговли КНР»²².

Однако масштаб новой инициативы позволяет говорить о том, что ее авторы видят в ней не только экономический смысл. Си Цзиньпин, выступая на саммите АТЭС в Пекине

²¹ Shi Ze. One Road and One Belt and New Thinking With Regard to Concepts and Practice // China Institute of International Studies. 25 November 2014. http://www.ciis.org.cn/english/2014-11/25/content_7394056.htm

²² Чэнь Фэнин. Си Цзиньпин «и дай и лу» гоусян чжаньлюэ ии шэньюань [У предложенной Си Цзиньпином концепции «пояса и пути» глубокий стратегический смысл] // Жэньминь ван. 10 октября 2014. <http://politics.people.com.cn/n/2014/1010/c1001-25805422.html>

в ноябре 2014 года, говорил уже не о китайской мечте, а о мечте азиатско-тихоокеанской: «Перспективы развития АТР зависят от сегодняшней решимости и действий. У нас есть ответственность за то, чтобы создать и воплотить в жизнь азиатско-тихоокеанскую мечту для народов этого региона»²³. Не случайно и то, что на второй сессии ВСНП 12-го созыва стратегия «пояса и пути» была названа «логическим развитием концепции «китайской мечты», что позволяет говорить о ней как о проекции новой идеологии на сферу внешней политики КНР. Действия руководства КНР подтверждают справедливость такой точки зрения.

8 ноября 2014 года, выступая на проходившем в Пекине форуме «Диалог по укреплению взаимосвязанного партнерства», Си Цзиньпин заявил о намерении Китая внести 40 млрд долларов в создаваемый Фонд шелкового пути. Целью Фонда, по словам китайского лидера, является «слом узких мест по взаимодействию» в Азии, а также привлечение инвесторов из Азии и других районов мира к активному участию в создании «экономического пояса Шелкового пути» и «морского Шелкового пути XXI века». Он подчеркнул, что Китай будет оказывать содействие странам, входящим в эти зоны сотрудничества, в строительстве объектов инфраструктуры, включая транспортную сеть, объекты электроснабжения, телекоммуникации. Китай также выразил готовность оказать помощь соседним странам в подготовке 20 тыс. специалистов в течение пяти лет. В октябре 2014 года по инициативе Китая он и 21 азиатское государство подписали меморандум о создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (Asian Infrastructure Investment Bank). Банк призван заниматься финансированием автомобильных и железных дорог, электростанций и телекоммуникационных сетей в Азии, объем его изначального уставного капитала 50 млрд долларов, по большей части был предоставлен Китаем, и Пекин предлагает увеличить уставной капитал до 100 млрд долларов. **Если в 1990-е и в начале 2000-х годов КНР пыталась встроиться в существующие международные институты, стараясь максимально адаптироваться к их нормам (АТЭС, ВТО), в 2000-е и 2010-е она активно начала совместно с другими государствами участвовать в создании новых многосторонних институтов (ШОС, БРИКС, механизмы диалога в формате АСЕАН – Китай), где она имела равные с другими государствами права по выработке «правил игры», то, начиная с прихода к власти пятого поколения руководителей, Пекин переходит к политике создания «собственных» многосторонних институтов, где он является ключевым и, по сути, единственным создателем норм и правил.**

Проект КНР уже не является сугубо восточноазиатским – в декабре 2014 года на третьей ежегодной встрече глав правительств Китая и 16 государств Центральной и Восточной Европы премьер Госсовета КНР Ли Кэцян объявил о создании Китаем специального инвестиционного фонда для восточноевропейских государств, целями которого будет оказание им содействия в развитии своей инфраструктуры и промышленности. Он также подтвердил готовность Китая продолжать выделение 10-миллиардного долларового кредита государствам региона. На этом фоне инвестиции китайского бизнеса в Центральной и Восточной Европе выросли в 2014 году до 50 млрд долларов США²⁴. Что еще более важно – на проходившем в Белграде саммите было официально объявлено о запуске проекта трансбалканской скоростной железной дороги, которая должна соединить Белград и Будапешт – ее стоимость составит порядка 2,5 млрд

²³ Си Цзиньпин: яньцзян шоути Ятай мэн: жан жэньминь гошан аньнин фуцзу шэнхэ [В своем выступлении Си Цзиньпин впервые упомянул азиатско-тихоокеанскую мечту: дать народам счастливую жизнь в безопасности и процветании] // Цзинхуа шибао. 10 ноября 2014. <http://finance.sina.com.cn/china/20141110/020020771647.shtml>

²⁴ Commentary: 16+1 mechanism injects impetus into China-CEE cooperation // Xinhua. 17 December 2014. http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-12/17/c_133861201.htm

долларов. «Железнодорожная дипломатия» и финансовая активность Пекина в Европе уже вызывает обеспокоенность ЕС. **В среднесрочной перспективе можно прогнозировать появление нового вызова для европейской интеграции в лице Китая: его практика несвязанных политическими требованиями кредитов может выступить заманчивой альтернативой более скудным и обязывающим предложениям ЕС, а со временем, возможно, и стать фактором модификации Брюсселем своей политики в отношении «новой» Европы. Финансовое освоение Пекином Европейского континента становится, таким образом, новой чертой отношений КНР и ЕС, приобретающих новое измерение конкуренции.**

Зарубежные обозреватели, несмотря на возражения китайских коллег, увидели в транспортной и финансовой инициативе Пекина «китайский план Маршалла» – политику использования экономических рычагов и инфраструктурных инвестиций для достижения политических целей. Отрицать наличие таких политических целей сложно. Их как минимум две: нейтрализация способности Соединенных Штатов Америки к ограничению влияния КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе и создание инфраструктуры вовлечения в китайский проект государств «стратегической периферии», а в среднесрочной перспективе – и государств за ее пределами. С учетом того, что такую политику в крупных масштабах и в течение уже длительного времени Пекин проводит в Центральной Азии, в среднесрочной перспективе это может создать вызов и для «евразийского» проекта России.

Аналогично политике КНР в отношении многосторонних институтов, модель ее отношений с соседними государствами – так называемая периферийная дипломатия (чжоубянь вайцзяо) – также значительно эволюционировала. В 1990-х годах Китай видел в соседних государствах, в первую очередь новых индустриальных странах, внешние источники модернизации, а в 2000-х годах его усилия в Восточной Азии были направлены на то, чтобы, «скрывая свои возможности», консолидировать свою стратегическую периферию и минимизировать риски ее использования внерегиональными (США) или региональными (Япония) игроками для ослабления Китая или замедления темпов его развития. На современном этапе Пекин переходит к реализации политики лидерства в Восточной Азии.

24–25 октября 2013 года в Пекине состоялся беспрецедентный по масштабам и уровню участников Рабочий форум по периферийной дипломатии, в котором принял участие и лидер КНР. С одной стороны, проведение форума стало реакцией на охлаждение отношений и рост противоречий с географическими соседями, с другой – еще одним подтверждением стремления руководства КНР произвести инвентаризацию стратегии отношений с соседними государствами и инструментов ее реализации в свете стремления Пекина занять лидерские позиции в АТР. В своем выступлении Си Цзиньпин подчеркнул, что главные цели периферийной дипломатии подчинены задачам достижения «двух целей столетия» и возрождения китайской нации, еще раз отметив, таким образом, ключевое значение состояния отношений с соседними государствами для реализации национальной стратегии. Комментируя результаты форума и выступление председателя КНР, известный исследователь Чэнь Сяньян из Китайского института современных международных отношений, близкого к правительственным кругам, выделил три группы задач «периферийной дипломатии» на пути к реализации «двух целей столетия» к 2021 и 2049 годам. Краткосрочными задачами на период до 2016 года, по его мнению, являются «создание в АТР в целом спокойной и благоприятной среды для успешного осуществления 12-го пятилетнего плана, недопущение потери контроля в региональных «горячих точках» АТР, а также наращивание возможностей по кризисному регулированию и контролю «горячих точек»²⁵. Очевидно, исследователь прав, и в Китае не желали бы эскалации

²⁵ Чэнь Сяньян: чжуацзинь юньчоу Чжунго ятай чжаньлюэ [Чэнь Сяньян: активно формировать стратегию Китая в АТР] // Ляован. 07 января 2013. <http://www.lwgcw.com/NewsShow.aspx?newsId=30163>

территориальных споров с соседними государствами, что может затруднить реализацию стратегии «пояса и пути». Время до 2021 года, по мнению Чэна, – это время «расширения периода стратегических возможностей» за счет расширения экономических связей с Азией. По его мнению, этот период предложит более подходящие условия для «надлежащего разрешения территориальных споров с соседними государствами». Долгосрочной (на 2020–2050 годы) задачей, по мнению исследователя, является создание благоприятной среды для «великого возрождения китайской нации», «полного объединения страны», «окончательного подъема Китая», а также его превращение в «защитника гармоничного АТР».

Наращивание Китаем усилий по взаимодействию с государствами стратегической периферии подтверждает его заявления о приоритетности этого направления для своей внешнеполитической стратегии. С целью углубления практического сотрудничества с государствами АСЕАН в сентябре 2013 года премьер Госсовета КНР Ли Кэцян предложил «проект повышения уровня» (*шэньцзи бань*) созданной в 2010 году крупнейшей в мире зоны свободной торговли Китай – АСЕАН (совокупная численность ее населения – 1,9 млрд человек) и пообещал прилагать усилия для расширения двусторонней торговли до объема в 1 трлн долларов к 2020 году²⁶. В ноябре 2014 года на саммите Китай – АСЕАН «10+1» Ли Кэцян выступил уже с развернутой инициативой КНР по дальнейшему развитию отношений с государствами АСЕАН из 6 пунктов, содержащей также призыв ускорить переговоры по Договору о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве между КНР и АСЕАН, ускорить создание взаимосвязанной транспортно-инфраструктурной сети, назвать 2015 год Годом морского сотрудничества КНР и АСЕАН, а также наращивать военно-морское сотрудничество: обсудить создание «горячей линии» Китай – АСЕАН по оборонным вопросам и провести совместные морские учения.

Доказательством того, что Китай начал задумываться не только о лидерстве в АТР, но и о превращении региона в зону своих приоритетных интересов, можно считать обогащение внешнеполитической доктрины КНР активным использованием концепции «общности исторической судьбы» (миньюнь гунтун ти) народов и стран Восточной Азии и модифицированной версии «нового взгляда на безопасность» (синь аньцюань гуань) – «новой азиатской концепции безопасности». В мае 2014 года, выступая на Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Си Цзиньпин изложил свое видение обеих концепций. Китай переосмыслил и наполнил новыми смыслами уже устоявшийся во внешнеполитической традиции государства термин «новая концепция безопасности». Помимо традиционного его противопоставления практике военных союзов и традиционных же призывов стремиться к «общей, комплексной, устойчивой и неделимой безопасности», при которой споры и разногласия между государствами разрешаются посредством диалога, лидер КНР указал и новые черты этой концепции.

Прежде всего Пекин фактически поставил знак равенства между развитием и безопасностью: «Развитие – это основа безопасности, а безопасность – это необходимое условие для развития... Для большинства азиатских государств развитие означает максимальную безопасность и является первичным ключом к решению вопросов региональной безопасности»²⁷. **Следуя этой логике, государство, обеспечивающее региональное развитие, и есть государство, обеспечивающее региональную безопасность. Это пусть и имплицитная, но совершенно новая заявка на лидерство в регионе, при этом само новое понимание Китаем безопасности находится в явном**

²⁶ Китай и АСЕАН ускорят переговоры по повышению уровня зоны свободной торговли // Синьхуа. 07 ноября 2014. http://russian.news.cn/economic/2014-11/07/c_133771415.htm

²⁷ Си Цзиньпин цзай Ясинь фэнхуэй цзо чжучжи фаянь [Си Цзиньпин выступил с программным заявлением на Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии] // Жэньмин ван. 21 мая 2014. <http://world.people.com.cn/n/2014/0521/c1002-25046183.html>.

противоречии с видением региональной безопасности Соединенными Штатами Америки.

Другой отличительной чертой новой концепции стал ее подчеркнута «внутрирегиональный» характер. Признавая необходимость сотрудничества со всеми государствами и международными организациями в целях повышения уровня безопасности в регионе, Си Цзиньпин подчеркнул: «В конечном итоге, управлять делами в Азии, решать проблемы Азии и поддерживать безопасность в Азии должны народы Азии». Исходя из логики идеологов КНР, право азиатских государств на обеспечение безопасности собственными силами, как и право Китая говорить от имени Азии, определяется концепцией «общности исторической судьбы» народов Азии – еще одного ключевого элемента китайской внешнеполитической доктрины. Ее цель – используя социально-экономические и гуманитарные инструменты «мягкой силы», убедить государства Азии в желательности скорейшего превращения Китая в ведущую державу Азии и неразрывной связи интересов Китая с интересами других государств Азии.

Придавая концепции безопасности новое смысловое (безопасность – это развитие) и географическое (безопасность Азии должна определяться исключительно региональными, а не внерегиональными силами) измерение, Китай пытается представить себя как ключевое для обеспечения региональной безопасности государство, а Соединенные Штаты Америки – как агрессивного аутсайдера, представляющего для безопасности в Азии угрозу. Новая политика Пекина по мягкому «выдавливанию» США стала во многом реакцией на «возвращение» Вашингтона в Азию и его «стратегию восстановления равновесия» (*rebalance*) и знаменовала собой развитие Китаем существовавшего с 2000-х годов подхода «стратегического страхования» (*strategic hedging*) Пекином рисков безопасности в АТР. Этот подход состоял в укреплении отношений с союзниками и потенциальными союзниками Вашингтона в регионе, что девальвировало антикитайский элемент их диалога с США – в тот период Китай настаивал на сохранении присутствия Соединенных Штатов в АТР.

Следствием этого изменения в подходе стал рост критики Китаем региональной политики Вашингтона. Китайский исследователь Цзян Чжида отмечает: «Рассчитывая на скрытую поддержку США, небольшое число государств АСЕАН проводят нескончаемые провокации, объектом которых являются морские права Китая в Южно-Китайском море. Стремясь к укреплению системы союзов в Азии, США открыто подталкивают Японию, Филиппины и другие страны к конфронтации с Китаем. Беря больше стран под свое крыло, США стремятся создать так называемое кольцо окружения для сдерживания и устрашения Китая. Такое поведение США – ... с легкостью может породить новые вызовы стабильности и развитию различных стран Азиатско-Тихоокеанского региона»²⁸.

На Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии была озвучена еще одна инициатива Китая: назвав его самым крупным и наиболее представительным форумом по региональной безопасности, Си Цзиньпин предложил превратить этот механизм в площадку для сотрудничества и диалога в области безопасности и на его основе изучить возможности создания инфраструктуры для такого сотрудничества. Предлагалось повысить уровень институционализации самого Совещания (укрепить его рабочие органы, создать механизм консультаций по вопросам обороны, рабочую группу по мониторингу за осуществлением мер доверия в различных областях) – и совместно рассмотреть возможность выработки кодекса поведения в сфере региональной безопасности. Выдвинутая Пекином инициатива стала новым доказательством изменения его стратегии, выразившимся в желании инициативно формировать новые многосторонние институты. Прежде Пекин

²⁸ Jiang Zhida. Asian Security Concept and Its Implications for Regional Order: From a Normative Perspective // China Institute of International Studies. 26 November 2014. URL: http://www.ciis.org.cn/english/2014-11/26/content_7398414.htm.

не называл СВМДА ключевым форумом по региональной безопасности, отдавая предпочтение саммитам АТЭС, ШОС или АРФ, но теперь, когда председательство в этой структуре перешло КНР, в короткие сроки активность этой структуры возрастет. Вполне вероятно, что Пекин видит в ней некий азиатский аналог Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе – сформированный при ключевой роли Китая.

Значительные изменения стали происходить и в отношениях Китая с «великими державами», в первую очередь с Соединенными Штатами Америки. Еще в 2008 году известный китайский исследователь Ян Сюэтуан справедливо отметил: «[...] в развитии существующих между великими державами стратегических отношений, возможно, произойдет переход от тенденции к сокращению конфликтов при развитии сотрудничества к тенденции обострения конкурентных отношений под видом сотрудничества... отношения стратегического партнерства станут деликатным способом описания отношений «ни друг, ни враг», любое государство, не являющееся полномасштабным противником, может быть названо стратегическим партнером»²⁹. С одной стороны, в Пекине все четче осознают пределы любых «стратегических партнерств» с государствами Запада, в первую очередь с США, в условиях нарастающей конкуренции Китая с ними. С другой стороны, сам Китай настроен на «выравнивание» отношений с великими державами, которым придется теперь в гораздо большей степени учитывать интересы и озабоченности Пекина.

В феврале 2012 года в ходе своего визита в Вашингтон – тогда еще в статусе заместителя председателя КНР Си Цзиньпин впервые озвучил видение Китаем нового этапа китайско-американских отношений, выступив за формирование двумя государствами «нового типа отношений между великими державами» (*синьсин даго гуаньси*). Впоследствии данная формулировка стала неотступным рефреном китайской внешней политики при описании отношений между Пекином и Вашингтоном и вошла в материалы 18-го съезда КПК. В ходе визита в США в июне 2013 года Си Цзиньпин кратко сформулировал новое содержание китайско-американских отношений следующим образом: «неконфликтность и неконфронтационность» (*бу чунту, бу дуйкан*), «взаимное уважение» (*сянху цзюньчжун*), «взаимный выигрыш от сотрудничества» (*хэцзо гуньин*).

Пекин стремился убедить США признать несколько вещей. Во-первых, неизбежность подъема Китая и роста его роли в Азии, что положительно скажется на стабильности в АТР и не будет представлять угрозы для интересов США. Во-вторых, наличие у КНР в Азии если пока еще не сфер влияния, то уже точно – зон особых интересов. Министр иностранных дел КНР Ван И, выступая в Институте Брукингса с комментариями о «новом типе отношений между великими державами», подчеркнул, что озвученный Си Цзиньпином принцип взаимного уважения предполагает также и «уважение коренных интересов и озабоченностей друг друга»³⁰. В современной дипломатической практике КНР термин «коренные интересы» применяется в первую очередь уже не в отношении озабоченностей Пекина поставками США оружия Тайваню или международными визитами Далай-ламы, а в отношении своих территориальных споров с соседями. В-третьих, постулировался равный статус, а значит, и равные права КНР и США. При этом, предлагая своему партнеру новую модель китайско-американских отношений, Пекин перехватывает у США инициативу в формулировании правил и условий функционирования этой новой модели. Это также является новацией для доселе консервативной внешней политики Китая, нормой которой было реагировать на возникающие условия, а не формировать их.

²⁹ Янь Сюэтуан. Шице гэцзю цзюсян цзи чжунгоди цзиюй [Направления развития мировой архитектоники и возможности для Китая]. // Дандай ятай [Современный Азиатско-Тихоокеанский регион]. № 5. 2008.

³⁰ Жухэ гоуцзянь чжунмэй синьсин даго гуаньси – Ван И вайчжан цзай Булуцзиньсы сюэхуэйди яньцзян [Как выстроить между Китаем и Америкой отношения великих держав нового типа – выступление министра иностранных дел Ван И в Институте Брукингса] // МИД КНР. 21 сентября 2013. http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1078765.shtml

Приоритеты КНР в Африке и Латинской Америке

Продолжает нарастать динамика отношений Китая с государствами Африки и Латинской Америки. Безусловно, это не составляет новой тенденции во внешней политике Китая: данное направление внешней политики КНР было традиционно значимым с момента образования республики, а в 2000-е годы заметно интенсифицировалось. Примечательно другое – к экономическим целям (получение доступа к гарантированным источникам ресурсов, «бронирование» и освоение новых рынков), которые составляли основу политики КНР по отношению к этим странам, Китай постепенно начинает добавлять политические задачи поиска внешних источников поддержки нового складывающегося в Азии регионального порядка и лидерских устремлений КНР.

В июле 2014 года Си Цзиньпин, воспользовавшись приглашением на 6-ю встречу глав государств БРИКС в Бразилии, во второй раз посетил Южную Америку в качестве лидера страны. Остановками в его турне стали Бразилия, Аргентина, Венесуэла и Куба. В ходе визита им было подписано свыше 150 контрактов и рамочных соглашений на сумму порядка 70 млрд долларов США в энергетике, добыче природных ресурсов, сельском хозяйстве, науке и технологиях, строительстве инфраструктуры и финансах. Также с лидерами Бразилии и Перу обсуждался проект строительства «железной дороги двух океанов», призванной соединить Тихий и Атлантический океаны. Китай стал соучредителем созданного государствами БРИКС Нового банка развития с целью обеспечения займов развивающимся странам (по аналогии со Всемирным банком) и Соглашения о резервном фонде для оказания содействия в решении краткосрочных проблем с ликвидностью (по аналогии с МВФ), а его лидер посетил саммит созданного в 2011 году Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC), где была достигнута договоренность о создании постоянно действующего формата КНР – CELAC (первый саммит новой структуры состоялся в январе 2015 года в Пекине).

В активной латиноамериканской политике нового лидера КНР некоторые обозреватели увидели реализацию Пекинской стратегии противодействия доминированию США в зоне их традиционных интересов и даже стремление КНР дать асимметричный ответ на «возвращение» США в Азию. При том, что нельзя отрицать в действиях Пекина и такие мотивы, они имеют скорее эмоциональную, чем рациональную природу и пока не определяют его политику в этом регионе. Вероятнее, целью КНР является снижение уровня экономической зависимости развивающихся государств региона от США и расширение поддержки среди неазиатских стран предлагаемой Китаем новой модели безопасности в Азии.

Несколько отличные цели Китай преследует на Африканском континенте, который Си Цзиньпин посетил сразу после своего визита в Россию. По мнению китайского исследователя, «в политической сфере Китай стремится заручиться поддержкой африканских стран своей политики «одного Китая» и своей внешнеполитической повестки в рамках различных многосторонних форумов, как, например, ООН. В области экономики Африка рассматривается Китаем как источник природных ресурсов и как новые рынки, предоставляющие возможности для национального роста. С точки зрения безопасности расширение коммерческих интересов Китая в Африке привело к росту для Китая вызовов в сфере безопасности, поскольку политическая нестабильность и преступность на континенте угрожают китайским инвестициям и гражданам страны»³¹. С учетом того незначительного места, которую Африка занимает, вопреки расхожим убеждениям, в структуре внешнеэкономических интересов Китая и незначительных политических

31 Yun Sun. Africa in China's Foreign Policy // Brookings. April 2014. <http://www.brookings.edu/research/papers/2014/04/10-africa-china-foreign-policy-sun>

дивидендов, которые Пекин может получить от политической поддержки африканских стран, наибольшее значение для него имеет именно третий компонент: сфера безопасности. **Африка может быть интересна Китаю как полигон, на котором он при полной поддержке международного сообщества будет отрабатывать действия по защите своих «зарубежных интересов» (хайвай лии) и свое участие в международных усилиях по поддержанию региональной безопасности и миротворчестве на континенте.**

С 2008 года Китай является активным участником международной морской операции по противодействию пиратству в Аденском заливе – очевидно, полученный боевой опыт обладает особой ценностью для развивающихся Военно-морских сил КНР и может быть в дальнейшем использован для проведения аналогичных операций в Малаккском проливе. При этом сама операция позволяет Пекину протестировать на практике концепции «обороны отдаленных морских пространств» (*юаньян фанвэй*) и «операций в отдаленных морских пространствах» (*юаньхай синдун*), которые не имеют географической привязки и определяются расширяющимися морскими национальными интересами Китая. С дипломатической точки зрения своим участием в операции в Аденском заливе КНР демонстрирует миру и азиатским партнерам готовность Китая действовать в рамках систем кооперативной безопасности.

Значимые изменения произошли и в миротворческой политике КНР. Хотя с 2008 года численность контингента, предоставленного КНР для миротворческих операций под эгидой ООН, превышала численность миротворцев четырех других постоянных членов Совета Безопасности ООН, Пекин строго следовал практике направления в районы миротворческих операций сугубо небоевых подразделений (медицинских или инженерных специалистов). Однако в июне 2013 года руководство КНР приняло решение направить в Мали 170 человек из числа специальных подразделений НОАК ³², а в декабре 2014 года Пекин взял обязательство направить пехотный батальон в Судан. Вероятно, пока преждевременно говорить о том, что Китай приступил к глобальному развертыванию своих вооруженных сил или об отказе от принципа неотправления КНР своих вооруженных сил за рубеж, однако налицо возрастание готовности КНР гораздо более активно участвовать в разрешении международных конфликтов. Доказательство этому можно увидеть в беспрецедентных посреднических усилиях, которые Китай предпринял для разрешения конфликта в Южном Судане в 2013 году, когда спецпредставитель КНР по африканским делам Чжун Цзяньхуа свыше 10 раз посетил Африку, пытаясь найти формулу урегулирования конфликта. Еще более ярким – и симптоматичным – примером возросшей готовности Пекина к активному миротворчеству стало его участие в урегулировании конфликта в Афганистане, где Китай, используя свои давние прочные связи с Пакистаном, пытается наладить диалог действующих афганских властей с талибами.

Все произошедшие после прихода к власти пятого поколения руководителей КНР изменения во внешнеполитической стратегии Китая требовали новой «инвентаризации» внешнеполитических приоритетов государства, обновления их структуры и ее «легитимации» в руководящих партийных документах. **29 ноября 2014 года на Центральном рабочем совещании по международным делам Си Цзиньпин в своем программном заявлении, озвучивая новые среднесрочные внешнеполитические цели и задачи КНР, впервые с эпохи Дэн Сяопина поднял значение развития отношений с государствами стратегической периферии, объединенных с Китаем «общностью исторической судьбы», выше значения отношений с великими державами.** Прежде в проведении внешней политики Пекин руководствовался так называемыми четырьмя главными опорами: «отношения с великими державами являются ключевыми, отношения с окружающими странами являются приоритетными, отношения с развивающимися

32 China commits combat troops to Mali // Financial Times. 27 June 2013. <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/e46f3e42-defe-11e2-881f-00144feab7de.html#axzz3OyJATNUV>

странами являются основой, многосторонние институты являются трибуной». Другими значимыми моментами выступления председателя КНР стали заявления о том, что «Китай должен проводить политику великой державы со своей спецификой» и исключительно высокое значение принципов «отстаивания территориальных прав и морских интересов», а также использование Си Цзиньпином термина «коренных интересов». Новыми инструментами глобальной внешнеполитической доктрины Китая должны стать стратегия «пояса и пути», «новая концепция безопасности» и установление «нового типа отношений между великими державами».

В Китае окончательно оформилось самоощущение великой державы, избравшей путь «новой регионализации» своей внешней политики с тем, чтобы, опираясь на консолидированное под его началом сообщество дружественно или нейтрально настроенных государств, реализовать глобальный проект «Великого шелкового пути 2.0» и превратиться в транспортно-инфраструктурную сверхдержаву XXI века. **При этом расширение своего участия в масштабных инфраструктурных проектах за рубежом, в том числе и за пределами Азии, неизбежно будет приводить к разрастанию «зарубежных интересов» КНР и росту потребности в их отстаивании, в том числе за счет проецирования на регионы таких интересов военно-политической мощи.**

Принятие руководством КНР решения о реализации глобального проекта предполагает максимальное купирование им рисков внутривнутриполитической или экономической нестабильности, порождаемых, с одной стороны, ростом более образованного городского среднего класса и его вторичных потребностей (в свободе слова, в участии в управлении государством и т. д.), а с другой – несбалансированной и энергозатратной экономикой. Ответом на эти вызовы в политической сфере стала консолидация власти в КНР в руках лидера страны и укрепление авторитарной модели управления государством. Это подтвердили жесткая реакция Пекина на протесты в Гонконге и готовность Си Цзиньпина к решительной борьбе с коррупцией и фракционностью в КПК и инакомыслием в обществе. В экономической сфере ответом стало наращивание динамики превращения КНР в государство наукоемкой зеленой экономики (провозглашение «новой нормы»). В таких условиях, **несмотря на существующие в государстве дисбалансы – разрывы в доходах между беднейшими и богатейшими слоями общества и в уровне развития прибрежных и внутренних провинций Китая, – вероятность того, что внутренние проблемы могут привести к отказу КНР от стратегии «активного выхода в мир» или тем более коллапсу, крайне незначительна.** Общий рост благосостояния в стране и очевидная устойчивость модели управления при отсутствии внятных альтернатив лишают социальный протест питательной почвы, также отсутствуют признаки возможного экономического коллапса.

Опора на пояс добрососедства предопределила формирование обновленной концепции «нового взгляда на безопасность в Азии», в основе которой активные действия КНР по занятию центрального места в формировании новой структуры безопасности в Азии, опирающейся не на систему военных союзов, а на свойственные восточноазиатским государствам механизмы неформальных дискуссий и консультаций, при этом приоритетом становятся социально-экономические, а не военно-политические аспекты безопасности. Для интенсификации политического диалога Пекин активно создает новые площадки и механизмы, а для обеспечения экономического развития – институты финансирования и развития государств региона. Создание такой системы, обеспечивающей лидерство Пекина в Азии, направлено также на подрыв или максимальное ослабление созданной США системы альянсов с государствами региона: не пытаясь создать баланс этой системе в виде собственной сети военно-политических союзов, Пекин стремится к созданию ситуации, когда значимость экономических связей с КНР делает проведение любым государством антикитайской политики слишком невыгодным с точки зрения баланса выигрышей и затрат. Как описал эту тактику известный китайский исследователь У Синьбо: «В каком-то смысле мы превращаем многих союзников США в партнеров КНР, за счет чего любые

разделительные линии, которые захотят провести США, становятся размытыми и нечеткими, и у них исчезает возможность определить разницу [между нашими партнерами и своими союзниками]»³³.

Пекин, таким образом, не стремясь физически «выдавить» США из Азии, стремится создать максимальные трудности для реализации ими «стратегии восстановления баланса» или укрепления своих лидерских позиций. **В среднесрочной перспективе можно ожидать, что стратегия Пекина будет успешно реализовываться, приводя к разделению Восточной Азии на группу стран, разделяющих подход КНР к региональной безопасности, и альянс внерегиональных игроков (США и Австралия) с Японией, а также, вероятно, с Вьетнамом и Филиппинами, имеющими территориальные споры с КНР, причем значимость военного союза США с Японией будет усиливаться.**

Наращение конкуренции между КНР и США в Восточной Азии

Рост лидерских устремлений КНР в Восточной Азии неизбежно приведет к нарастанию напряженности в ее отношениях с США. Для нейтрализации негативных последствий стратегической конкуренции с Вашингтоном, развивая концепцию «нового типа отношений великих держав», Пекин пытается договориться с США на выгодных для себя условиях о принципах «мирного сосуществования» в Азии в расчете на то, что США являются «увядающим» гегемоном и в долгосрочной перспективе лидерство Китая неизбежно. Стратегия КНР направлена, таким образом, на навязывание своему конкуренту «игры в долгую»: это эволюционная, а не революционная стратегия смены лидера, к тому же любые излишне активные действия по противодействию США подорвут и так шаткое равновесие в отношениях с малыми государствами региона, а значит, и долгосрочную глобальную стратегию КНР. Для недопущения эскалации в отношениях с США Пекин будет стремиться к созданию максимально плотного и открытого диалога с Вашингтоном, призванного с помощью дипломатических инструментов хотя бы отчасти нивелировать стратегическую конкуренцию. Излишне говорить, что ожидать прорывов от такого диалога не приходится – ввиду несовместимости целей Пекина и Вашингтона, а также того факта, что обе стороны и не стремятся к каким-либо прорывам.

Однако, несмотря на нарастание конкуренции двух государств в Азии, она не приведет к эскалации напряженности в регионе и будет протекать «по правилам», особенно в условиях, когда Соединенные Штаты по-прежнему оказываются активно вовлечены в затяжные региональные конфликты в других частях света. При этом следует отметить, что в случае вероятного поражения демократов на следующих президентских выборах в США риторика Вашингтона и Пекина ужесточится – но не приведет к значимому ужесточению состояния «контролируемой конкуренции» между ними.

Перспективы эскалации конфликтов в Восточной Азии

Наибольшим конфликтным потенциалом в Восточной Азии по-прежнему обладают территориальные споры в Южно-Китайском, Восточно-Китайском и Желтом морях, а также ситуация вокруг Тайваня. Создание Китаем в ноябре 2013 года зоны идентификации ПВО в Восточно-Китайском море подтолкнуло ряд экспертов к выводу об агрессивном характере региональной политики КНР, стремящейся к военному лидерству в Азии. При этом ими игнорировалось то, с какой настойчивостью официальные и неофициальные китайские источники подчеркивали, что создание этой зоны не ставит целью эскалацию напряженности в регионе и не свидетельствует об экспансионистских планах Китая. **Скорее, Китай закрепляет зону своих исключительных интересов и более четко указывает**

³³ У Синьбо: Чжунго вайцзяо буяо ложу Мэйго ши сяньцзин [У Синьбо: Китай не должен попадать в ловушки американской модели] // Хуаньцю Шibaо. 09 декабря 2014. <http://opinion.people.com.cn/n/2014/1209/c1003-26174060.html>

на пресловутые «красные линии», пересечение которых он будет рассматривать как угрозу своим жизненным интересам, но, оставляя за собой право решать, пересечены ли эти «красные линии», Пекин со своей стороны делает риски эскалации контролируруемыми.

Действия сторон конфликтов не должны привести к их переходу в вооруженную стадию, поскольку ни одна из сторон не оказывается от эскалации в выигрыше. Соединенные Штаты неоднократно предупреждали своих союзников не прибегать к провокационному поведению, рассчитывая на автоматическую поддержку Вашингтона: «стратегия восстановления баланса» не предполагает втягивание в конфликт с Китаем по второстепенному с точки зрения интересов США вопросу. Китай, приступивший к созданию «пространства общности исторических судеб», также стремится максимально отложить разрешение конфликта до того момента, когда зависимость государств региона от его экономических ресурсов полностью исключит риски конфронтации с ними. Наконец, другие государства, включая Японию, без политической и военной поддержки США физически не смогут выйти победителями в случае вооруженного конфликта с Китаем. Вероятность эскалации конфликта, таким образом, остается достаточно низкой. Как отмечает китайский аналитик Лю Цзяньфэй, «хотя споры в Южно-Китайском море и затрагивают вопросы территориального суверенитета и территориальных вод, но это совсем не одно и то же, что говорить, будто территориальная целостность государства и его суверенитет подвергаются угрозе»³⁴. Этот территориальный спор существует уже более 30 лет, однако до сего дня не заставил Китай отказаться от развития как приоритетной задачи. При этом наличие удачного конфликта мощного символического измерения (как и в любом территориальном споре) привносит в поведение его участников иррациональные мотивы, что может приводить и приводит к спорадическим вспышкам конфронтационного поведения вплоть до вооруженных. **В ближайшие 5–10 лет можно прогнозировать сохранение в указанной группе территориальных конфликтов статус-кво, когда в целом контролируемая ситуация сопровождается периодическими столкновениями сторон, не приводящими тем не менее к полномасштабной эскалации.**

Будущее Тайваня

Возрастают риски неопределенности и в до недавнего времени стабильном тайваньском конфликте. В 2014 году тайваньский парламент не ратифицировал подписанное Пекином и Тайбэем в 2013 году «Соглашение между сторонами пролива о торговле услугами», реализация которого стала бы значимым шагом в либерализации и укреплении экономических связей между сторонами. Одновременно с этим жесткое подавление выступавших за проведение прямых выборов в Гонконге демонстрантов уменьшило на Тайване число сторонников поэтапного сближения с материком, а правящая партия Гоминьдан, традиционно выступавшая против тайваньской независимости и за нахождение формулы диалога с Пекином, потерпела сокрушительное поражение на региональных и муниципальных выборах, что серьезно повысило шансы на приход к власти представителя Демократической прогрессивной партии, поддерживающей идею независимости Тайваня, в ходе президентских выборов 2016 года. Новые негативные факторы вызвали в Пекине обеспокоенность, выразившуюся в стремлении нарастить динамику контактов с островом, пока президентом Тайваня является представитель Гоминьдана Ма Инцзю, и усилить давление на Тайбэй, в частности, это выразилось в возвращении Пекина в диалоге с Тайванем к формуле «одно государство – две системы», которая традиционно применяется

³⁴ Лю Цзяньфэй. Гуаньюй цзинь цзинянь Чжунго вайцзяо ди фаньсы [Размышления о внешней политике КНР последних лет] // Таньсо юй чжэнмин [Исследования и свободные взгляды]. 2012. № 4.

в Китае для описания отношений с Гонконгом³⁵.

Провозглашение независимости Тайваня крайне маловероятно, однако Пекин уже не удовлетворяет ситуация статус-кво в отношениях между сторонами пролива, и ее сохранение будет рассматриваться руководством КНР как шаг назад. Негативно на отношении сторон Тайваньского пролива скажется поддержка Тайбэя со стороны Соединенных Штатов, которая будет возрастать по мере усиления в США позиций республиканцев. Вероятнее всего, политика «кнута и пряника» Пекина в отношении Тайваня в среднесрочной перспективе трансформируется в политику «преобладания кнута над пряником». Китай продолжит расширение экономических стимулов укрепления отношений с материком при сужении международного пространства Тайваня одновременно с возрастанием политического давления на новое руководство Тайбэя.

Перспективы развития ситуации на Корейском полуострове

Тяжелой останется ситуация вокруг конфликта на Корейском полуострове – не в последнюю очередь ввиду его комплексной природы. По сути, конфликт на Корейском полуострове представляет собой систему из трех конфликтов: это «конфликт национального объединения» – процесс конфронтационного и кооперационного взаимодействия двух Корей в вопросе воссоединения страны, конфликт вокруг безъядерного статуса Корейского полуострова, затрагивающий непосредственные интересы безопасности как минимум шести государств (Российской Федерации, КНДР, США, КНР, Японии и Республики Корея), а также лежащий в его основе конфликт между КНДР и Соединенными Штатами Америки относительно предоставления Пхеньяну гарантий безопасности. Каждый из этих конфликтов не имеет на сегодняшний день реальных перспектив разрешения. Объединение Корейского полуострова в условиях колоссальной разницы потенциалов Севера и Юга возможно лишь по восточногерманскому сценарию, что не может устроить Пхеньян и Пекин. Очевидно, не готов Ким Чен Ын и добровольно отказаться от ядерной программы КНДР, ставшей для Пхеньяна военным синонимом суверенитета. При том что международные санкции в условиях, когда КНР делает все, чтобы соблюдать их только по форме, не могут дать значимого положительного эффекта – и, скорее, стимулируют КНДР к продолжению ядерного шантажа. Наконец, стратегию «возвращения» в Азию и, в частности, усилия Вашингтона по укреплению военных договоров с Сеулом и Токио в КНДР воспринимают как непосредственную угрозу своей безопасности, что фактически выхолащивает смысл диалога с США. **Маловероятна и эволюция тоталитарного режима в Пхеньяне – как и проведение им значимых экономических реформ: регулярное (примерно раз в 3–4 года) объявление Пхеньяном «широкомасштабных» реформ, подобных китайским, не влечет конкретных шагов. Ключевым фактором устойчивости авторитарного режима КНДР являются его отношения с Китаем.**

В последние годы обозначилась тенденция последовательного дистанцирования КНР от конфликта на Корейском полуострове. Вопреки прогнозам и ожиданиям западных аналитиков, Китай не произвел значимой ревизии своей политики в отношении КНДР после осуществления Пхеньяном третьего испытания ядерного устройства в феврале 2013 года, хотя и поддержал принятие Совбезом ООН новых санкций в отношении КНДР и ввел ограничения на финансовые операции Пхеньяна на своей территории. «Триадой» приоритетов китайской политики на Корейском полуострове являются *«недопущение войны, недопущение нестабильности, денуклеаризация» (бу чжань, бу луань, ухэ)* – именно в такой последовательности. Несмотря на то что отношения между двумя странами в последние годы оставались достаточно натянутыми, в среднесрочной перспективе в Пекине

³⁵ This is why Taiwan doesn't want 'one country, two systems' // Want China Times. 30 September 2014. <http://www.wantchinatimes.com/news-subclass-cnt.aspx?id=20140930000163&cid=1701>

по-прежнему заинтересованы в сохранении полуострова разделенным, а северокорейского режима – устойчивым.

Принципы «недопущения войны» и «денуклеаризации» для китайского руководства означают оказание на КНДР смягчающего воздействия с тем, чтобы лишить США и их союзников в Азии предлога для наращивания своего военного присутствия и развертывания в регионе ПРО ТВД. Это неизбежно сократит и без того ограниченный сдерживающий потенциал ядерных сил КНР.

Безусловно, ядерная программа КНДР вызывает раздражение и обеспокоенность в Пекине: в ходе своих визитов в США в июне 2013 года и в Южную Корею в июле 2014 года Си Цзиньпин открыто призывал КНДР встать на путь денуклеаризации, а авторитетные китайские аналитики назвали произведенные Пхеньяном ядерные испытания непосредственной угрозой интересам Китая. Но Пекин осознает ограниченность своего влияния на политику Пхеньяна – и уже описанные вероятные негативные последствия для безопасности на полуострове, которые могут вызвать жесткие международные санкции, и реакция на них КНДР. Гораздо большим, чем денуклеаризация полуострова, значением для Китая обладает задача сохранения стабильности северокорейского режима при всех его минусах. Во-первых, Пекин беспокоит стратегия «смены режимов», активно применяемая США по всему миру, и он не намерен стать свидетелем ее реализации непосредственно у своих границ. Во-вторых, власти КНР опасаются размеров гуманитарной катастрофы, которая произойдет в случае коллапса обладающего ядерными взрывными устройствами северокорейского государства и неизбежного периода нестабильности на Корейском полуострове. Наконец, в- третьих, усилия Си Цзиньпина по укреплению легитимности КПК повышают политическую ценность сохранения в КНДР «братского» коммунистического режима как доказательства устойчивости такой государственной модели. И напротив: падение режима в Пхеньяне может побудить китайское общество к более активному требованию политических реформ в самом Китае, что не входит в планы руководства КНР.

Нельзя не отметить, что поддержка склонного к автаркии и ядерному шантажу тоталитарного режима наносит ущерб новому имиджу Китая как «ответственной великой державы», поэтому, поддерживая Пхеньян и стараясь не допустить на него излишнего давления извне, КНР стремится к его модернизации и побуждает Ким Чен Ына к проведению в стране реформ путем создания совместных экономических зон. Летом 2012 года Китай учредил фонд для инвестирования в КНДР объемом в 500 млн долларов, а также реализует на границе с КНДР масштабные инфраструктурные проекты, призванные еще больше втянуть Пхеньян в экономическую орбиту КНР. Можно предположить, что, стимулируя в КНДР реформы, которые сделают страну более похожей на южного соседа, руководство КНР не исключает в долгосрочной перспективе объединения двух Корей (формально поддержка идеи «мирного и самостоятельного» объединения полуострова является традиционной внешнеполитической мантрой Пекина уже более 50 лет), при условии, что объединенная Корея будет дружественно или как минимум нейтрально настроена по отношению к Пекину. **Объединение Корей послужило бы хорошей моделью для решения тайваньской проблемы, а появление на границе нового крупного экономически развитого игрока придаст еще большую динамику экономическому развитию КНР.**

Наконец, с геополитической точки зрения единое корейское государство станет естественным ограничителем и балансиrom влияния Японии в Восточной Азии. Кроме того, реализация такого сценария позволит уменьшить напряженность конкуренции Китая и США в регионе, создав исключительно важный прецедент их успешного сотрудничества в области безопасности. В среднесрочной перспективе, однако же, такой сценарий не просматривается – **в ближайшие пять лет на полуострове, вероятнее всего, сохранится статус-кво, при котором международному сообществу придется смириться с де-факто ядерным Пхеньяном. Пекин продолжит дистанцироваться от одиозного союзника при наращивании взаимодействия с Республикой Корея, продолжит**

безуспешные попытки побудить Пхеньян стать на путь «реформ и открытости» и, несмотря на свое недовольство самовольным партнером, будет поддерживать стабильность северокорейского режима.

Приоритеты Японии до 2020 года

Япония сохранит значимую, но не первостепенную роль в формирующемся региональном порядке, а ее внешняя политика будет все больше определяться целями и задачами реализации Вашингтоном «стратегии восстановления баланса». Неспособность и нежелание Японии стремиться к лидерству в Восточной Азии определяется тремя группами факторов.

Прежде всего, уже в течение последних трех лет страна находится в достаточно тяжелой экономической ситуации, усугубляемой общемировой рецессией, что увеличивает негативные факторы для экспортоориентированной экономики Японии. По данным ОЭСР, валовая сумма госдолга Токио по состоянию на декабрь 2014 года составила 230 % от ВВП, оптимистичный прогноз роста экономики в 2015 году – 0,7 %, для выхода страны из рецессии правительство Синдзо Абэ приняло самый большой за историю бюджет в 812 млрд долларов, тем самым еще больше увеличив его несбалансированность. Однако экономическая стагнация в Японии продолжится – и Токио будет в большей мере сконцентрирован на экономических проблемах, а не на внешнеполитической повестке.

Другим сдерживающим внешнеполитическую активность Японии фактором является ее международное окружение. В принятой впервые в декабре 2013 года стратегии национальной безопасности Токио предельно четко сформулировал свои внешнеполитические приоритеты: содействие усилению региональной стабильности и безопасности за счет укрепления военного союза с США, укрепления двусторонних отношений с КНР и РК и за счет укрепления отношений с другими региональными и внерегиональными игроками. Очевидное противоречие, содержащееся в первом и втором приоритетах, сокращает для Японии пространство для политического маневра.

Наибольшей стабильностью отличаются отношения Японии с США. В апреле 2014 года состоялся визит Барака Обамы в Японию, в ходе которого президент США выразил поддержку Японии в вопросе ее военной реформы, заявил о намерении сторон интенсифицировать свое сотрудничество в сфере обеспечения морской безопасности в регионе и о поддержке Японии в ее территориальном споре с КНР относительно принадлежности архипелага Сэнкаку (Дяоюйдао), указав, что на эту территорию распространяется действие американо-японского союзного договора (примечательно, что договор не распространяется на Южные Курилы).

Несколько раньше министр обороны США Чак Хейгл в ходе своей поездки в Японию подтвердил приверженность США оборонять Японию и заявил о планах по передовому развертыванию у берегов Японии двух эсминцев, оснащенных системой ПРО «Иджис». США, таким образом, ясно дали понять о значимости Японии как одной из несущих опор «возвращения» в Азию. С другой стороны, этот факт, равно как и декларируемая в Стратегии национальной безопасности приверженность укреплению американо-японского союза, позволяет утверждать – **любые выводы о грядущей «ремилитаризации» Японии и росте ее самостоятельности в военно-политических вопросах как минимум преждевременны: в среднесрочной перспективе американо-японское сотрудничество в вопросах безопасности будет нарастать.** Очевидно, именно в этом свете следует рассматривать и стремление правительства Абэ осуществить военную реформу, и рост военного бюджета страны – Вашингтон заинтересован в том, чтобы его ключевой восточноазиатский союзник взял на себя большую, чем сейчас, часть бремени по исполнению своих союзнических обязательств. В «осуществлении законного права на самооборону» заинтересована и Япония, но естественным ограничителем здесь выступает желание Токио укреплять диалог и сотрудничество с Пекином и Сеулом – при том, что и тот и другой, установив достаточно

высокий уровень сотрудничества по обширному перечню вопросов, создали ситуацию, когда их двусторонние отношения оказываются намного лучше, чем отношения каждого из них с Токио.

Прорывов на китайском или южнокорейском направлении Токио ожидать не приходится. Несмотря на то что укрепление связей с Пекином (а не соперничество с ним) было одним из приоритетов японской внешней политики с 1970-х годов (так, Япония была первым государством, отменившим санкции против Китая и нормализовавшим с ним отношения после событий на площади Тяньаньмэнь 1989 года, оказала Пекину содействие во вступлении в АТЭС, а позже – и в ВТО), добиться этого Токио не удалось. Одновременно с этим способность и возможность страны влиять на более активную политику КНР в регионе сократились, и в определенном смысле Япония оказывается загнанной в ловушку двух негативных вариантов стратегии: оказать США максимальное содействие в сдерживании КНР (при том, что реализация такой стратегии крайне затруднительна, тогда как издержки ее осуществления, очевидно, весьма велики) или продолжать малоуспешные попытки вовлечь Пекин в максимально развернутый диалог. В случае с Сеулом Япония находится в аналогичной ситуации – Республика Корея негативно относится к идеям сдерживания Китая и будет стремиться ограничить любые такие попытки. При этом трагедия отношений народов двух стран в военные годы до сих пор является эффективным ограничителем развития партнерства двух стран, который не удается преодолеть даже при посреднических усилиях США.

Больших успехов можно ожидать от партнерства Японии с государствами АСЕАН, имеющими территориальные споры с Китаем (в первую очередь Вьетнамом и Филиппинами), а также с внерегиональными игроками – Австралией, стремящейся усилить свое влияние в АТР, и Индией. Это можно назвать стратегией «непрямого коллективного сдерживания» КНР, целью которого является не реализация собственных амбиций, а лишь нейтрализация угроз, с которыми, по мнению Токио, будет сопряжено более активное поведение КНР в Восточной Азии.

Стратегией Японии в АТР в среднесрочной перспективе станет, таким образом, сочетание трех элементов: укрепления военного союза с США как главного гаранта национальной безопасности в случае конфликта с КНДР или КНР, ограниченно успешных попыток расширить диалог с Китаем в рамках тактики «сдерживания-вовлечения» и с Республикой Корея – в контексте укрепления «хаба безопасности» в АТР и, наконец, наращивания взаимодействия с малыми государствами региона и внерегиональными игроками для «балансирования» Китая. **Излишняя, но необратимая опора на США в реализации своих внешнеполитических задач в Восточной Азии будет способствовать дальнейшей маргинализации Японии как восточноазиатской державы в политическом смысле, а экономические проблемы на фоне экономических успехов Сеула и Пекина не позволят ей в среднесрочной перспективе восстановить статус ключевой экономической державы региона.** Справедливости ради следует отметить, что Токио и не подает сигналов о наличии у него таких амбиций.

* * *

Ситуация в Северо-Восточной Азии до 2020 года будет развиваться под воздействием двух ключевых тенденций: нарастания китайско-американской конкуренции, не приводящей к конфликту или конфронтации двух держав, и консолидации Китаем регионального порядка безопасности («концепция азиатской безопасности») и экономического порядка (стратегия «пояса и дороги»). Стабильность развития региона будет укрепляться за счет того, что в своей конкуренции за лидерство две державы будут сталкиваться с тремя видами ограничений: это самоограничение, ограничения, создаваемые ими друг другу, и ограничения, которые будут на них налагать государства, образующие региональную «среду» и с подозрением относящиеся к лидерским устремлениям обеих стран. Китай и США будут стремиться

по возможности избегать действий, которые могут «оттолкнуть» от них государства региона. Региональные конфликты (территориальные споры, тайваньский конфликт и конфликт на Корейском полуострове) также не смогут повлиять на общее состояние региональной безопасности, поскольку сохранившаяся в регионе система «динамической стабильности» имеет достаточный запас прочности для того, чтобы амортизировать его конфликтный потенциал, а укрепление и расширение (в первую очередь с участием Китая) сети институтов поддержания безопасности создает дополнительные гарантии его устойчивого развития.

Складывающаяся в АТР ситуация не дает России уникальных конкурентных преимуществ для укрепления своих позиций в регионе, однако серьезное осложнение отношений с государствами Запада неизбежно заставит Москву уделять больше внимания своим отношениям с государствами Восточной Азии.

Несмотря на традиционно дружественный и «стратегический» характер взаимодействия с КНР, отношения Москвы и Пекина во многих областях стагнируют. Китай, по сути, заинтересован в том, чтобы Россия и конфликт на юго-востоке Украины продолжали оставаться главным фокусом внимания США и отвлекали их внимание и ресурсы от Восточной Азии, и будет оказывать своему стратегическому партнеру стабильное, но ограниченное международное содействие, не присоединяясь к санкциям, но и не высказывая поддержку действиям России.

Одновременно с этим продолжится рост проникновения в Россию «дешевых» китайских кредитов – по аналогии с другими государствами стратегической периферии. Китай будет продолжать вкладывать средства в российскую транспортную инфраструктуру и, вероятно, промышленность, максимально используя потребности России в санкционном импортозамещении для освоения новых ниш российского рынка.

Также можно прогнозировать рост недекларируемых противоречий Пекина и Москвы в Центральной Азии, где соревнование интеграционных проектов будет набирать остроту. Москве следует сделать ставку на диверсификации своих политических и торговых партнеров в АТР, расширяя взаимодействие с государствами АСЕАН, заинтересованными в расширении числа значимых партнеров для балансирования влияния КНР.

АТР может также предоставить не обремененную политическими противоречиями площадку для перезапуска диалога с Вашингтоном, что будет весьма своевременно в контексте грядущих в США в 2016 году президентских выборов.

АТР, таким образом, останется для России значимой экономической и политической площадкой, которая позволит эффективно противодействовать попыткам ее международной изоляции, но больше сохранит для Москвы роль «запасного аэродрома», подтвердив ее статус европейской великой державы с жизненными интересами в Азии. Для обеспечения стратегических «прорывов» на азиатском направлении у Москвы нет ни достаточных ресурсов, ни готовых плацдармов – рациональной политикой в таких условиях станет сосредоточение усилий на ограниченном круге задач, решение которых может дать плоды уже в среднесрочной перспективе (расширение партнерства с КНР в сфере высоких технологий, углубление торгового и политического сотрудничества с государствами АСЕАН, нормализация отношений с Японией – последнее будет наиболее сложной задачей из-за фактора США).

Глава 9

Юго-Восточная Азия. Становление нового глобального игрока?

Сумский Виктор Владимирович – доктор исторических наук, директор Центра АСЕАН при МГИМО (У) МИД России. Сфера профессиональных интересов – проблемы внутривосточного развития стран Юго-Восточной Азии, состояние АСЕАН и ее отношений с Россией, международные отношения и проблемы безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона. Публикуется в научной и общественно-политической периодике России, а также за рубежом (в том числе в США, КНР, Индии, Индонезии,

Республике Корея, Малайзии, Сингапуре, на Филиппинах).

В 2017 году – то есть как раз в середине пятилетнего прогнозного периода 2015–2020 годов – Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) исполнится 50 лет. Если лидеры Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин, стоявшие у истоков АСЕАН, задумывались о том, что будет представлять собой их детище полвека спустя, то можно уверенно сказать: ничего похожего на путь, пройденный Ассоциацией за это время, они не предвидели. Создавая АСЕАН в разгар Второй Индокитайской войны, они прежде всего заботились о том, чтобы законсервировать противоречия и споры, разделявшие их страны, ради решения неотложной сверхзадачи – совместного противостояния «коммунистической угрозе» из тех районов Юго-Восточной Азии (ЮВА), которые были охвачены боевыми действиями, и, конечно, из «красного Китая». Было трудно вообразить, что этот последний в начале следующего столетия станет главным и незаменимым торгово-экономическим партнером Ассоциации, которая за счет приема новых членов (включая социалистический Вьетнам) превратится из «пятерки» в «десятку»³⁶ и обретет репутацию самого успешного проекта регионального сотрудничества в незападном мире.

Идти к успеху приходилось зигзагами, с вынужденными остановками, преодолевая то внутренние потрясения в отдельных странах, то неприятности транснационального масштаба (типа Азиатского кризиса конца XX – начала XXI века), а порой и сопротивляясь внешнему нажиму (как на этапе, когда членство Мьянмы в АСЕАН «оскорбляло в лучших чувствах» США и ЕС). Тем очевиднее, что феномен АСЕАН – не плод счастливого стечения обстоятельств, но результат последовательных усилий, и тем выше оценка достигнутого.

Что касается достижений как таковых, то главные из них состоят в следующем. Во-первых, на уровне отдельных стран – где-то раньше, где-то позже, но в целом практически везде по региону – удалось достичь такого качества государственного управления, которое обеспечило заметное ускорение социально-экономической модернизации. По данным Всемирного банка, в 2013 году совокупный ВВП стран – участниц АСЕАН составлял (в текущих ценах, по обменным курсам валют) 2,35 трлн долларов США (или 3,1 % от общемирового показателя; согласно тому же источнику, ВВП России достигал 2,09 трлн долларов США).

Во-вторых, при всем различии политических порядков (в диапазоне от абсолютной монархии в Брунее до демократии американского образца на Филиппинах и партийно-государственной системы ленинского типа во Вьетнаме), а также уровней хозяйственного развития, в ЮВА удалось существенно активизировать региональное экономическое сотрудничество. В настоящее время объем товарооборота между странами АСЕАН превышает 0,5 трлн долларов США. В конце 2015 года запланирован «запуск» Экономического сообщества АСЕАН, в котором инвестиционная и производственная деятельность, предложение товаров и услуг, перемещения рабочей силы и прочего будут регулироваться на основе единых норм.

В-третьих, руководствуясь как геополитическими, так и геоэкономическими соображениями, АСЕАН еще в 70-е годы прошлого века начала формировать систему так называемых диалоговых партнерств, позволяющих ей развивать взаимодействие с внерегиональными (прежде всего великими) державами. Если в годы «холодной войны» это были США, Япония и другие представители западного блока, то в 1990-е годы к их кругу присоединились Российская Федерация, КНР и Индия³⁷.

³⁶ Сегодня в состав АСЕАН наряду с Индонезией, Малайзией, Сингапуром, Таиландом и Филиппинами, основавшими Ассоциацию в 1967 г., входят Бруней (с 1984 г.), Вьетнам (с 1995 г.), Лаос (с 1997 г.), Мьянма (с 1997 г.) и Камбоджа (с 1999 г.).

³⁷ В настоящее время официальными диалоговыми партнерами АСЕАН являются Австралия, ЕС, Индия, Канада, КНР, Новая Зеландия, Республика Корея, Россия, США и Япония.

Практика установления и диверсификации диалоговых партнерств, год за годом работавшая на поддержание стабильности и экономического динамизма не только в ЮВА, но и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе, подготовила почву для закрепления принципа «центральной роли АСЕАН» в многосторонних инициативах, нацеленных на углубление экономической интеграции и поддержание мира в АТР. Согласно этому принципу, именно АСЕАН, от которой не исходят военные угрозы и которая не имеет возможности принуждать кого-либо к чему-либо, определяет повестку дня и координирует деятельность соответствующих структур. Так строится, в частности, работа форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ), Совещания министров обороны АСЕАН с коллегами из восьми стран-партнеров (СМОА+) и Восточноазиатских саммитов (ВАС). При этом АРФ³⁸, СМОА+ и ВАС³⁹ рассматриваются экспертным сообществом как ключевые элементы той «новой архитектуры безопасности», которая может сформироваться в АТР в обозримом будущем.

По замыслу АСЕАН экономическим фундаментом этой системы станет еще одна «асеаноцентричная» конструкция – Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП). В рамках этого проекта, анонсированного в 2012 году, зона свободной торговли АСЕАН должна быть интегрирована с пятью другими аналогичными зонами, которые Ассоциация либо уже создала, либо договорилась создать с Китаем, Японией, Республикой Корея, Индией, а также Австралией и Новой Зеландией (с последними двумя у АСЕАН подписано общее соглашение). По первоначальным намерениям этот процесс должен завершиться к концу 2015 года, но вполне вероятно, что эти сроки будут передвинуты как минимум на год-другой (а то и больше).

Так или иначе, очевидны не только успехи и устойчивость АСЕАН как организации, объединяющей страны ЮВА, но и ее немалый вклад в поддержание мира и экономического динамизма в АТР. С этой точки зрения (и с учетом колоссального значения АТР для глобальной экономики) правомерно видеть в АСЕАН не только регионального, но и глобального игрока, по сути дела, претендента на самостоятельную роль в формирующемся полицентричном мире. Однако есть и признаки того, что на пороге полувекового юбилея АСЕАН и практически все ее члены сталкиваются с вызовами, требующими от них высокого напряжения сил в решении текущих и перспективных задач.

Проблема экономического роста и политической напряженности

Во втором десятилетии XXI века в экспертно-дипломатических кругах заговорили о том, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе наблюдается «парадоксальная дихотомия» экономического динамизма и политической напряженности. С одной стороны, вопрос о том, перемещается ли в АТР «центр тяжести» мировой экономики, уже не стоит: именно здесь экономика продолжает расти, причем вполне приличными темпами⁴⁰. С другой стороны, здесь же множатся признаки политической неопределенности и нестабильности. Они отчетливо видны в ряде не самых отсталых стран, на уровнях двусторонних отношений между ними, субрегиональных подсистем и, наконец, всего АТР.

³⁸ Помимо всех членов АСЕАН и официальных диалоговых партнеров Ассоциации, в работе АРФ участвуют Бангладеш, Восточный Тимор, КНДР, Монголия, Пакистан, Папуа – Новая Гвинея и Шри-Ланка.

³⁹ Составы участников ВАС и СМОА+ идентичны: в этих форматах представлена асеановская «десятка», а также Австралия, Индия, КНР, Новая Зеландия, Республика Корея, Россия, США и Япония.

⁴⁰ Так, в 2013 г. прирост ВВП во Вьетнаме составил 5,4 %, в Индонезии – 5,8 %, на Филиппинах – 7,2 %, в Камбодже – 7,4 %, в Лаосе – 8,5 %.

До 2020 года эта тенденция получит дальнейшее развитие. Если исходить из неразрывной связи экономики и политики, то в ней нет ничего неожиданного и парадоксального. «Центр тяжести» глобальной экономики – это, по определению, также и «центр тяжести» глобальной политики. В регион, становящийся мотором глобальной экономики, устремляются предприимчивые игроки практически со всего света – в поисках тех исключительных выгод, которые возможны только в этой зоне. Между некоторыми из них устанавливаются отношения продуктивного сотрудничества, способствующие дальнейшему росту. Зато между другими завязывается конкуренция. Сталкиваются интересы, обостряется борьба за контракты и рынки, идущая при политической поддержке со стороны соответствующих государств. Получается, что интенсивность экономических процессов, идущих в регионе, способствует повышению его «политической температуры» и конфликтного потенциала.

Конкретизируя этот общий тезис применительно к АСЕАН, ее членам и партнерам, укажем прежде всего на симптомы политического неблагополучия на национально-государственных уровнях. В последние несколько лет едва ли не всякая избирательная кампания в странах Ассоциации – будь то Таиланд или Малайзия, Камбоджа или Индонезия, а отчасти даже Сингапур – дает пищу для размышлений о разногласиях внутри правящих элит, о конфликтах между властью и альтернативными элитами, между обществом и государством в целом. Массовые уличные противостояния с силами правопорядка периодически перерастают в попытки «цветных революций». Первопричина этих явлений – ускоренная модернизация, решающая одни проблемы, но порождающая другие, создающая новые социальные дисбалансы, разрывы и противоречия. Наряду с завышенными ожиданиями она стимулирует и протестные настроения (сфокусированные, в частности, на бурно расцветающей коррупции – неременном спутнике модернизации). Нелишне напомнить, что все это происходит в недрах этнически и конфессионально неоднородных обществ, где многие меньшинства чувствуют себя хронически обделенными, а политизация религии и этноса – в порядке вещей.

Политическим лидерам и общественности целого ряда стран предстоит откликнуться в 2015–2020 годах на такие внутренние проблемы, которые грозят лишь осложниться, если отклик не будет внятным, адекватным и своевременным. С тех пор как в Таиланде завязалась острая борьба между традиционной бангкокской элитой, тяготеющей к королевскому двору, и новобуржуазными группировками, ищущими поддержки непривилегированных слоев населения, миновало уже более 10 лет. Однако не похоже, что общество, обращенное к фундаментальным вопросам перераспределения власти и национального богатства и расколовшееся в своем отношении к ним сверху донизу, готово к компромиссу. Во всяком случае, организаторы военных переворотов 2006 и 2014 годов скорее глушили внешние проявления конфликта, чем занимались его причинами, и если так пойдет дальше, то рецидивы нестабильности вполне предсказуемы.

В Малайзии после парламентских выборов 2013 года вроде бы забрезжила «заря двухпартийной системы»: власть (в лице Национального Фронта, ядро которого составляет Объединенная малайская национальная организация) едва-едва одолела оппозицию (в лице межэтнической коалиции Пакатан Ракьят), чья популярность как никогда велика. Незадача в том, что на сегодняшний момент ни Национальный Фронт, словно бы утомленный бременем многолетнего правления, ни Пакатан, выглядящая как пестрое собрание временных «попутчиков», не производят впечатления надежных опор двухпартийности. Ни у власти, ни у оппозиции нет хорошего решения главной дилеммы местной политики – как быть с социальными привилегиями малайцев, закрепленными в конституции, если коренное население страны категорически не готово расставаться с ними, а некоренное (представленное китайцами и индийцами) настаивает на их отмене.

Чего ждать в 2015–2020 годах от крупнейшей страны ЮВА и традиционного лидера АСЕАН – Индонезии? Итоги президентских выборов 2014 года оставили в этом плане опять-таки двойственное впечатление. С одной стороны, победил, как и предсказывали,

Джоко (Джокови) Видодо – живая икона молодой индонезийской демократии, популист, показывающий всем своим поведением, что для него интересы нации неотделимы от интересов «простого человека». С другой стороны, в самый канун голосования запредельные рейтинги Джокови просели, а рейтинги его соперника Прабово Субиянто – отставного генерала и сторонника «решительных мер по наведению порядка» – выросли так, что перевес первого над вторым оказался весьма невелик. Плюс к этому Прабово сплотил вокруг себя парламентское большинство, и если не весь прогнозный период, то 2015 год вполне может быть отмечен противостояниями законодательной и исполнительной власти. Это отнюдь не добрый знак, тем более в такой непростой для управления стране, как Индонезия.

В ноябре 2015 года парламентские выборы ожидаются в Мьянме. Реформы последних 3–4 лет, связанные с отходом военных от прямого участия в управлении государством и переходом к рынку, создали сравнительно более благоприятные условия для деятельности оппозиции. Учитывая это, не исключено, что она успешно выступит на выборах. В какой степени критики правительства готовы не только к привлечению избирателей на свою сторону, но и к слаженной и конструктивной работе по продолжению реформ, установить трудно. Равным образом не ясно, способны ли они поддержать государственную целостность Мьянмы, на национальных окраинах которой редко царит спокойствие.

Во Вьетнаме, где бурное развитие рыночных отношений пока не приходит в явное противоречие с существующими политическими порядками, верховенство Компартии в рамках прогнозного пятилетия должно сохраниться. Тем не менее уже сейчас вопрос о том, в каком направлении и какими темпами могла бы меняться политическая система СРВ, дабы на этапе ускорения модернизации страна не споткнулась и не растеряла своих достижений, становится одним из основных для руководителей Вьетнама.

«Стратегическое недоверие» внутри АСЕАН

Далека от идиллии и ситуация внутри самой АСЕАН, характеризующаяся, как выражаются в регионе, «ростом стратегического недоверия». Знамение времени – размораживание многочисленных территориальных и пограничных споров между ее членами, отложенных когда-то в интересах совместного противостояния коммунизму, но сегодня вновь осложняющих (если не отравляющих) отношения стран-соседей. Кажется, претензий этого рода не предъявляют друг другу только те, у кого (как, например, у Лаоса и Сингапура) нет общей границы. Самый болезненный и широко разрекламированный случай – многосторонний спор относительно принадлежности островных территорий в Южно-Китайском море и доступа к природным ресурсам этой акватории. В связи с данной проблемой четыре страны – участницы АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Малайзия и Филиппины) «выясняют отношения» не только между собой, но также с Тайванем и, главное, с Китаем. Тем временем страны Индокитая ищут, но часто не находят взаимопонимания в вопросе о совместной эксплуатации хозяйственного потенциала Меконга. Практически у всех стран ЮВА возникают мотивы для наращивания арсеналов, модернизации военных машин, полицейских формирований и спецслужб. Хотя призывы к развитию регионального сотрудничества звучат из уст официальных лиц ежедневно и по многу раз, все страны асеановской «десятки» переживают подъем националистических настроений – причем на самых разных общественных «этажах».

Подобным же образом складывается обстановка по периметру АСЕАН, на уровне АТР: на словах, а в каком-то (экономическом) смысле и на деле, все великие и средние державы из числа диалоговых партнеров Ассоциации вроде бы настроены на конструктивный, «интеграционный» лад. Однако в политических отношениях между рядом важнейших игроков – в первую очередь США и Китаем, Китаем и Японией – продолжает накапливаться негатив. Не углубляясь в проблематику американо-китайского соперничества, отметим, что его дальнейшее и неуклонное нарастание было бы настоящим кошмаром для АСЕАН. Ведь

односторонний выбор в пользу какой-либо из этих двух держав равнозначен отказу от той самостоятельной, «центральной роли» в АТР, исполнение которой само по себе консолидирует АСЕАН. К фактической утрате этой роли привел бы и внутренний раскол в Ассоциации на «друзей Америки» и «друзей Китая». Между тем перспектива подобного раскола просматривается уже не только внутри АСЕАН, но и внутри отдельных стран-участниц: и у Вашингтона, и у Пекина есть свои сторонники в местных политических и деловых элитах⁴¹.

Подчеркнем, что самый тревожный аспект происходящего связан с взаимным наложением трендов, обрисованных выше. Их «негативной синергии» в пределах прогнозного пятилетия способствует надлом существующего миропорядка, пришедшийся на 2014 год. О том, каким образом события на треке «США – ЕС – Украина – Россия», обрушившие систему региональной безопасности в Европе, могут отозваться в АТР и ЮВА, будет кратко сказано ниже. В связи с рождением Исламского государства на территориях Ирака и Леванта мусульманским странам ЮВА уже пророчат новый подъем религиозно окрашенного экстремизма.

Удержит ли АСЕАН свою «центральную роль»?

Слишком многое говорит о высокой вероятности того, что в АТР, как и в мире в целом, движение от однополярности к полицентризму, носившее до последнего времени более или менее эволюционный характер, может перейти в качественно иную – прорывную, конфликтную или, называя вещи своими именами, революционную – фазу. К несчастью для АСЕАН и ее членов, это не то, к чему они готовили себя до последнего времени.

В 1990-е годы, делая заявку на создание «новой архитектуры» безопасности в АТР, лидеры АСЕАН более или менее исходили из того, что:

- лучшая гарантия общей безопасности стран региона – отношения растущей и углубляющейся экономической взаимозависимости между ними;

- с прекращением биполярного противостояния сверхдержав теряют свое былое значение традиционные, военно-политические угрозы и лейтмотивом сотрудничества в сфере безопасности становится совместная борьба с угрозами нетрадиционными – вспышками новых заболеваний, изменением климата, чрезвычайными ситуациями, возникающими ввиду природных и техногенных катастроф, морским пиратством и пр.;

- важнейшая форма борьбы за мир – поддержка демократии повсюду в мире, ибо в мире, где восторжествует демократия, не будет войн.

В сущности, деятельность АРФ, СМОА+ и ВАС – диалоговых платформ, на которых АСЕАН реализует свою «центральную роль», – до сих пор вдохновляется этими посылами, хотя аргументы в пользу того, что они небезупречны, копились и множились как минимум с начала XXI века. Предельную ясность в этот вопрос внесли события 2014 года, показавшие, что:

- экономическая взаимозависимость не страхует от конфликта, в основе которого лежит геополитический антагонизм;

- традиционные угрозы безопасности на то и традиционные, чтобы оставаться константой мировой политики, новые же угрозы опасны не столько сами по себе, сколько в комбинации с военно-политическими;

- развязывание войн не является проблемой для США, если с точки зрения американских элит это нужно для защиты их мировой гегемонии.

⁴¹ В кругу диалоговых партнеров АСЕАН раздвоенность между США и Китаем поразила Австралию. В то время как ее государственные мужи, военные и разведчики по-прежнему видят свою страну в роли «помощницы американского шерифа» в АТР, австралийский бизнес (в частности, горнодобывающие компании), извлекающий огромные выгоды из масштабных поставок на рынок КНР, становится твердым сторонником дальнейшего развития отношений с Китаем.

Необходимость корректировки той «философии безопасности», которой придерживается АСЕАН, – не единственная проблема, возникающая в связи с деятельностью АРФ, СМОА+ и ВАС. Не менее, если не более, важно, что упомянутые образования пока что не имеют официальных каналов связи и обмена информацией, не координируют свою деятельность и в этом смысле являются разве что «элементной базой» региональной системы безопасности. До системы как таковой здесь еще далеко – со всеми вытекающими последствиями для способностей этой тройки реально препятствовать процессам дестабилизации региона, когда – и если – они пойдут по нарастающей.

Сказанное побуждает заключить, что в ближайшие пять лет от АСЕАН потребуются нетривиальные меры для удержания своей «центральной роли» в АТР и для объединения в систему тех элементов «новой архитектуры безопасности», которые наличествуют в регионе сегодня. Иначе правомерно ожидать прогрессирующей утраты «центральной роли» и отмирания если не всех, то некоторых элементов «новой архитектуры» (прежде всего АРФ), не говоря уже о том, что реальной политической инициативой завладеют великие державы.

Впрочем, даже такой поворот событий не означает, что у АСЕАН нет будущего как у субъекта полицентричного мира. Очень многое зависит от того, как и чем разрешится соперничество великих держав. И в этой связи – при всей кажущейся маргинальности «украинской проблематики» для АТР и при отнюдь не первостепенной роли России в делах региона – имеет смысл подчеркнуть: развязка противостояния Россия – Запад на почве украинского кризиса непременно скажется на судьбах АТР и АСЕАН.

Значение украинского кризиса для АТР

Стремясь переоформить глобальную гегемонию США, администрация Барака Обамы выдвинула двуединый проект, предполагающий создание гигантских зон свободной торговли – Трансатлантического партнерства, связывающего Америку с Евросоюзом, и Транстихоокеанского партнерства, в которое Соединенные Штаты вовлекают группу азиатских государств (включая четыре страны АСЕАН – Бруней, Вьетнам, Малайзию и Сингапур, но не Китай). В обоих проектах роль «гендиректора» отводится Вашингтону, и оба продвигаются пока с натугой – как по причине того, что слишком явно скроены под американские интересы, так и из-за того, что в последние два десятилетия серьезно укрепилось, с одной стороны, взаимодействие Европы с Россией, а с другой – взаимодействие Азии с Китаем. Отсюда – необходимость принимать комплексные политико-экономические и информационные меры, нацеленные на отсечение Европы от России (их кульминация – события на Украине), а Китая – от Азии (через эксплуатацию проблематики территориальных споров в Южно-Китайском море и пр.).

Осложняя свои отношения с РФ и КНР одновременно, США сами подталкивают эти две державы навстречу друг другу. Видимо, до недавнего времени американцы исходили из того, что Россия и Китай не готовы реально координировать усилия по противодействию гегемонии США. 2014 год наглядно показал, что этот взгляд ошибочен. Налицо ситуация, в которой, при сохранении нынешнего уровня взаимодействия между РФ и КНР, попытки «изолировать» или «сдерживать» любую из этих сил не дают ощутимого результата. Судя по риторике и образу действий США, в Вашингтоне сделан вывод, что пора «разобраться» с российско-китайской связкой, «изъяв» из нее РФ как более слабую величину, с которой у США нет серьезной экономической взаимозависимости и которой можно наносить какой угодно ущерб без ущерба для себя.

Первый этап этой операции – отрыв Украины от РФ с помощью Евросоюза, и особенно Германии. Далее планируются возбуждение в России массового недовольства через экономические санкции и манипуляции ценами на нефть, экспорт «цветной революции» в украинском варианте и «смена режима». Венец всего этого – перевод РФ под внешнее управление по украинской модели.

После этого Америка сможет уже вплотную заняться своим главным противником. На северных границах Китая возникнет принципиально новая и крайне неприятная для него ситуация. Выйдя на выигрышные геополитические позиции, Вашингтон постарается не только продать Транстихоокеанское соглашение о свободной торговле, но и форсировать создание в АТР многостороннего военно-политического союза как гаранта своего доминирования – на чем и закончится «центральная роль» АСЕАН.

Пусть те, кто сочтет подобную схему «страшилкой», признают одну простую вещь: она ничуть не страшнее и не фантастичнее того, что Белый дом, ЦРУ и госдепартамент сотворили с Украиной, опираясь на помощь тамошних националистов, частных военных компаний США и восточноевропейских (как и западноевропейских) русофобов.

Даже если вероятность столь крутого поворота в мировых делах незначительна, продумывать такие сценарии до логического конца весьма полезно – хотя бы для того, чтобы уяснить их полную неприемлемость и для самой России, и для ее азиатских партнеров. Успех американцев был бы равнозначен жесточайшему удару по современной российской государственности, радикальному осложнению внешних условий развития КНР и ограничению ее потенциала как лидера модернизирующейся Азии. Перспектива становления полицентричного мира была бы смазана на неопределенное время – с явным ущербом для всех, кто связывал с ней известные надежды, включая АСЕАН.

Предотвращение этой национальной, региональной и геополитической катастрофы потребует от России колоссальной самоотдачи, в том числе качественного приращения экономического потенциала путем активного сотрудничества с Азией. В случае успеха Россия получит призы в виде выхода на новый уровень мирополитического влияния; существенного укрепления своих позиций в стратегическом партнерстве не только с Китаем, но и с АСЕАН; роли одного из основоположников полицентричного мира и регуляторов отношений в нем.

Общее впечатление таково, что в пределах прогнозного периода у России достанет политической воли, материальных и интеллектуальных ресурсов, чтобы отстоять свои коренные интересы и поддержать позитивную динамику развития в ЮВА и АТР.

Глава 10

Северная Америка. Преследователи сокращают разрыв

Истомин Игорь Александрович – американист, кандидат политических наук (2012). Аналитик агентства «Внешняя политика». Старший преподаватель кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России, ответственный секретарь журнала «Международные процессы». Автор работ по внешней политике США, трансатлантическим отношениям, российско-американскому взаимодействию.

Ключевой задачей внешней политики США на ближайшую пятилетку останется адаптация американской гегемонии к меняющемуся в глобальном масштабе соотношению экономических сил. Доля США в мировой экономике с начала 2000-х годов неизменно снижается на фоне форсированного роста широкой группы развивающихся стран. Экономическое богатство сегодня распределяется более равномерно по миру, чем это было в последние десятилетия и даже столетия, на фоне подъема широкого круга стран Азиатско-Тихоокеанского региона, а также формирования мощных региональных лидеров в других частях мира.

В то же время основную обеспокоенность Вашингтона вызывает ускоренное развитие одного потенциального конкурента. За последние несколько лет Китай последовательно обошел Соединенные Штаты по потреблению энергии, объему промышленного производства, участию в международной торговле. Наконец, в 2014 году Пекин обогнал Вашингтон по размеру экономики в пересчете по паритету покупательной способности.

США по-прежнему существенно опережают КНР по объему ВВП в пересчете на доллары по текущему обменному курсу (больше чем на треть). В то же время

при сохранении нынешних тенденций до конца десятилетия Китай вплотную приблизится к Соединенным Штатам и в этом отношении. Нельзя исключать даже, что ему удастся обойти их к 2020 году, хотя текущее замедление роста китайской экономики снижает вероятность такого развития событий.

Более того, замедление роста, а в некоторых случаях и снижение ВВП в большинстве стран БРИКС (за исключением Индии) может стимулировать соперничество между ними и «восходящими» странами «второго эшелона» (Вьетнамом, Индонезией, Малайзией, Мексикой, Турцией и др.). Подобная диффузия экономической мощи окажется на руку Соединенным Штатам.

Тектонические изменения в структуре мирового хозяйства не означают автоматической утери США преобладающих позиций в глобальной политике. Их материальные, институциональные и идейные основы подвергаются постепенной эрозии, но остаются достаточно устойчивыми.

В среднесрочной перспективе сохранение подобного положения представляется весьма вероятным. Американское лидерство в мировой экономике определяется не только и не столько долей в мировом валовом продукте, сколько их научно-технологическим лидерством, доминирующей ролью на рынках услуг (прежде всего финансовых), а также уникальным положением главного мирового потребителя товаров и капиталов. На среднесрочную перспективу такая ситуация сохранится. Несмотря на усилия восходящих стран по развитию научных разработок, укреплению национальных финансовых институтов и стимулированию внутреннего потребления, эрозия американского преобладания в этих трех сферах будет происходить медленнее, чем снижение их доли в мировом производстве.

В среднесрочной перспективе можно даже ожидать укрепления позиций США в мировой финансовой системе за счет ослабления позиций общеевропейской валюты. В условиях сохраняющейся слабости экономики ЕС значение доллара как основной мировой платежной единицы и единицы сбережения может даже несколько возрасти. Валюты стремительно развивающихся государств, в том числе Китая, лишь к концу десятилетия могут начать превращаться в заметный компонент международной финансовой архитектуры, наращивая свою долю в торговых расчетах, но не в качестве инструмента сбережения финансовых резервов.

Одновременно США остаются ведущей военной державой, сохраняющей колоссальное преимущество над преследователями в сфере конвенциональных вооружений. В 2013 году оборонные расходы США составляли 37 % от общемировых. США остаются единственной страной в мире, способной проецировать силу в глобальном масштабе путем реализации широкого спектра боевых операций. Наличие ядерного оружия, и прежде всего сохранение стратегического паритета с Россией, ограничивает американское качественное преобладание в обычных вооружениях, но связывает их свободу рук лишь в отношении небольшого числа реальных и потенциальных конфликтов.

Между тем пик наращивания военной мощи США пройден. С 2001 по 2010 год военные расходы в США выросли на 40 %. В соответствии с согласованной в 2011 году программой снижения бюджетного дефицита в течение десятилетия, напротив, запланировано сокращение общих американских затрат на оборону на 812 млрд долларов. До последнего времени оно обеспечивалось прежде всего за счет завершения операций в Ираке и Афганистане, которые генерировали существенную часть расходов Пентагона на протяжении последнего десятилетия.

В реальном же выражении предполагается даже незначительное наращивание базового бюджета Министерства обороны в период с 2013 по 2021 год в среднем на 0,3 % с учетом инфляции⁴². Оно будет означать постепенное снижение доли военных расходов в ВВП ниже

⁴² Approaches for Scaling Back the Defense Department's Budget Plans // Congressional Budget Office. March 2013. https://www.cbo.gov/sites/default/files/43997_Defense_Budget.pdf

средних исторических показателей. Фактическое стагнирование военных расходов США приведет к тому, что разрыв между ними и ближайшими преследователями сократится. Если в 2011 году оборонный бюджет США в 3,5 раза опережал совокупные затраты КНР и России, то к 2021 году разрыв станет меньше чем в два раза. При этом ожидается, что Китай продолжит тратить на оборону существенно меньшую долю национального богатства, чем Соединенные Штаты.

Не менее важно, что выделяемое финансирование не позволит реализовать все запланированные программы. В этих условиях можно ожидать снижение расходов на наиболее сложные проекты, рассчитанные на долгосрочную перспективу, в том числе глобальную систему ПРО и проект «молниеносного глобального удара». Кроме того, уже сегодня реализуется программа сокращения численности американских вооруженных сил на 90 тыс. человек до 2017 года. Одним из наиболее обсуждаемых сегодня источников экономии становится сокращение расходов на социальное обеспечение военнослужащих и ветеранов. В то же время подобные меры способны снизить уровень престижа военной службы и качество призывников.

Существенным элементом политики оборонной экономии может стать изменение географии глобального военного присутствия США. Так, на 2015 год запланировано закрытие 15 американских военных баз в Европе. В этих условиях Пентагон отходит от традиционной модели размещения постоянных контингентов на собственных объектах за рубежом. В обозримом будущем он будет делать большую ставку на совместное с союзниками и привилегированными партнерами использование военной инфраструктуры на их территории. При этом присутствие американских военных будет обеспечиваться на ротационной основе. Подобная практика уже широко опробована в Центральной и Восточной Европе, где США имеют возможность использовать ряд объектов в Болгарии, Польше и Румынии на основании двусторонних договоренностей, а также в Прибалтике – в рамках НАТО.

Вместе с тем в новых условиях американские вооруженные силы в еще большей степени, чем сегодня, будут полагаться на воздушный и морской компоненты военной мощи, а также использование специальных сил. Они также будут сохранять существенное превосходство в командно-штабном, разведывательном, техническом обеспечении перед вооруженными силами других стран. В этом отношении они сохраняют широкий спектр средств поддержки партнеров в конфликтах даже без непосредственного вовлечения в боевые операции. При этом в среднесрочной перспективе они могут фактически утратить способность осуществлять крупные сухопутные экспедиционные операции по аналогии с войнами в Афганистане и Ираке.

Дальнейшая эволюция американских вооруженных сил в соответствии с описанным базовым сценарием будет прежде всего зависеть от прогресса КНР в развитии собственных вооруженных сил. Нарастание китайского военного и особенно военно-морского потенциала и ускорение гонки вооружений в Азиатско-Тихоокеанском регионе могут привести к концу десятилетия к отказу Вашингтона от сдерживания военных расходов.

Некоторое влияние на этот процесс может оказать и борьба внутривластных сил в США. Дальнейшее усиление позиций республиканцев, обретение ими контроля над исполнительной властью станет стимулом к ослаблению мер оборонной экономии или более агрессивному наращиванию военных расходов в случае обострения «китайской угрозы».

Институты американского преобладания

На фоне сохранения материальных основ преобладания США еще более устойчивыми представляются их институциональные возможности. Соединенные Штаты продолжают опираться на широкую сеть военных альянсов, как многосторонних (НАТО), так и двусторонних (с Австралией, Израилем, Саудовской Аравией, Филиппинами, Южной

Кореей, Японией). Де-факто союзниками США без приобретения официального статуса остается ряд стран Латинской Америки, прежде всего Мексика и Колумбия. В последние годы **Вашингтон крайне избирательно подходит к расширению своих союзнических обязательств, активно укрепляя отношения приоритетного партнерства со значимыми региональными игроками**, прежде всего в Азии (в том числе с Индией и Вьетнамом). Изменения этого подхода в среднесрочной перспективе ждать не приходится.

В последнее время существенно затормозился процесс присвоения статуса «основного союзника вне-НАТО» привилегированным партнерам США. Хотя он не соответствует критериям традиционного военно-политического альянса (в частности, не предполагает юридических гарантий помощи на случай нападения), в 2000 - х годах он активно использовался для поощрения значимых региональных игроков, поддерживавших реализацию стратегии Вашингтона. Тем не менее сегодня предпочтительными считаются менее обязывающие формы кооперации. Подобный подход стимулирует неопределенность относительно реальной степени вовлеченности Вашингтона в партнерство.

Несмотря на прошедшее в 2010 году перераспределение квот во Всемирном банке, Соединенные Штаты по-прежнему контролируют более 16 % голосов. Президентом Всемирного банка по традиции неизменно становится представитель США. Еще больше их доля в Международном валютном фонде (более 17 %), реформирование которого блокирует американский конгресс. Можно ожидать в ближайшие годы наращивания давления на США со стороны «восходящих» стран в отношении реализации уже принятых решений и проведения дальнейшего перераспределения влияния в международных финансовых институтах. При этом вряд ли они станут претендовать на ослабление позиций самих Соединенных Штатов (тем более что их официальная доля ниже, чем размеры экономики). Скорее, будут стремиться нарастить свое участие во Всемирном банке и МВФ за счет европейских государств и Японии.

Поиск баланса между поддержкой традиционных союзников и удовлетворением амбиций восходящих центров силы представляется центральной проблемой американской политики в отношении преобразования глобальной системы финансового регулирования. Реализация согласованных в отношении реформирования МВФ мер может породить новые требования со стороны развивающихся государств – вплоть до снижения совокупной квоты развитых стран ниже психологически важной отметки в 50 %. В то же время ожидать перераспределения голосов и полномочий до 2020 года не стоит.

Одновременно с удержанием позиций в глобальных институтах Соединенные Штаты сохраняют существенные возможности влияния на деятельность региональных банков развития в Европе, Азии, Латинской Америке и Африке, в капитал которых они входят (ЕБРР, АзБР, АБР). В последние годы активизировались попытки развития альтернативных финансовых механизмов без участия США (прежде всего Новый банк развития БРИКС, Евразийский банк развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций). В то же время их деятельность остается привязана к финансированию проектов в относительно узком кругу стран-участниц, а финансовые ресурсы весьма ограничены. Их возникновение мало влияет на поддержание доминирования США в мировой финансовой системе.

Положение в финансовых институтах представляется отражением более широкого состояния американского институционального присутствия. Наряду с участием в работе глобальных центров принятия решений (Совета Безопасности ООН, «группы двадцати», «группы семи»), США входят в значимые организации в трех региональных подсистемах – Европе (НАТО, ОБСЕ), Азии (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, Восточноазиатский саммит, Региональный форум АСЕАН) и Латинской Америке (Организация американских государств). Такое положение обеспечивает им возможность активно отстаивать интересы в ключевых для них регионах.

Параллельно продолжается развитие консультативных механизмов и организаций в экономической и политической сфере, в которые доступ США закрыт (прежде всего

БРИКС, ШОС, УНАСУР, СЕЛАК, АСЕАН+3). Возможно также появление новых региональных и трансрегиональных объединений по линии Юг – Юг. Тем не менее значение этих структур в большинстве случаев будет оставаться локальным. Укрепление наиболее весомых подобных объединений БРИКС и ШОС будет происходить эволюционно, что позволит США успешно адаптироваться к их присутствию.

Можно наблюдать развитие противоречивых процессов в Организации Объединенных Наций. С одной стороны, за время правления нынешней демократической администрации США сумели восстановить и существенно укрепить свои позиции в ООН. В том числе они вошли в Совет по правам человека, работу которого ранее игнорировали, вместе со своими союзниками добились принятия ряда резолюций в отношении приоритетных для себя конфликтных ситуаций (в том числе по Ливии и Ирану), обеспечили лояльность секретариата организации. В то же время им не удалось провалить принятие ряда значимых для себя резолюций (например, направленных на международную делегитимизацию сирийского режима) или остановить «ползучее» расширение признания Палестины. С учетом опыта последних лет можно ожидать, что США сохранят способность организовывать существенную поддержку своих инициатив в Генеральной Ассамблее, Совете по правам человека и других органах, но продолжат сталкиваться с трудностями в проталкивании выгодных для них резолюций в Совете Безопасности, где им приходится сталкиваться с оппозицией России и Китая.

Вместе с тем по следам украинского кризиса США получили возможность консолидировать развитые страны в рамках «группы семи». Нельзя исключать формирование и более широких координационных структур развитых стран под американским лидерством.

В то же время **основным инструментом мобилизации международной поддержки в период кризисов продолжают оставаться временные коалиции, создаваемые под конкретные кризисы** (по аналогии с тем, как это было в отношении Ирака, Ливии, Сирии, ИГИЛ). Задействование таких механизмов повышает гибкость американской политики и позволяет им избегать обострения противоречий с союзниками и партнерами, придерживающимися особой позиции по отдельным проблемам.

Важнейшим аспектом американского преобладания в мировой системе останется их **способность оказывать фундаментальное идейно-политическое воздействие на международную среду**. Подобное влияние реализуется в трех основных формах: непосредственно информационное воздействие на зарубежные общества, программирующее лидерство и формирование прототипируемых моделей.

Развитие глобального телевидения, Интернета, сетевых социальных сервисов обеспечило американских правительственных и неправительственных субъектов масштабными возможностями участия в формировании национального дискурса в зарубежных странах, как по вопросам развития отношений с Соединенными Штатами, так и касательно их внутренней политики. Иницируемые Россией и Китаем попытки формирования международного режима обеспечения информационной безопасности направлены на серьезное ограничение таких возможностей трансграничного воздействия.

Несмотря на то что требования интернационализации Интернета и разграничения его на национальные зоны в среднесрочной перспективе вряд ли будут реализованы, **можно ожидать сокращения способности США оказывать влияние на зарубежные общества**. Оно будет определяться продолжением уже сформировавшейся тенденции на развитие конкурирующих потенциалов другими международными игроками, причем как государственными (в частности, Китаем, Россией, арабскими государствами), так и негосударственными (например, мировое исламистское движение).

В этих условиях можно ожидать активизации попыток Соединенных Штатов по укреплению международного взаимодействия в отдельных областях обеспечения кибербезопасности. Прежде всего их интересуют вопросы защиты критической инфраструктуры, борьба с кибершпионажем, а также деятельность террористических

и преступных сообществ в Интернете. В частности, в 2014 году на саммите НАТО при поддержке США защита киберпространства участников альянса была признана неотъемлемой частью его коллективной обороны. В 2015 году США и Великобритания планируют провести первые совместные учения, в рамках которых будет отрабатываться ответ на масштабную кибератаку на финансовый сектор.

По перечисленным вопросам США готовы не только укреплять сотрудничество с другими англосаксонскими странами (Австралией, Великобританией, Канадой, Новой Зеландией) и союзниками по НАТО, но даже взаимодействовать с потенциальными оппонентами в информационной сфере (в частности, уже достигнуты договоренности о «мерах доверия» с Россией и Китаем). Одновременно США продолжают наращивать свой потенциал в сфере ведения кибервойн, в том числе для проведения наступательных операций в этой сфере.

Большее значение оказывает сохраняющаяся способность США формировать повестку дня международной политики. Несмотря на то что Соединенные Штаты нередко отказываются от выполнения правил, которые сами инициировали, они продолжают определять приоритетность проблем, становящихся предметом обсуждения других мировых игроков. Подобная способность фокусировать внимание международного сообщества на тех вопросах, которые им интересны, получили название программирующего лидерства. Китай, Россия и даже Европейский союз в среднесрочной перспективе не смогут предложить конкурентоспособную альтернативу американской повестке дня.

Одновременно формируемые США институты и практики в экономической, социальной и даже в политической жизни сохраняют свою привлекательность для значительного круга стран и обществ. Даже государства, выступающие в качестве потенциальных или реальных оппонентов мирового порядка, навязываемого Соединенными Штатами (такие, как Китай, Россия, Индия, Бразилия), стремятся заимствовать американскую модель инновационной системы, организации вооруженных сил и ведения боевых действий, концепции «мягкой» и «умной» силы.

Через пять лет разрыв по большинству описанных показателей между Соединенными Штатами и другими государствами в большей или меньшей степени снизится, но он будет оставаться достаточным для сохранения преобладающих позиций в мировой политике и экономике. При этом значение отдельных компонентов американской гегемонии изменится. Материальное доминирование США продолжит снижаться, прежде всего в экономической сфере, но также и в военной. Их институциональные позиции останутся твердыми и мало поменяются в обозримой перспективе.

Попытки сформировать конкуренцию американскому идейному лидерству уже предпринимаются и в среднесрочной перспективе, вероятно, приобретут несколько больший масштаб. Вместе с тем они вряд ли способны осязаемо снизить привлекательность американской модели, пока сохраняется существенный разрыв в уровне жизни между развитыми и развивающимися странами.

Меняющийся социальный ландшафт в Соединенных Штатах

Соединенные Штаты остаются крупнейшей по численности населения развитой страной, в которой проживает более 320 млн человек. В общемировом сравнении она уступает только Китаю и Индии (правда, существенно – в три и более раз). При этом по сравнению со значительным числом европейских стран, США отличаются достаточно высоким уровнем рождаемости, в том числе среди белого населения. В результате для них характерна незначительная естественная убыль населения, которая с лихвой компенсируется иммиграционным приростом. Таким образом, общая численность продолжает расти.

В среднесрочной перспективе изменение облика американского общества будет определяться двумя основными тенденциями:

- увеличением численности пожилого населения;

– ростом доли этнических меньшинств.

Обе носят долгосрочный характер. Они наблюдаются на протяжении нескольких десятилетий, и их сохранение прогнозируется до 2020 года и далее. В то же время в ближайшие пять лет их развитие будет иметь ряд существенных экономических и политических последствий.

Прежде всего, процесс выхода на пенсию поколения «бэби-бумеров» ускорится. Период с конца 1940-х по середину 1960-х годов характеризовался наиболее высоким уровнем рождаемости в США. Значительная часть американцев, родившихся в этот период, уже находится на пенсии, и в ближайшее десятилетие уход этого поколения из активной трудовой деятельности должен в большинстве своем завершиться. Этот процесс грозит существенными и противоречивыми социально-экономическими и политическими последствиями. Прежде всего в среднесрочной и долгосрочной перспективе ожидается существенное повышение нагрузки на систему социального обеспечения и здравоохранения США. Она превратится в основную причину роста бюджетных обязательств.

Политические предпочтения пожилых избирателей зачастую более консервативны, они в большей степени будут ориентироваться на ценности и подходы Республиканской партии. Кроме того, значительная часть активной трудовой деятельности поколения «бэби-бумеров» пришлась на период стремительного роста американской экономики (в периоды правления администраций Рональда Рейгана, и особенно Уильяма Клинтона). В результате его представители накопили существенные финансовые ресурсы, которые способны позволить обеспечить им комфортный уровень потребления в пенсионные годы. Сохранение высокого уровня жизни у существенной доли представителей старшего поколения будет также способствовать укреплению их консервативной ориентации. Инвестирование и постепенное расходование этих сбережений будет обеспечивать их дальнейший вклад в поддержание экономического роста в США.

На фоне старения белого населения в США стремительно увеличивается численность этнических меньшинств, причем не столько за счет иммиграции, сколько благодаря естественному приросту. Если в общей численности населения их доля остается меньше 30 %, в возрастной когорте молодых и наиболее экономически активных (от 18 до 35 лет) она превышает 40 %. Более того, в 2011 году количество новорожденных у представителей меньшинств впервые превысило аналогичный показатель у белых. К 2060 году ожидается, что белое население, все еще оставаясь большинством, будет составлять менее 50 %. При этом наиболее быстро растущей группой являются люди латиноамериканского этнического происхождения. Несмотря на рост числа межрасовых и межэтнических браков, гетерогенность американского общества продолжает возрастать.

Последняя тенденция связана, в том числе, с существенными различиями между самими этническими меньшинствами. В частности, небольшой, но устойчивый рост наблюдается среди граждан США азиатского происхождения, чья численность в среднесрочной перспективе будет оставаться в районе 5 %. При этом статистически она самая богатая этническая группа, по среднему уровню доходов опережающая даже белое население. Между тем крупнейшая среди небелого населения испаноязычная община представляет в первую очередь менее обеспеченные слои. В среднесрочной перспективе она останется самой быстрорастущей группой американского населения, а ее доля превысит четверть от общей численности населения.

Потребности испаноязычных и афроамериканских слоев существенно отличаются от интересов белого и азиатского населения США. Они в большей степени заинтересованы в обеспечении социальной справедливости за счет повышения оплаты труда и государственных вложений в среднее и высшее образование. В то же время на бытовом уровне существенное значение имеют противоречия между представителями испаноязычного и афроамериканского населения в связи с конкуренцией за рабочие места.

В результате текущих демографических тенденций наметится более явный раздел между пожилым и богатым белым населением, с одной стороны, и более молодыми и менее

обеспеченными представителями меньшинств – с другой. Причем количественный рост последних будет означать повышение их значения в политической жизни. Уже в ходе последних двух президентских выборов голоса меньшинств решали судьбу электоральной гонки. В будущем представителям обеих партий придется прислушиваться к их предпочтениям.

Если в прошлые десятилетия республиканцы практически безропотно отдавали Демократической партии поддержку афроамериканского и испаноязычного населения, в последнее время они все более активно борются за их поддержку. Уже на президентских выборах 2016 года они постараются оттянуть значительную долю голосов «латинос», хотя устоявшиеся стереотипы и необходимость сохранить традиционную консервативную базу будут ограничивать их возможность маневра.

К концу десятилетия можно ожидать увеличения их возможностей в этом отношении на фоне **снижения влияния протестантско-традиционалистских сил на национальную политику**. На протяжении последних десятилетий представители евангелистских деноминаций составляли важную часть электорального ядра Республиканской партии, подталкивая ее к отстаиванию крайне консервативных позиций. В среднесрочной и долгосрочной перспективе можно ожидать как небольшого снижения доли верующих в США, так и эрозию их политической мобилизации вокруг защиты традиционалистских ценностей.

Важнейшим вопросом социальной повестки дня в США в ближайшие годы станет сохраняющееся и растущее экономическое неравенство. Тенденция увеличения разницы доходов между высшими и низшими в США сохраняется с первой половины 1990-х годов. Вместе с тем в последние годы наметилось обострение проблемы социального неравенства. В результате средний класс США сталкивается сегодня с относительным снижением уровня жизни. Среди его представителей растут опасения, что эта тенденция сохранится и будущее поколение не сможет сохранить нынешний уровень комфорта. В отличие от высших слоев, которые смогли заработать на восстановлении экономики, и менее обеспеченных граждан, которые получили доступ к растущим социальным программам благодаря политике демократов, именно средний класс в наименьшей степени почувствовал выгоды от деятельности администрации Барака Обамы. С этим связано его глубокое разочарование в ней.

Несмотря на то что **вероятность общественного взрыва в результате роста неравенства в США остается низкой, уровень социальной напряженности в стране в ближайшие годы продолжит расти**. Хотя распространенный миф об «американской мечте» сохраняет привлекательность, социальные лифты в стране, по сути, стагнируют.

Подобная ситуация создает широкие возможности для популизма со стороны представителей обеих партий. Вместе с тем стратегически сложившаяся ситуация может быть выгодна либерально-прогрессивным политическим силам, выступающим за развитие механизмов перераспределения выгод от экономического развития. В то же время за последние шесть лет присутствия у власти они не продемонстрировали способность реализовать необходимые реформы.

Значимый компонент современных общественных процессов в Соединенных Штатах – иммиграционный приток из стран Латинской Америки. Он не только способствует поддержанию роста численности населения страны, но и оказывает влияние на межэтнические процессы, обеспечивая дополнительную подпитку испаноязычной общины. Между тем доступ на рынок дешевой рабочей силы из-за рубежа сдерживает рост стоимости трудовых ресурсов. Показательно, что с 2007 года занятость среди мигрантов выросла более чем на 1,3 млн, а среди коренного населения уменьшилась чуть более чем на миллион. В результате, хотя иммиграция и приводит к повышению политической значимости испаноязычной общины за счет увеличения ее численности, она одновременно невыгодна ее представителям, препятствуя повышению зарплат.

В условиях сложного баланса интересов в ближайшие пять лет проблема иммиграции

будет оставаться в фокусе общественного и политического внимания в США. Ее составной частью остается вопрос о тех иностранцах, кто находится в США нелегально. По оценкам Исследовательского центра Pew, их число превышает 11 млн человек⁴³. В то же время в отличие от других аспектов миграционной проблемы этот может быть урегулирован в ближайшей перспективе.

Благодаря мерам по укреплению американской границы с Мексикой и стабилизации социально-экономической ситуации в Латинской Америке в последние годы динамика притока нелегалов существенно снизилась. Принятое в конце 2014 года в обход конгресса администрацией Барака Обамы решение, предполагающее возможность более чем 4 млн человек узаконить свое положение в США, позволяет фактически закрыть эту проблему на обозримую перспективу. Несмотря на громкие протесты со стороны представителей Республиканской партии по поводу превышения исполнительной властью своих полномочий, им может быть даже выгодно переложить на президентскую администрацию непопулярное решение.

Рост гетерогенности американского общества как в социально-экономическом, так и в этническом плане осложняет поддержание его сплоченности и создает основания для обострения внутривластной борьбы. В то же время в сравнении с другими странами США обладают большим опытом и более разработанными механизмами социальной интеграции, что позволяет рассчитывать в среднесрочной перспективе на сохранение приемлемого уровня общественного недовольства.

Возможности и ограничения экономического роста США

За последние пять лет США удалось успешно преодолеть последствия рецессии 2007–2009 годов и обеспечить существенный прогресс по трем основным направлениям:

- оздоровление финансовых рынков и укрепление государственного регулирования в этой области;
- обеспечение энергетической автономии и развитие дешевой энергетики;
- проведение частичной реиндустриализации на новой технологической основе.

Благодаря постепенному введению в действие закона Додда – Фрэнка, принятого в 2009 году, был усилен контроль правительства над деятельностью финансового сектора, прежде всего над операциями с наиболее рисковыми инструментами. В результате удалось восстановить доверие к финансовой системе и обеспечить восстановление кредитования частного сектора и населения. Рост доверия проявился в том числе в положительной динамике потребления.

Внедрение технологических инноваций позволило США перейти к активному промышленному освоению залежей сланцевого газа и сланцевой нефти. В результате зависимость от внешних поставок углеводородов уменьшилась с 60 % в 2005 году до 33 % – в 2013 - м⁴⁴. Еще более важным результатом стало фиксирование цен на нефть, газ и электроэнергию на уровне существенно ниже среднемировых.

Восстановление доступа к заемному финансированию, и особенно снижение затрат на энергетическое сырье, повысили конкурентоспособность американской промышленности. В то же время прогресс в возвращении производств в США был бы невозможен без перехода на новую технологическую платформу. За счет автоматизации предприятиям удалось компенсировать более высокую по сравнению с азиатскими конкурентами стоимость

⁴³ Krogstad J. M., Passel J. S. 5 facts about illegal immigration in the U.S. // Pew Research Center. 18 November 2014. <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/11/18/5-facts-about-illegal-immigration-in-the-u-s/>

⁴⁴ AEO2014 Early Release Overview // U. S. Energy Information Administration. [http://www.eia.gov/forecasts/aeo/er/pdf/0383er\(2014\).pdf](http://www.eia.gov/forecasts/aeo/er/pdf/0383er(2014).pdf)

трудовых ресурсов.

В результате восстановления потребительского спроса и увеличения производства в среднесрочной перспективе можно ожидать поддержания стабильного экономического роста. В ближайшие два года он может превышать 3 % ВВП с сохранением или замедлением до 2–3 % в последующие годы. По этому показателю США продолжают отставать от среднемировых темпов. В то же время он представляется высоким для группы развитых экономик. В этой категории стран у Соединенных Штатов есть все основания удержать лидерство по темпам роста на фоне сохраняющихся кризисных явлений в Европейском союзе и очередного замедления Японии.

Кроме того, в условиях низкой инфляции (менее 2 %), высокой занятости (более 94 %) и насыщенности потребительского рынка реальный экономический рост в США будет близок к максимально возможному. Попытки ускорения экономического роста будут наталкиваться на объективные ограничители. Важнейшим среди них станет сокращение доли трудовых ресурсов в общей численности населения страны.

Уже сегодня уровень безработицы упал ниже 6 %, что ведет к повышению для предприятий издержек, связанных с оплатой труда. Даже с учетом сохраняющейся иммиграции возможно возникновение дефицита рабочих рук, особенно в перспективных, высокотехнологичных областях экономики. Более того, старение населения и выход на пенсию поколения «бэби-бумеров» будет стимулировать рост социальной нагрузки на экономику.

Кроме того, в ближайшее время можно ожидать эрозии тех условий, которые способствовали оздоровлению экономики в недавние годы. В частности, нынешнее снижение мировых цен на ресурсы, в случае если оно будет носить длительный характер, лишает американских производителей конкурентных преимуществ, связанных с доступом к дешевой энергии. Оно также негативно скажется на энергетическом секторе в Соединенных Штатах (хотя небольшой рост добычи в ближайшие годы продолжится), который, несмотря на свои небольшие размеры, имеет существенный мультипликативный эффект на экономическое развитие. В то же время положительным следствием снижения цен на углеводороды станет стимулирование потребительского спроса на другие товары и услуги.

Еще одним элементом, негативно отражающимся на экономических перспективах США, остается ухудшающееся состояние инфраструктуры. Еще в 2011 году доклад Американского общества гражданских инженеров прогнозировал, что в течение десятилетия потери от деградации транспортной сети в Соединенных Штатах превысят 3,1 млрд долларов⁴⁵. С тех пор существенных улучшений не наблюдается. Наоборот, объем доступных средств на эти цели даже снижается. На среднесрочную перспективу преодоление инфраструктурных проблем представляется одной из главных задач, которые предстоит решить Соединенным Штатам. Эксперты оценивают объем необходимых инвестиций на ближайшие годы в размере 3,6 млрд долларов.

С учетом существующих структурных ограничений важнейшим источником стимулирования экономического роста в США продолжит оставаться научно-технологическое развитие. На протяжении последнего столетия в США возникла уникальная инновационная система, обеспечивающая высокую продуктивность исследовательской деятельности и эффективное внедрение ее результатов бизнесом. Несмотря на значимую роль частного сектора в обеспечении американского технологического лидерства в мире, основной движущей силой научного развития в Соединенных Штатах остаются государственные вложения.

Между тем в последние годы на фоне номинального роста наблюдается стагнация

⁴⁵ Sledge M. Deteriorating Transportation Infrastructure Could Cost America \$3.1 Trillion // Huffington Post. 27 July 2011. http://www.huffingtonpost.com/2011/07/27/transportation-infrastructure-cost_n_911207.html

расходов на науку в процентах от объема экономики. Отдельные меры, такие как инициативы в области перспективного машиностроения и исследования мозга, не способны изменить общего положения, так же как попытки повышения качества научной политики. В результате уже в ближайшие годы можно ожидать сокращения по-прежнему огромного разрыва между США и другими странами в научной области, что отразится и на снижении технологического преимущества Соединенных Штатов.

Более того, политика Вашингтона в этой области в последние два десятилетия и на обозримую перспективу определяется в первую очередь ориентацией на решение социальных, а не экономических задач. Важнейшим приоритетом государственных вложений в науку останется повышение продолжительности и качества жизни, борьба с наиболее опасными заболеваниями.

Фундаментальным препятствием на пути наращивания вложений в науку остается позиция Республиканской партии США, которая добивается снижения государственных расходов. В отличие от демократов ее представители ориентированы на стимулирование экономики не за счет правительственных инвестиций в инфраструктуру и исследования, а путем снижения фискальной и административной нагрузки на бизнес. В ближайшие годы республиканцы продолжают добиваться снижения налогов для корпоративного сектора и наиболее обеспеченных слоев.

Кроме того, в качестве средства стимулирования экономики они считают необходимым ослабить контроль над деятельностью финансовых рынков, позволив частным институтам более свободно оперировать своими средствами и сложными финансовыми инструментами (такими, как деривативы). Такой подход предполагает частичную ревизию достижений нынешней демократической администрации и по крайней мере до 2016 года будет наталкиваться на жесткий отпор со стороны исполнительной власти. Аналогичным образом будут встречаться попытки представителей Республиканской партии снизить социальные расходы в первую очередь на реализацию проведенной администрацией Барака Обамы реформы здравоохранения. Тем не менее градус дискуссии по этой тематике в ближайшую пару лет продолжит оставаться высоким.

Приоритетной задачей для Соединенных Штатов со времени завершения финансового кризиса остается оздоровление государственных финансов. В 2014 году долговые обязательства США превысили 74 % ВВП. Это второй самый высокий показатель в истории. Большой государственный долг наблюдался только в период Второй мировой войны. Между тем еще в 2007 году он не превышал 35 %. Двукратное наращивание доли государственного долга по отношению к ВВП определялось мерами по стимулированию национальной экономики в условиях острого финансово-экономического кризиса.

В настоящее время благодаря политике экономии удалось остановить негативную спираль форсированного наращивания бюджетных расходов. В результате объем текущих заимствований в процентах от ВВП вернулся к средним значениям последних десятилетий (около 3 %). В ближайшую пару лет можно ожидать даже незначительного снижения совокупной доли долга в экономике. В то же время с конца десятилетия возможно возобновление роста задолженности.

В среднесрочной перспективе основным негативным следствием столь большого государственного долга остается увеличение нагрузки на бюджет, связанной с выплатами по нему. Уже сегодня большая часть новых заимствований обусловлена необходимостью рефинансирования прежних обязательств. Вместе с тем не ставится под сомнение доступ правительства Соединенных Штатов к новым заимствованиям – американские государственные бумаги остаются одним из наиболее привлекательных объектов вложения для консервативных инвесторов. **Экономических условий дефолта США по долгу в среднесрочной перспективе не просматривается.**

Одним из наиболее перспективных направлений оздоровления государственных финансов представляется продолжение и активизация политики «репатриации» капиталов. На протяжении многих лет американские корпорации и обеспеченная часть населения

прибегали к различным инструментам вывода средств за рубеж для снижения налоговой нагрузки. В большинстве случаев такая деятельность не связана с прямым нарушением законодательства и происходит в серой зоне, в то же время имеют место случаи и откровенно нелегальные способы ухода от налогов. В рамках борьбы за сокращение бюджетного дефицита правящая администрация стремится к усилению контроля над трансграничными финансовыми потоками и закрытию существующих дыр в фискальном регулировании. Важным достижением на этом направлении стало внедрение механизмов закона о раскрытии зарубежных счетов для целей налогообложения, которые позволяют правительству США получать от иностранных банков и правительств сведения о средствах американских граждан за рубежом.

США продолжают оставаться одним из лидеров в наметившемся международном движении по борьбе с офшорами. В то же время политика «репатриации» капиталов, как и другие инициативы, вызывающие недовольство американского бизнеса, будет вызывать сопротивление со стороны влиятельных сил в Республиканской партии.

В 2014 году наблюдалось начало отхода Федеральной резервной системы США от сверхмягкой денежно-кредитной политики. Были завершены программы количественного смягчения. В ближайшие годы можно ожидать осторожных попыток ФРС повышения процентных ставок. На среднесрочную перспективу перед регулятором встает задача сокращения денежной массы. В то же время в условиях низкой инфляции и с учетом рисков для сохранения экономического роста вероятно сохранение относительно мягкой политики в этой сфере. Тем не менее прирост процентных ставок в США может привести к сокращению кредитования реального сектора в самих Соединенных Штатах, а также к укреплению доллара, что приведет к снижению конкурентоспособности американской продукции.

Таким образом, перед руководством США встает выбор между двумя моделями экономического роста: инновационно-индустриальной и финансово-постиндустриальной. В первом случае речь идет о продолжении политики последних лет, при которой акцент делается на стимулировании промышленного производства за счет дешевого кредита и дальнейшей автоматизации предприятий, а также благодаря квалифицированной и сравнительно недорогой рабочей силе. Вторая модель предполагает больший упор на стимулирование потребления, а также частичное снижение контроля над финансовыми рынками. Она больше напоминает опыт развития США в предыдущие десятилетия. В условиях замедления темпов роста мировой экономики успешные результаты и повышение процентных ставок могут также стимулировать переток капитала с развивающихся и европейских рынков в финансовый сектор Соединенных Штатов.

Несмотря на то что сложно ожидать опоры только на промышленный рост или исключительно на развитие сферы услуг от любого американского правительства, установление баланса между реальным и финансовым секторами – ключевой вопрос экономической политики США. При этом если демократы тяготеют к первой модели, то республиканцы являются проводниками второй.

Перспективы внутриполитической борьбы в США

Важнейшим событием внутриполитической жизни в Соединенных Штатах в ближайшее пятилетие станут президентские выборы 2016 года.

С конца 2000 - х годов во внутриполитической жизни Соединенных Штатов наметилось обострение противоречий между двумя основными политическими партиями страны. Завышенные надежды широких слоев населения, связанные с приходом нового поколения прогрессивных демократов во главе с президентом Бараком Обамой, не реализовались. В то же время в ходе «демократической волны 2008 года» произошло вымывание умеренно-центристской части американского истеблишмента, которая

выполняла стабилизирующую роль в национальной политике.

Результатом подобной ситуации стало снижение продуктивности законодательной работы и общий рост напряженности в политической системе. Между тем сложносоставная система «сдержек и противовесов» в американской политике предполагает необходимость поиска компромисса между основными политическими силами, так как перспективы монополизации властного ресурса в руках одной из них практически исключены.

Наметившиеся лагуны были заполнены популистскими силами, не склонными к компромиссам по основным вопросам текущей повестки дня. Если на левом фланге их активность сдерживалась необходимостью поддержки «своего» президента Барака Обамы, то среди консерваторов такие сдержки отсутствовали. Показательно, что, если либеральное движение «Оккупируй Уолл-стрит» оставалось маргинальным и достаточно быстро заглохло, правое «Движение чаепития» превратилось в значимую политическую силу и смогло обеспечить прохождение своих представителей не только в Палату представителей, но и в Сенат.

В результате политическая борьба среди республиканцев приобрела не менее острый и принципиальный характер, чем традиционная межпартийная конкуренция. Отсутствие единства среди консерваторов ослабляет их позиции в политическом торге, а также в борьбе за президентское кресло. В этой связи можно ожидать, что в ближайшие годы исполнительная власть для укрепления своих позиций постарается использовать разногласия между представителями Республиканской партии, которые получили на выборах 2014 года контроль над обеими палатами конгресса.

Вместе с тем конкуренция среди республиканцев дает импульс развитию внутривнутрипартийной дискуссии и привлекает общественное внимание к их деятельности. Подобная динамика способствовала существенному укреплению позиций Республиканской партии в ходе промежуточных выборов 2014 года как на национальном уровне, так и на уровне штатов, где им удалось добиться беспрецедентного уровня поддержки.

Эволюция в либерально-демократическом лагере происходит в условиях разочарования населения в политике Барака Обамы и его администрации. В то же время крайне неудачный исход для демократов последней электоральной кампании, судя по всему, не имеет структурных оснований. В этом отношении она представляется такой же девиацией, как и безоговорочная победа в 2008 году, связанная с личностными предпочтениями, а не с жизнеспособностью партийной платформы.

В ходе ближайших выборных кампаний 2016, 2018, 2020 годов можно ожидать постепенного восстановления позиций демократов как в обеих палатах законодательной власти, так и на уровне Штатов. Не теряют они шансов и на победу в президентских выборах . С учетом композиции основных органов в США наибольшие сложности могут быть связаны с перспективами укрепления представительства в Сенате.

В целом же обострение внутривнутриполитической борьбы до 2016 года с высокой долей вероятности будет тормозить законодательный процесс и препятствовать достижению содержательных компромиссов. Победа на президентских выборах 2016 года кандидата от республиканцев с большой вероятностью приведет к преодолению ситуации разделенного правления, по крайней мере на последующие два года, что, правда, не будет способствовать преодолению поляризации в американской политической системе.

В условиях растущей усталости американского общества от пробуксовывания политической системы в национальной политике в ближайшие годы возможно возникновение запроса на поиск компромисса между основными политическими силами. Вряд ли он будет оказывать влияние на электоральные процессы в ходе ближайшего выборного цикла, но к концу десятилетия его значение может вырасти. При этом повышение популярности политических сил, альтернативных двум ведущим партиям, маловероятно.

Приоритеты внешнеполитической стратегии США до 2020 года

Внешнеполитический курс США в период правления администрации Барака Обамы характеризуется большей сдержанностью по сравнению с его предшественником. Соединенные Штаты стремятся добиваться своих международных целей с помощью гибких коалиций и партнерств. При этом они пытаются дозированно использовать свои возможности, избегая инвестирования существенных финансовых или военных ресурсов в решение международных проблем. В то же время США не избегают вовлеченности в урегулирование кризисов в ключевых для себя регионах, но стремятся переложить на своих партнеров растущую часть издержек.

С учетом продолжающегося перетекания экономической мощи от Соединенных Штатов к «восходящим» развивающимся странам, а также децентрализации мировой политической системы ключевой внешнеполитической целью становится замедление и регулирование этого процесса. В среднесрочной перспективе она предполагает решение следующих приоритетных задач:

- перестройка институтов регулирования мирового хозяйства;
- нахождение оптимального соотношения сдерживания Китая и кооперации с ним;
- укрепление отношений с новыми партнерами, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе;
- мобилизация поддержки традиционных союзников и поощрение повышения их вклада в мирорегулирование под американским контролем.

В последнее десятилетие стало очевидно, что глобализация в ее современном виде подрывает основы экономического преобладания США, обеспечивая перенос центров создания прибыли в развивающиеся страны. В то же время отказ от нее в условиях достигнутого уровня взаимозависимости стран невозможен.

С точки зрения США решение этой задачи возможно за счет внедрения их собственных социальных, технологических, экологических и иных стандартов и норм в качестве общемировых. Их распространение позволит лишить развивающиеся страны преимуществ, связанных с низкими издержками производства, и повысит конкурентоспособность высокотехнологичной, но одновременно «дорогой» американской экономики. Кроме того, они предполагают снятие барьеров в тех отраслях, где Соединенные Штаты наиболее успешны, прежде всего в сфере финансовых услуг.

Для решения этой задачи Вашингтон предложил две схожие по своей природе инициативы: преобразование Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и формирование Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). В рамках первой партнерами США выступают 11 стран АТР (Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Чили, Япония), в рамках второй – Европейский союз и его государства-члены.

Несмотря на показательный оптимизм американских переговорщиков, процесс согласования соглашений обусловлен множеством политических и технических трудностей. Администрация Барака Обамы будет стремиться завершить переговоры на обоих треках до окончания собственного срока, тем не менее успех в этой области далеко не преопределен. Несмотря на то что нынешний президент рассматривает обе инициативы в качестве своих личных проектов, приход к власти республиканцев может даже облегчить достижение компромисса. За исключением кругов, близких к «Движению чаепития», большая часть Республиканской партии активно поддерживает снятие барьеров на пути международной торговли и формирование зон свободной торговли.

Объем экономик, участвующих в создании как Трансатлантического, так и Транстихоокеанского партнерства, столь велик, что правила, принятые в рамках этих объединений, могут стать основой нового глобального торгового режима. В этой связи переговоры по ним в обозримой перспективе будут оставаться фундаментальным приоритетом Соединенных Штатов.

При этом в условиях обостряющейся международной конкуренции возможно существенное содержательное расхождение работы по двум трекам. На фоне усилий Китая

по укреплению своих позиций в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии США могут отказаться от решения амбициозных задач по снятию нетарифных барьеров в рамках ТТП и ограничиться соглашением, схожим с уже ставшими традиционными зонами свободной торговли (ЗСТ). Для них важно опередить в этом отношении КНР, которая имеет уже работающее соглашение о ЗСТ с АСЕАН, закончила переговоры об аналогичном соглашении с Южной Кореей и участвует в формировании Всеобъемлющего восточноазиатского экономического партнерства (туда Соединенные Штаты не приглашены).

На фоне такой «гонки интеграций» развитие отношений с Китаем как крупнейшим экономическим партнером США и одновременно потенциальным конкурентом за преобладание в мировой системе остается важнейшим американским приоритетом. На протяжении последних двух десятилетий Соединенные Штаты стремились сочетать мягкие формы политического сдерживания Китая с его экономическим вовлечением. Отчасти эта политика основывалась на предположении, что экономическое развитие КНР приведет к демократизации его политического режима. Представляется, что в обозримом будущем надежды на такое развитие событий в Вашингтоне снизятся, что может способствовать построению более прагматичных отношений с китайским руководством.

С другой стороны, рост ощущения уязвимости в США на фоне дальнейшего подъема Китая будет осложнять поддержание сложившегося баланса сотрудничества и соперничества, способствовать усилению элементов сдерживания в военно-политической сфере. При этом Вашингтон продолжит стремиться избегать прямого столкновения с Пекином. Важнейшей задачей станет расширение контактов с Китаем на уровне представителей военных ведомств. Взаимодействие по вопросам обороны позволит по крайней мере отчасти купировать недоверие к Китаю и модернизации его вооруженных сил.

По мере расширения претензий КНР на более существенную роль в региональных и глобальных институтах все более существенным компонентом политики США, видимо, будет становиться «стратегия размывания» китайского влияния за счет параллельного повышения в системе глобального управления роли других «восходящих» держав. В результате Вашингтон надеется получить возможности для широкого маневрирования, играя на противоречиях между Китаем и другими крупными игроками.

Не случайно в США в противовес концепциям полицентричного порядка была сформулирована идея «бесплюсного мира». Она направлена на нивелирование значения подъема Китая и БРИКС, представляя его лишь как часть более широкого процесса диффузии силы, бенефициарами которого становятся десятки и даже сотни игроков. Под видом радикально-демократической концепции на самом деле подается новая реинкарнация международного преобладания США.

Кроме того, в рамках «стратегии размывания» Вашингтон будет стараться поощрять региональных партнеров и союзников к балансированию КНР, резервируя за собой поддерживающую, теневую роль. **Для США оптимальным было бы воспроизведение формулы выстраивания в Азии конфигурации, схожей с той, что сослужила им хорошую службу в годы «холодной войны» – его отношения с Китаем и с другими державами региона должны быть лучше, чем у них между собой.**

В качестве основных государств, которым можно делегировать часть ответственности по сдерживанию Китая, Вашингтон видит Вьетнам, Индию, Японию, в меньшей степени – Южную Корею. Еще меньшая роль в этой системе определена для Сингапура, Филиппин, Индонезии. В ближайшем времени Соединенные Штаты могут признать фактическое выпадение Тайваня из системы сдерживания КНР и его вхождение в орбиту влияния Пекина. При этом Австралия и Новая Зеландия помогают обеспечить стратегическую глубину американского присутствия.

Важно учитывать, что Соединенные Штаты опасаются оказывать чрезмерное давление на Китай. Обострение отношений в АТР по вине США может отпугнуть часть их партнеров, даже привилегированных, которые ценят отношения с КНР (для многих из них она уже

давно стала основным экономическим партнером). Оно также может привести к разрыву или хотя бы существенному ослаблению ценных для Вашингтона торгово-экономических связей с Пекином. В этих условиях Соединенные Штаты продолжают стремиться сдерживать наиболее рьяных региональных партнеров (например, Японию) от излишних провокаций в отношении Китая. В связи с этим они будут и дальше поддерживать у них неопределенность относительно возможных масштабов и форм поддержки.

За последние годы США удалось расширить сеть партнерств в Юго-Восточной Азии, упрочить сотрудничество с Дели, расширить военное сотрудничество с Канберрой, наладить продуктивные контакты с Ханоем. В среднесрочной перспективе расширение взаимодействия с Вьетнамом может стать для Соединенных Штатов значимым элементом укрепления позиций в АТР. В ближайшие годы им также предстоит провести модернизацию военного союза с Японией с учетом повышения самостоятельности Токио в военной и внешнеполитической сфере. Напротив, эрозия поддержки Тайваня со стороны США, вероятно, продолжится.

Как и в прошлом, Соединенные Штаты будут стремиться опираться в Азиатско-Тихоокеанском регионе преимущественно на двусторонние, а не многосторонние военно-политические механизмы. Параллельно в последние годы наметились попытки внедрения трехсторонних форматов (примером тому могут служить американо-японо-индийские консультации). В то же время подобная практика нацелена прежде всего на то, чтобы обеспечить влияние и частичный контроль над связями между союзниками и партнерами Вашингтона. После прихода к власти новой администрации нельзя исключать попыток инициирования многостороннего института, обеспечивающего консолидацию усилия партнеров в АТР по сдерживанию Китая.

На фоне сохраняющегося и даже возрастающего значения АТР в среднесрочной перспективе можно ожидать, что США перейдут к постепенному сокращению вовлеченности в ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке. Предпосылкой к этому должно стать повышение самостоятельности Вашингтона в энергетической сфере. Кроме того, несмотря на заявления об обратном, на практике идет деградация американо-израильского альянса. В случае прихода к власти в 2016 году республиканской администрации этот процесс, вероятно, затормозится, тем не менее полностью повернуть его вспять возможно вряд ли.

Снижение внимания США к Ближнему и Среднему Востоку может также привести к ослаблению их связей с Саудовской Аравией и другими монархиями Залива, получит закрепление наметившаяся тенденция снижения уровня взаимодействия с Турцией и Египтом. При этом возможна частичная нормализация отношений с Ираном. Вместе с тем восстановления тесного партнерства с Тегераном (которое имело место до 1979 г.) при сохранении нынешнего режима в Исламской Республике ожидать нельзя.

Несмотря на снижение обязательств в отношении Ближнего и Среднего Востока, в среднесрочной и даже долгосрочной перспективе США сохранят потенциал реагирования на кризисные ситуации, подобные возникновению Исламского государства. Борьба с терроризмом продолжит оставаться составной частью стратегии США, в то же время приоритетность противодействия различным исламистским группировкам будет меняться. В этой связи нельзя исключать интенсификации борьбы с исламистскими силами в «черной Африке».

В среднесрочной перспективе продолжится постепенное снижение вовлеченности в ситуацию в Афганистане. США будут стремиться обеспечить сохранение в стране нынешнего умеренного режима, прежде всего с помощью инструментов экономической и экспертной поддержки. В то же время военное присутствие Соединенных Штатов в стране будет оставаться несущественным либо вообще может быть свернуто в среднесрочной перспективе.

На фоне сокращения собственных обязательств на Ближнем и Среднем Востоке США могут попробовать переложить часть ответственности за поддержание стабильности в этом

регионе на европейских и региональных союзников. Одним из весомых компонентов американской политики останется побуждение их к более равному разделению расходов в военной и политической сфере.

В то же время все больший акцент США будут делать не на многостороннее партнерство в рамках НАТО, а на двусторонние каналы отношений. Расширение Евро-Атлантического сообщества за счет балканских стран и государств постсоветского пространства продолжит оставаться периферийной задачей американского руководства, которое будет стремиться делегировать ее решение Европейскому союзу. В целом можно ожидать сокращение вовлеченности США в европейскую проблематику. При этом возможно дальнейшее смещение военного присутствия в Центральную и Восточную Европу.

В 2014 году кризис на Украине привел к обострению отношений с Россией и инициированию масштабной кампании давления на нее. Улучшение отношений с Москвой в ближайшую пару лет просматривается слабо. В то же время после смены правящей администрации можно ожидать попытки нормализации взаимодействия. При этом, вероятнее всего, Россия лишь эпизодически продолжит попадать в фокус внимания США. Отношения с ней не будут входить в число их внешнеполитических приоритетов, а будут носить инструментальный характер. Они определяются ее полезностью или способностью мешать американцам в контексте планов сдерживания Китая, борьбы с радикальным исламизмом, поддержания и укрепления Евро-Атлантического сообщества, противодействия распространению оружия массового уничтожения, региональных конфликтов.

В целом в американских взглядах на Москву сохраняется амбивалентность. С одной стороны, наряду с Китаем она воспринимается в качестве одного из противников американоцентричного миропорядка. С учетом отсутствия того объема экономических взаимосвязей, которые присутствуют в отношениях США и Китая, у Вашингтона развязаны руки к взаимодействию с Москвой с более жестких позиций.

С другой – значительная часть внешнеполитического истеблишмента в Вашингтоне убеждена, что подъем Китая приведет к расхождению его интересов с российскими. В этом отношении она рассматривает перспективу включения Москвы в американские конструкции сдерживания и ограничения КНР. В то же время в течение рассматриваемого временного горизонта такой вариант развития событий маловероятен.

Что касается содержательного наполнения взаимодействия с Россией, то стоит ожидать прежде всего активизации консультаций по вопросам стратегической стабильности и связанным с ней проблемам контроля над вооружениями. Кроме того, продолжится диалог в отношении региональных конфликтов, нераспространения и борьбы с терроризмом. Можно ожидать расширения сотрудничества в двустороннем и многостороннем форматах по вопросам кибербезопасности, значение которой для Вашингтона продолжит возрастать. На фоне такого взаимодействия высока вероятность сохранения значительной части санкционных мер, принятых США в отношении России, ее граждан и компаний в последние годы (начиная с Акта Магнитского и включая недавние ограничения, наложенные в связи с ситуацией в Крыму и на Украине).

На фоне исчерпания политического потенциала левопопулистских и даже левоцентристских режимов в Латинской Америке США получают возможность восстановить отчасти свои позиции в Западном полушарии. Открытие каналов взаимодействия с Кубой, а также ухудшение экономической базы левых «углеводородных» режимов на континенте создают предпосылки в этом отношении. В случае изменения внутривнутриполитической ситуации в Венесуэле и других странах «боливарианского пояса» (Боливия, Никарагуа, Эквадор) велика вероятность их сближения с США. В то же время в этом регионе США будут сталкиваться с растущим влиянием Китая и Бразилии. Укрепление позиций первого в экономической сфере, а второй – в политической создает ограничения американского преобладания в регионе.

В целом основой внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов на среднесрочную перспективу продолжит оставаться стремление обеспечить свободу рук.

Подспорьем в этом отношении может выступить реалистская стратегия «удаленного балансирования». Подобное положение позволит им, не связывая себя новыми дополнительными обязательствами и экономя силы, вмешиваться в процессы в различных регионах в случае обострения противоречий между местными игроками и возникновения угроз, затрагивающих принципиальные экономические и политические интересы США. Постепенно отказываясь от роли «международного полицейского», они все больше будут стремиться выступать в качестве «мирового судьи последней инстанции». Подобное положение позволит сохранить основу американской мощи, в то же время оно открывает Китаю и другим амбициозным державам возможности для наращивания собственного потенциала.

Альтернативой такого базового сценария может стать усиление тенденции к неоизоляции США. Структурной предпосылкой к этому может стать снижение зависимости американской экономики от внешних поставок сырья и рынков сбыта, а также сравнительная стабильность мировой системы. Следование изоляционистской стратегии приведет к ослаблению институциональных и идейных основ американского преобладания, будет означать сворачивание их мирополитического влияния. В то же время оно может позволить повысить благосостояние Соединенных Штатов и реформировать экономику в соответствии с вызовами научно-информационного общества.

Другой альтернативой может стать агрессивная реакция на дальнейшее сокращение американского преобладания. Она будет выражаться в попытках жестко остановить дальнейшее укрепление Китая и других «восходящих» держав, в то время пока США еще сохраняют существенные рычаги влияния и опережают их по совокупной мощи. Такая политика будет означать существенное ужесточение американского курса, новую волну расширения вмешательства в проблемные регионы, постановку задачи демократизации России и Китая, усиление политики их сдерживания и изоляции.

Подобная стратегия может даже привести к достижению ряда заметных успехов (например, на Ближнем и Среднем Востоке и в АТР). В то же время она практически гарантированно означает перенапряжение американских материальных ресурсов. При этом не очевидна готовность союзников и партнеров Соединенных Штатов следовать за ними в проведении столь активного преобразовательного курса. Наконец, достижение ее финальной цели (устранение конкурентов) уже сегодня выглядит весьма сомнительным. Реализация этой стратегии будет означать обострение международно-политической и даже военной конфронтации в глобальном масштабе.

Глава 11

Латинская Америка. Возвращение «большого брата»

Мирзаян Геворг Валерьевич – журналист-международник, кандидат политических наук (2009). Ведущий аналитик агентства «Внешняя политика». Корреспондент отдела мировой политики журнала «Эксперт», научный сотрудник Института США и Канады РАН. Его публикации посвящены внешней политике США, проблемам безопасности в Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в Восточной Азии, а также внешней политике России на постсоветском пространстве.

На ближайшие пять лет регион Латинской Америки с большой долей вероятности продолжит находиться на периферии мировой политики. Несмотря на то что он полон ярких лидеров (возможно, в странах к югу от Рио Гранде их больше, чем во всем остальном мире вместе взятом), однако для рывка вперед или хотя бы для начала поступательного экономического развития нужны государственные институты, бизнес-климат, прорывные экономические и технологические решения, социальная стабильность и мощный средний класс. Такого комплекса активов у стран Латинской Америки нет, поэтому до 2020 года они будут оставаться сырьевыми экспортёрами с невысоким уровнем государственных институтов. Стагнация в экономике большей части стран Латинской Америки сохранится

в 2015 году, а возможно, также и в 2016 году. Экономический рост в регионе до 2020 года не превысит 2,5 %.

Это определение подходит не только для мелких стран региона, но и для государства, которое принято считать региональным лидером, – Бразилии. Страна входит в БРИКС – группу наиболее перспективных стран развивающегося мира, и у Бразилии есть многие составляющие для экономического роста: огромные сырьевые богатства, городской средний класс, наука. Бразильцы научились делать самолеты, обсуждают возможность превращения в ядерную державу, а падение цен на нефть должно придать дополнительный стимул ее экономике. Однако в то же время существует огромный разрыв между богатыми и бедными, проблемы в области образования. У нее серьезные проблемы в области инфраструктуры, слишком большой разрыв между богатыми и бедными, проблемы с организованной преступностью. Более того, как и другие страны Латинской Америки, Бразилия очень сильно зависит от ресурсов. Ее рост был спровоцирован во многом ресурсным аппетитом КНР (на которую приходится чуть менее 20 % всего экспорта страны) и стимулируемым властями внутренним спросом. Ситуация по обоим показателям к 2020 году может претерпеть изменения.

Так, китайцы могут охладеть к бразильским ресурсам из-за замедления темпов роста китайской экономики и растущей угрозы морским путям поставок. Что же касается внутреннего спроса, то в Бразилии формируется классический пузырь: объем кредитования населения вырос за последние 10 лет в 8 раз. Не исключено, что в ближайшие годы этот пузырь может лопнуть. В лучшем случае Бразилия может обеспечить лишь невысокий темп поступательного экономического развития.

Что же касается Аргентины, то ситуация в ней еще хуже, чем в Бразилии. Страна уже более 10 лет фактически живет в состоянии дефолта и ведет судебные дела о выплате займов американским фондам. Одновременно с этим аргентинские власти систематически проводят популистскую политику, которая делает невозможным выход страны из системного экономического кризиса. Получается в какой-то степени замкнутый круг: для спасения страны нужно консервативное правое правительство, однако население не может его избрать из-за традиционной тяги к левым популистам.

Однако если отвлечься от региональных лидеров, то можно выделить как минимум три страны Латинской Америки, развитие событий в которых может в ближайшие пять лет оказать ключевое воздействие на весь Латиноамериканский регион, изменить его облик в позитивную или же негативную сторону. Речь идет о Венесуэле, Кубе и Мексике.

Падение цены на нефть может привести к краху нынешнего режима в Венесуэле и, как следствие, идеологии «чавизма», распространяемой венесуэльскими властями в странах Латинской Америки. Для региона это будет скорее плюсом, поскольку созданная покойным Уго Чавесом экономическая система является причудливой смесью из негативных сторон коммунистической идеологии с личной диктатурой, которая выживала лишь благодаря высокой цене на нефть. Более того, ее ликвидация даже даст новый импульс «левому повороту» в Латинской Америке, поскольку перестанет дискредитировать и искажать левые движения в регионе. Мейнстрим «поворота» станет более умеренным и прагматичным.

Стабилизации левого движения в Латинской Америке поможет и выход Кубы из блокады. Однако ключевое значение событий на Острове свободы в течение ближайших пяти лет в том, что они могут резко снизить уровень конфронтации между странами региона и Соединенными Штатами. Это позволит Вашингтону проводить более активную политику в Латинской Америке, позитивно влиять на социально-политическое развитие региона и в целом уделять куда большее внимание своему «заднему двору», чем при Джордже Буше-младшем или Бараке Обаме. Наконец, если процесс выхода Кубы из блокады окажется успешным и приведет к демократизации кубинского режима, то этот факт поможет американскому истеблишменту осознать бесперспективность санкционного подхода в отношении стран, позиционирующих себя противниками или соперниками Соединенных

Штатов. И, возможно, найти более эффективный подход к отношениям с Ираном и Россией, который не будет ставить отдельные регионы или даже мир в целом на грань конфликта.

Если события в Венесуэле и Кубе могут привести к положительным для региона последствиям, то события в другой стране – Мексике – несут серьезную угрозу. От успешности борьбы мексиканских властей с картелями во многом будет зависеть сам облик Латинской Америки и будущее государственности в этом регионе. Пока что это борьба не приносит особых результатов – более того, ряд политиков в Мексике, остальной Латинской Америке и даже Соединенных Штатах призывают государства региона капитулировать перед картелями и легализовать легкие виды наркотиков. Если решение о общерегиональном «легалайзе» в итоге будет принято, то государственности стран Нового Света будет нанесен серьезнейший удар.

Будущее Венесуэлы

Для Венесуэлы наступает час икс. Страна переживает самый серьезный кризис за последние 15 лет. Он может повлечь за собой не просто отставку нынешней власти, но и смену «боливарианской» модели страны на более умеренный социалистический вариант либо на либеральный по модели США.

Возможный крах венесуэльского режима может по принципу домино повлечь за собой потерю власти элитами ряда субсидируемых Каракасом стран (Никарагуа, Боливия, Эквадор, островные государства Карибского бассейна). Это, конечно, не будет означать отказ Латинской Америки от «левого поворота». Концепция Вашингтонского консенсуса более нелегитимна в латиноамериканских обществах, к тому же большая часть из них просто еще не эволюционировала до уровня либеральных демократий и вынуждена выбирать между популистским социализмом и диктатурой. Однако крах идеологии «чавизма» может окончательно сместить баланс сил в левом движении в пользу «умеренных социалистов» наподобие бразильской элиты. И тем самым дать Латинской Америке шанс на развитие.

Причины нынешнего кризиса Венесуэлы кроются в крайне неэффективной государственной модели, созданной бывшим президентом Уго Чавесом. Очевидно, что эта модель не переживет ближайшие пять лет. Проблема в том, что сменить эту модель без смены режима невозможно.

Создавая свою экономическую модель, Уго Чавес ставил перед собой амбициозную цель: создать в Венесуэле, а затем и во всем мире модель, альтернативную западной неолиберальной демократической парадигме. Чавес искренне надеялся на то, что его революция станет новой формой демократии и реальной альтернативой процессу неолиберальной глобализации, который продвигают США. В реальности же итогом данной линии стала бездумная трата сотен миллиардов долларов и деградация венесуэльского общества.

В рамках данной стратегии часть средств уходила на поддержку внешнеполитических усилий страны и личного имиджа «наследника Фиделя Кастро». Миллиарды долларов передавались бедным государствам Южной и Латинской Америк (Никарагуа, Боливии, странам Карибского бассейна), которые в ответ клялись в верности идеям «боливарианской революции» и тешили эго «команданте Ча». Так, во время телевизионной передачи *Impromptu* Чавес великодушно обратился к находящемуся рядом Моралесу: «Эво, у меня есть подарок для тебя. Я тебе дам тридцать миллионов долларов, чтобы ты не отказывал себе ни в чем». «Президент, ты имел в виду тридцать миллионов в месяц?» – тут же переспросил Моралес. При этом Чавес не требовал отчета за эти деньги. В случае с займом средств у структур, подконтрольных Штатам или коллективному Западу, деньги шли на определенные проекты: строительство инфраструктуры, развитие здравоохранения, создание электросетей. Чавес же позволял местным лидерам самим выбирать наиболее перспективные, с их точки зрения, области инвестирования. И особо не проверял, были ли эти инвестирования.

Что касается внутренней политики, то Чавес фактически субсидировал беднейшие слои венесуэльского населения: создал для них сеть супермаркетов, где продавались продукты по заниженным ценам, выписал с Кубы десятки тысяч врачей, сделав тем самым медицину доступной. Если в 1999 году расходы общественного сектора Венесуэлы составляли 26 % ВВП, то в 2014 - м уже почти 50 %. Этим президент решал сразу несколько задач: подтверждал свой образ социалиста и получал в лице венесуэльской бедноты благодарный электорат, который голосовал за него на каждых выборах, а также комплектовал из них подконтрольные ему ополчения («коллективос»).

Само по себе повышение уровня жизни беднейших слоев – правильный шаг, однако социальная политика Чавеса имела как минимум два спорных момента. Во-первых, Чавес не делал ничего для развития среднего класса. Более того, он рассматривал его как враждебный элемент. Команданте не то что не помогал, но и в буквальном смысле боролся против частного бизнеса, проводил политику национализации в ряде областей (в результате чего число частных предприятий в стране резко сократилось). В итоге страна не обеспечила развития альтернативной нефтяной отраслей экономики. Что привело не только к серьезной зависимости Венесуэлы от импорта (три четверти товаров импортируются), но и к серьезной нехватке рабочих мест для тех же самых бедняков. Следствием этого стала воспитываемая в них люмпен-культура, а также резкий рост уровня уличной преступности. Каракас – самый криминальный город в Южной Америке. Очевидцы рассказывают о полностью зарешеченных многоэтажках (хозяева квартир даже на средних этажах ставят решетки потому, что воры спокойно забираются к ним по решеткам их соседей снизу), об уличных грабителях на мотоциклах, которые среди бела дня подъезжают к машинам в пробках и стучат пистолетом по стеклу. Но для Чавеса это было неважно – его задачей было создавать историю.

Во-вторых, на такую социальную политику нужны были деньги. Так, для того чтобы полный бак бензина в стране стоил менее одного доллара, Венесуэла тратила 12 млрд долларов в год. Нужные средства Чавес изымал у венесуэльской нефтяной корпорации PDVSA. Некогда одна из наиболее эффективных нефтяных компаний, PDVSA лишилась своей независимости после прихода Чавеса. Когда сотрудники компании вышли в начале 2000 - х годов на массовые акции протеста и фактически спровоцировали попытку переворота, Чавес устроил в компании массовую люстрацию, изгнав из нее абсолютное большинство профессионалов. А затем использовал ее как кошелек, изымая из компании деньги, которые должны были идти на разведку новых месторождений и поддержание капитальных фондов. В итоге в какое-то время общий рост добычи в стране происходил только за счет труднодоступных месторождений, которые власти страны еще в 1990- е годы отдали на откуп западным компаниям. Именно поэтому Уго Чавес их и реквизирует, выставив компаниям новые неприемлемые условия ведения бизнеса.

Неудивительно, что после этого западные компании отказывались вкладывать деньги в Венесуэлу. В 2011 году в Латинскую Америку были вложены рекордные 150 млрд долларов иностранных инвестиций. Из этой суммы Бразилия получила 67 млрд, охваченная гражданскими конфликтами Колумбия – 13, а богатая нефтью Венесуэла – всего пять.

Недостатки чавистской модели стали проявляться уже в последние годы правления команданте. Низкие цены на продукты привели к дефициту – спекулянты просто стали вывозить их за рубеж и продавать там. Кроме того, засилье преступности и люмпенов вызывало серьезное общественное недовольство. Однако Чавесу удавалось гасить социальное напряжение за счет собственной харизмы и сверхдоходов от нефти.

Сейчас же двух этих сдерживающих факторов у Венесуэлы нет. Наследник Чавеса – бывший водитель автобуса Николас Мадуро – является неплохим исполнителем, но у него нет харизмы. Однако самой большой проблемой, подкосившей режим, стало падение мировых цен на нефть. Если для России, стран Персидского залива и Норвегии это падение стало серьезным вызовом, то для Венесуэлы оно представляет экзистенциальную угрозу.

Во-первых, потому, что благодаря политике Чавеса по подавлению реального сектора

экономики экспорт нефти дает 96 % всей экспортной выручки Венесуэлы (для сравнения: в 1998 году эта цифра составляла 77 %). В ОПЕК посчитали, что нефть и газ составляют почти четверть венесуэльского ВВП. По расчетам Дойчебанка, в этих условиях для поддержания нынешнего уровня госрасходов Венесуэле нужна цена на нефть минимум в 117,5 доллара за баррель, которой, естественно, в ближайшее время ожидать не стоит.

Во-вторых, Венесуэла, может, и обладательница крупных запасов нефти, однако большая часть ее нефти – тяжелая. Такую нефть дорого добывать и сложно перерабатывать. Соответственно, дальнейшее падение цены за баррель приведет к тому, что добывать ее будет невыгодно.

Сочетание крайней степени зависимости венесуэльской экономики от нефтедолларов, высокой себестоимости нефти и чрезмерного уровня социальных расходов привело к тому, что страна находится на грани дефолта. В 2015 году Венесуэле предстоит отдать в общей сложности 13 млрд долларов, из них только процентов по долгам – на 8,4 млрд. При этом, по данным Standard & Poor's, из 20,8 млрд долларов резервов Центробанка Венесуэлы лишь 2,8 млрд являются ликвидными средствами. Неудивительно, что в январе 2015 года кредитное агентство Moody's снизило суверенный рейтинг Венесуэлы на две ступени, с «Саа1» до преддефолтного уровня «Саа3». Вероятность дефолта Венесуэлы в 2015 году оценивается в 61 %, а в течение 5 лет – в 90 %. Агентство Bloomberg настроено куда более пессимистично: оно оценивает вероятность дефолта Венесуэлы в 2015 году в 97 %.

Серьезные экономические проблемы в обозримой перспективе напрямую угрожают режиму. Падение цен на нефть привело к тому, что Мадуро фактически нарушил общественный договор между властью и ее основной базой – беднейшими слоями населения. Он вынужден сворачивать социальные программы и серьезно сократить масштабы «магазинов для бедных». Под соусом борьбы со спекулянтами малоимущим семьям запретили посещать субсидируемые властями магазины чаще двух раз в неделю. А власти венесуэльского штата Яракуй пошли дальше и запретили местным жителям ночевать в очередях в торговые центры. Однако это не помогло – очевидцы сообщают о многокилометровых очередях в Каракасе и других крупных городах.

Николас Мадуро пытается мобилизовать свой электорат и говорит об «экономической войне», которую развязали против Венесуэлы Соединенные Штаты, а также местные капиталисты. Однако Мадуро – не Чавес, и его пропаганда не воспринимается голодными венесуэльцами. Ведь в обычных магазинах люди тоже ничего купить не могут – в ноябре 2014 года уровень инфляции в годовом исчислении составил 64 %. Официальный курс валюты составляет 6,3 боливара к одному доллару. На черном рынке же он выше почти в 30 раз. Неудивительно, что, по некоторым данным, уровень поддержки Мадуро в январе 2015 года составил 22 % (для сравнения: в октябре 2014-го он составлял 30 %). Потерявший поддержку традиционного электората президент понимает, что ему больше не на кого опереться. Ни внутри страны, ни вне ее.

Так, в стране достаточно сильна либеральная оппозиция. На выборах 2013 года ее кандидат Энрике Каприлес проиграл Мадуро лишь 1,5 %, и многие говорили, что Мадуро выиграл лишь за счет фактора смерти Чавеса. Без сомнения, оппозиция воспользуется экономическими сложностями для того, чтобы снова вывести людей на улицы. В 2015 году в Венесуэле ожидаются парламентские выборы, и громкой победой на них оппозиция может дать сигнал сторонникам режима о том, что пора устраивать Мадуро импичмент. Немаловажным фактором является и то, что на стороне оппозиции и традиционно сильный институт Латинской Америки – церковь. Католические епископы Венесуэлы опубликовали заявление, в котором они обвиняют в возникновении экономического кризиса в стране неудачную «политико-экономическую систему социалистической, марксистской или коммунистической природы».

Конечно, у оппозиции есть свои проблемы. Ключевая из них – в разобщенности. Однако это поправимо, поскольку у всех кандидатов на роль знамени – хорошие отношения с Соединенными Штатами. Вряд ли в нынешней ситуации Вашингтон упустит возможность

ее консолидировать и тем самым положить конец проводнику альтернативной государственной модели, подрывающей позиции США в Латинской Америке. Поэтому не исключено, что в случае победы оппозиции Венесуэла пойдет по капиталистическому пути развития.

Есть, впрочем, другой вариант: венесуэльская элита может заменить Мадуро на более умеренного кандидата. Ведь сам лагерь чавистов отнюдь не монолитен и не объединен вокруг хозяина дворца Мирафлорес. Николас Мадуро был отнюдь не единственным кандидатом на роль наследника команданте – он оспаривал этот пост с венесуэльским националистом, спикером парламента Диосдадо Кабельо. Выиграл эту борьбу Мадуро лишь при помощи братьев Кастро. После провалившейся попытки переворота 2002 года Уго Чавес пригласил кубинских «варягов» в органы безопасности страны, и они имеют серьезное влияние на процесс принятия решений. Кастро посчитали Мадуро более управляемым политиком, который к тому же сохранит кубинское присутствие в Венесуэле и не станет отменять ежедневные поставки 100 тысяч баррелей нефти на Остров свободы. Совершив внутренний переворот, венесуэльские националисты не только избавятся от засилья Кубы, но и смогут провести умеренные реформы. Конечно, это не решит проблем страны: даже если Венесуэла резко сократит госрасходы и проведет девальвацию валюты, то ее экономика все равно рухнет в 2015 году. Однако такой подход позволит «чавистской» элите продержаться наверху еще какое-то время – при условии, что Вашингтон не воспользуется ситуацией и не бросит все силы на смену режима в Венесуэле.

Соблазн такой политики велик, поскольку от Мадуро отворачиваются не только внутренние, но и внешние сторонники. В том числе и пресловутые братья Кастро. Не исключено, что частью американо-кубинской пакетной сделки станет отказ Гаваны от поддержки Каракаса. Интересно, что на следующий день после объявления о нормализации отношений с Гаваной Обама ввел санкции против высокопоставленных чиновников Венесуэлы.

Однако самым неприятным для Мадуро стало изменение политики Китая. В начале января 2015 года Мадуро с сомбреро в руках отправился в Пекин просить срочного займа в 16 млрд долларов. Пекин являлся давним кредитором Венесуэлы, выделив ей с 2007 года 50 млрд долларов, за которые Каракас расплачивается поставками нефти (более половины из полумиллиона баррелей нефти в день, идущих в Китай, является оплатой долга). Однако китайцы отказались, предложив в качестве альтернативы проинвестировать венесуэльские нефтяные месторождения. В итоге венесуэльцы сомневаются, стоил ли визит Мадуро в Китай потраченных на его организацию 1,3 млн долларов.

Позиция Пекина стала ударом по тем экспертам, которые уверяли, что Китай будет до последнего поддерживать Мадуро. Они уверяли, что, вложив за последние годы 50 млрд долларов в боливарианскую революцию, Китай не старался завоевать расположение венесуэльской оппозиции, поэтому смена власти в Каракасе подорвет китайское влияние в Латинской Америке. Однако это не так. Во-первых, китайцы вкладывались не столько в революцию, сколько в саму венесуэльскую экономику, а выданные ими кредиты оплачиваются реальными поставками венесуэльской нефти. Новое правительство не сможет позволить себе потерять китайские инвестиции. Во-вторых, венесуэльская нефть очень специфичная и требует специальных заводов для переработки, что ограничивает выбор рынков для нее теми, на которых есть заводы для ее переработки. А они есть в США и в Китае.

Именно поэтому Пекин, рассматривающий Венесуэлу как свой актив, плацдарм для экспансии в Латинскую Америку, не видит критической необходимости для себя спасти Мадуро, поскольку знает, что следующий венесуэльский президент будет учитывать китайские позиции и интересы. Вне зависимости от его имени и политической ориентации.

Перспективы американо-кубинской разрядки

Одним из ключевых процессов, которые будут происходить на Американском континенте в ближайшие пять лет, станет американо-кубинская нормализация отношений. Процесс обещает быть сложным. Однако шансы на его успешное завершение достаточно велики. Во многом потому, что оппозиция этому процессу в США носит в основном личностный или псевдоидеологический характер, тогда как сторонники приводят множество аргументов в ее пользу.

Нормализация отношений с Кубой необходима США, особенно сейчас, когда Латинская Америка приобретает все более важное значение в глазах американского истеблишмента. Решение американских проблем с Гаваной снимет ряд барьеров, ликвидирует враждебность между Вашингтоном и левыми политиками региона. Однако очевидно, что нормализация предполагает трансформацию кубинского режима в более дружественный Соединенным Штатам и более либеральный в отношении собственного населения. До недавнего времени Вашингтон пытался достичь этой цели через режим санкций, но в итоге признал, что 50 - летняя политика изоляции Кубы оказалась неэффективной. Американское эмбарго не достигло ни одной из двух целей: смены режима и предотвращения притока иностранных инвестиций на Кубу (на острове работают 4,5 тысячи компаний из 100 стран мира).

Именно поэтому Обама заявил, что США отказываются от устаревшего подхода, в рамках которого им десятилетиями не удавалось реализовать их интересы, и начинают процесс нормализации отношений с Кубой. С аналогичным выступлением в Гаване выступил и ее президент, Рауль Кастро. Эти заявления стали промежуточным итогом почти полутора лет переговоров.

США сняли с Кубы дипломатическую блокаду – на остров зачастили высокопоставленные американские делегации. В середине января 2015 года в Гавану прибыла группа из шести американских конгрессменов во главе с сенатором Патриком Лехи. С 21 по 23 января в Гаване прошли переговоры с участием делегации Госдепа во главе с заместителем госсекретаря по Западному полушарию Робертой Джейкобсон.

Помимо политиков федерального уровня на остров зачастили и представители региональной власти. В частности, туда хочет отправиться губернатор штата Нью-Йорк Эндрю Куомо во главе торговой делегации. Власти отдельных штатов понимают, что сейчас Куба – неосвоенный рынок, поэтому пытаются заранее застолбить на ней позиции для своего бизнеса. Перспективы для американских компаний на острове очень широкие. Для сравнения: до прихода Кастро на Кубу приходилось в три раза больше американских инвестиций, чем на все остальные страны Латинской Америки, вместе взятые. В свою очередь, именно под будущую торговлю с США кубинцы построили глубоководный порт в Мариэле (стоимость проекта составляет почти 1 млрд долларов) и собираются создать вокруг него свободную экономическую зону.

Не менее важным направлением двустороннего сотрудничества станет туризм. В ближайшие годы эксперты не просто ожидают серьезного увеличения числа американских туристов на Кубу – открытие Острова свободы создаст «сейсмический сдвиг» во всей туристической индустрии Карибского бассейна.

Сейчас Кубу ежегодно посещают примерно 650 тысяч американцев, из которых 550 тысяч – этнические кубинцы, приезжающие на остров посещать родных. Столь низкое число американских туристов (по сравнению, например, с миллионом отдыхающих из Канады) связано с серьезными ограничительными мерами, налагаемыми американским правительством на своих граждан, посещающих Остров свободы. Вашингтон намерен эти ограничения снять. В частности, ослабить меры визового контроля, позволить использовать на Кубе кредитные карты и вывозить с Кубы товаров на сумму в 400 долларов. Кроме того, в ближайшее время возможно возобновление на остров регулярных рейсов американских авиаперевозчиков. Уже озвученные меры могут привести к тому, что число американских туристов, прибывающих на остров, вырастет в течение нескольких лет с нынешних 100 тысяч до 300 тысяч. А в случае полного снятия всех ограничений остров могут посещать

ежегодно от 3,5 до 5 млн американских туристов.

Однако проблема в том, что полное снятие всех ограничений и эмбарго займет крайне продолжительное время. У политики Обамы в отношении Кубы много критиков. Так, ее обвиняют в отрыве от реальности. Реальность, по их мнению, такова, что нынешнее сближение было больше нужно Кубе, нежели США. Интерес Рауля Кастро объяснялся двумя причинами: программой экономических реформ, в рамках которой Кубе нужны инвестиции, и возможной потерей основного спонсора – Венесуэлы, поставившей Кубе 100 тысяч баррелей нефти в день практически бесплатно (в целом ежегодный объем помощи Острову свободы со стороны Венесуэлы оценивается в 5 млрд долларов).

В этой ситуации Соединенные Штаты могли бы выставить Раулю ряд условий, прежде всего вынудить Кастро соблюдать на острове права человека и освободить всех диссидентов. Однако Обама этого не сделал, за что подвергся обструкции со стороны консерваторов. Одним из самых громких критиков стал сенатор Марко Рубио, потомок кубинских эмигрантов. По его мнению, Белый дом сдал все и ничего не получил взамен: ни гарантий соблюдения прав и свобод человека, ни обещаний относительно свободного использования Интернета, ни даже намека на поворот политического курса страны в сторону демократии. По мнению Марко Рубио, эта линия является лишь еще одной неудачной попыткой президента Обамы провести политику успокоения режимов-изгоев любой ценой.

Представители консервативного лагеря следуют за Рубио. Конгрессмен от Флориды Марио Диас Баларт называет Обаму «Верховным умиротворителем». Его коллега по конгрессу Илеана Рос-Лехтинен (также из кубинской семьи) назвала ход президента пропагандистским переворотом в пользу братьев Кастро, поскольку для Кубы это решение является однозначной победой. Страна фактически выдержала полувековую осаду и не сломалась под давлением сильнейшей державы мира. А бывший губернатор Флориды Джеб Буш считает, что действия Обамы подрывают доверие к Америке и ее поход за свободную и демократическую Кубу.

Присутствие столь большого числа политиков от Флориды в рядах критиков президента не случайно – в штате очень сильна кубинская диаспора, которая крайне негативно относится к коммунистическому режиму на острове. И те делегаты, которые собираются идти на праймериз, хотят заручиться поддержкой этой диаспоры.

Между тем критика Обамы за игнорирование ситуации с правами человека на Кубе не имеет ни внутривнутриполитических, ни внешнеполитических оснований. Что касается диаспоры, то она выступает против Кастро. Однако критика Кастро не тождественна вопросу поддержания режима блокады, особенно среди новой волны иммигрантов. Среди тех, кто прибыл в США с Кубы в период с 1965 по 1973 год, против поддержания режима блокады выступает 43 %, а среди тех, кто прибыл с 1995 по 2014 год, – уже 58 %. Эти люди, в отличие от Марко Рубио и других консерваторов, осведомлены о ситуации на Кубе и поддерживают мысль президента о том, что если бы он жестко потребовал от Рауля Кастро уступок в области прав человека, то никакой разрядки в отношениях бы не было. Рауль Кастро не раз говорил, что «Куба скорее исчезнет, чем поддастся давлению со стороны Соединенных Штатов».

Обама прав, рассматривая эмбарго не как самоцель, а лишь как инструмент для демократизации Кубы. По мнению Обамы, открытие Кубы внешнему миру ускорит процесс перемен в кубинском обществе, что и является нашей главной целью. Воссозданное на острове посольство США получит возможность работать с кубинской оппозицией. Обучать ее, финансировать, укреплять. Если США применят там мягкую силу в том виде, в котором они ее принимали для конструирования гражданского общества в Грузии и на Украине, не исключено, что уже следующее поколение кубинцев будет куда более позитивно относиться к Соединенным Штатам.

Между тем Обама придется каким-то образом донести свое видение до конгресса. Как минимум потому, что лишь конгресс может полностью снять с Кубы эмбарго. Госсекретарь США Джон Керри уверен в том, что конгрессмены оценят все выгоды

Америки от решения президента и поддержат его. Эксперты же называют его надежды практически несбыточными. Отчасти поэтому Обама признает, что для возобновления работы американского бизнеса на Кубе нужно пройти еще долгий путь. То есть как минимум до следующего состава конгресса.

Конечно, Обама будет пытаться бороться. Вероятно, администрация президента будет не только рассчитывать на лоббизм предпринимателей, желающих заработать на кубинском рынке, но и делать упор на глобальные последствия американо-кубинского сближения. Прежде всего с точки зрения имиджа США в Латинской Америке. В Белом доме объясняют, что долговременная политика США относительно Кубы изолировала США от их региональных и международных партнеров, ограничивала возможности Вашингтона влиять на события в Западном полушарии. Не исключено, что после снятия режима блокады Америке будет проще найти общий язык с элитами левых стран, чье население боготворит братьев Кастро и рассматривает США как агрессора. Более того, не исключено, что в рамках пакетной сделки с США братья Кастро сами помогут Вашингтону в этом. Например, поспособствуют смене режима в Венесуэле, Эквадоре или Боливии.

Также не исключено, что успех политики «вовлечения» Кубы повлияет и на глобальный подход американской дипломатии. Соединенные Штаты нередко злоупотребляют экономическими санкциями – как персонального, так и общегосударственного характера. При этом санкционный подход контрпродуктивен. Он не только не достигает поставленных целей смен режима или его курса, но и подрывает сами основы контролируемого США мирового экономического порядка. Ряд стран второго и третьего мира, опасаящиеся в будущем американского давления, кооперируются и создают альтернативные западным глобальные финансовые институты и регуляторы, что подрывает сами основы глобального доминирования Соединенных Штатов.

Однако высока вероятность того, что все глобальные интересы США натолкнутся на упрямство отдельных членов конгресса, и прежде всего того же Марко Рубио. Он обещает сделать все возможное, чтобы сорвать стратегию Обамы, и у него есть для этого инструменты. Рубио будет назначен председателем Подкомитета по Западному полушарию и борьбе с наркоторговлей комитета по международным делам Сената. И без его одобрения США не смогут ни назначить посла на Кубу, ни профинансировать создание там посольства. В этой ситуации назначить посла на Кубу будет практически невозможно.

В свою очередь процесс американо-кубинского потепления имеет достаточно важное значение для России. С одной стороны, это удар по российским интересам в регионе, потеря влияния на ряд тамошних государств. Однако, с другой стороны, Москва может попытаться использовать это потепление в своей пропаганде, доказывая, что санкции не приводят к изменению внутренней и внешней политики неугодных США режимов.

Перспективы экономического роста в Мексике

Еще недавно Мексика считалась одной из наиболее перспективных стран к югу от Рио-Гранде. 120-миллионное государство, имеющее значительные запасы нефти, 12-ю экономику мира (исходя из ВВП ППС) и находящееся по соседству с крупнейшим мировым рынком, было обречено на успешное развитие. Однако пока Мексика – одна из наиболее застойных и проблемных стран Латинской Америки. Несмотря на вступление страны в НАФТА, ее показатель экономического роста один из самых низких в Латинской Америке, а уровень бедности за последние 20 лет остается стабильным – порядка 50 % населения. Более того, мексиканские проблемы (прежде всего картели – порождение социально-экономической структуры страны) распространяются на соседние с ней страны Центральной Америки, вызывая еще большее ухудшение социально-политической обстановки в них. Если в Мексике несколько лет назад в год погибало менее 20 человек на 100 тысяч жителей, то отчасти благодаря приходу мексиканских картелей в Гватемалу этот показатель в 2014 году составил 46, а в Сальвадоре – 71. Лидировал Гондурас – там

погибают 82 человека на 100 тыс. жителей в год. В результате на сегодняшний день, по данным Всемирного банка, и без того небогатые страны Центральной Америки должны тратить на борьбу с преступностью до 8 % ВВП. При том, что с наполняемостью бюджета у них и без того были большие проблемы (в Гондурасе и Сальвадоре налоги не превышают 16 % ВВП, а в Гватемале вообще 10 % – это меньше, чем в Экваториальной Африке).

Столь сложная ситуация сложилась потому, что у Мексики целая россыпь проблем, которые наслаиваются одна на другую и решать которые можно лишь одновременно. Однако для такого рода кардинального решения нужно два фактора: политическая воля мексиканской элиты и готовность Соединенных Штатов оказать максимальное содействие. Высока вероятность того, что в ближайшие годы эти фактора так и не будут реализованы совместно.

Экономика Мексики завязана на добыче и экспорте нефти. Государственная нефтяная компания PEMEX до недавнего времени была монополистом в нефтяной сфере и формировала от трети до 40 % мексиканского бюджета. Долгое время мексиканские элиты устраивала сложившаяся ситуация – государственный контроль за всей нефтедобычей считался элементом национальной гордости, да и нефти было достаточно. Общие доказанные объемы в Мексике составляли на 2014 год 10,1 млрд баррелей в нефтяном эквиваленте, при этом эксперты полагали, что под водами Мексиканского залива скрывается еще порядка 30 млрд баррелей. Однако сейчас ситуация изменилась.

Во-первых, Мексика не могла использовать свое богатство в полном объеме из-за доминирования государства в нефтяной сфере. Более 70 лет монополистом в области добычи нефти и газа в стране является компания PEMEX, и за это время она превратилась в крайне неэффективную структуру. В результате добыча падала – в 2011 году ее ежедневный объем составил 2,55 млн баррелей, в то время как в 2007 году Мексика добывала 3,07 млн. Во-вторых, начавшееся несколько позже резкое падение цены на нефть рискует вызвать серьезный дефицит мексиканского бюджета.

В итоге конгресс Мексики проголосовал за изменение конституции и разрешил частные инвестиции в мексиканскую энергетическую отрасль. По расчетам JPMorgan Chase, эта реформа может дать Мексике дополнительно 15 млрд долларов инвестиций в год. Благодаря более эффективной политике в области разведки и добычи Мексика к 2025 году сможет извлекать до 4 млн баррелей нефти в день (в 2013 году она добывала 2,5 млн баррелей). Однако этого недостаточно для того, чтобы решить экономические проблемы страны. В ближайшие годы мексиканским властям придется заняться еще двумя важными и взаимосвязанными задачами: диверсификацией и демонополизацией мексиканской экономики.

Уровень монополизации в Мексике крайне высок. Так, телевидение контролируют две компании. Компания богатейшего человека в мире Карлоса Слима America Movil SAB контролирует 80 % стационарной и 70 % мобильной телефонной связи, что позволяет ему устанавливать произвольные цены. По данным главы комиссии по конкуренции Эдуардо Переса Мотты, бедные мексиканцы из-за монополий переплачивают почти 40 % за базовые товары и услуги. А из-за монополизации электросистемы страны Всемирный банк дал Мексике 142-е место из 183 стран по легкости доступа к энергетическим сетям.

Такой уровень монополизации ведет к целой россыпи проблем. Во-первых, высокому уровню коррупции. Под подозрением в получении взяток оказалась даже нынешняя первая леди – суперзвезда мексиканских мыльных опер Анхелика Ривера. Выяснилось, что она получила дорогой дом у компании, которая в бытность ее мужа губернатором выиграла огромный контракт на постройку железной дороги. В итоге президент был вынужден отменить контракт. Во-вторых, к низкому уровню конкуренции и низкому качеству работы. По данным мексиканской Федеральной комиссии по конкуренции, только демонополизация этого сегмента рынка помогла бы ему вырасти минимум на треть. В-третьих, монополизация, помноженная на коррупцию, не позволяет создавать в Мексике достаточное количество средних и малых предприятий, что в свою очередь ведет к недостатку рабочих мест

и отсутствию среднего класса. В этой ситуации большинство инициативных мексиканцев уезжают в Соединенные Штаты, открывают там свои предприятия (ремонтные мастерские, ресторанички быстрого питания), а затем «выписывают» своих сограждан в качестве помощников. В итоге массовая миграция привела к тому, что число мексиканцев в США выросло с 4,5 млн в 1990 году до 12 млн в 2014-м.

В самой же Мексике недостаток рабочих мест уже стал причиной высокого уровня социальной напряженности. Огромный разрыв между бедными и богатыми и отсутствие среднего класса способствуют маргинализации и криминализации населения. Около половины трудоспособного населения работает на временных работах, а похищение людей – чрезвычайно распространенный бизнес. Причем в большинстве случаев похищаемые – это обыкновенные люди из мизерного среднего класса, работающие врачами или журналистами, а требуемая сумма выкупа часто равняется всего нескольким сотням долларов.

Безусловно, в ближайшие годы власти постараются заняться решением комплексных экономических проблем. Однако для привлечения инвестиций и укрепления позиций среднего класса им необходимо восстановить в стране власть закона и эффективность работы государственного аппарата. А это невозможно без эффективной борьбы с ключевой проблемой современного мексиканского общества – наркокартелями.

Разгром ЦРУ колумбийских наркокартелей и ликвидация пути доставки кокаина через Флориду (альтернативный мексиканскому) привел к тому, что за пару десятков лет картели Мексики превратились из посредников колумбийцев в настоящих хозяев наркоторговли. Они получили контроль над всей цепочкой наркоторговли – от сырьевых плантаций в районе Анд до точек продажи на американских улицах. Однако с точки зрения Мексики картели – это не просто торговцы наркотиками. Они стали важнейшим элементом мексиканской социально-экономической реальности.

Во-первых, ряд бедных мексиканцев рассматривают работу на картели как единственный способ заработка и карьерного лифта. Наркоотрасль является пятым работодателем Мексики. Во-вторых, воспитанные в патерналистской среде лидеры картелей зачастую помогают общинам, в которых выросли. Так, лидер картеля Синалоа по имени Хоакин «Эль Чапо» Гусман вложил миллионы долларов в местную экономику, создавал рабочие места. Неудивительно, что после его ареста сотни людей вышли на улицы, протестуя против задержания их благодетеля.

Картели являются одним из основных игроков экономики Мексики. Экспорт наркотиков ежегодно приносит им от 35 до 40 млрд долларов, из которых 80 % – это чистый доход. Эти прибыли картели отмывали в реальной экономике, тем самым способствуя экономическому росту страны. Кроме того, картели работают в разных отраслях мексиканской экономики. Так, например, картель «Рыцари Тамплиеры» в Мичоакане до недавнего времени контролировал не только лаборатории по производству метамфетамина, а также плантации марихуаны и опиумного мака, но также значительную долю плантаций лайма и авокадо, а также добычу благородных металлов, которые экспортировались в Китай. По традиции обложены данью многие местные бизнесмены. Как грустно шутят журналисты, картели создали самые жестокие и эффективные мультинациональные капиталистические предприятия в Мексике.

Мексиканские власти использовали разные варианты взаимодействия с картелями. Так, экс-президент страны Винсенте Фокс заключил с картелями соглашение о ненападении. Они обязались не устраивать беспорядок в государстве, в ответ на что Фокс не вмешивался в их дела. Однако эта порочная практика привела к тому, что картели беспрепятственно проникли в местные органы государственной власти и правопорядка, скупали полицию и чиновников оптом. Фактически в Мексике начала формироваться альтернативная государству власть, что ставило под вопрос дальнейшее существование страны.

Пришедший ему на смену Фелипе Кальдерон решил кардинально изменить тактику поведения и объявил картелям настоящую войну. Он вводил войска в города, заменяя коррумпированную полицию (которая нередко стреляла в пришедших им на смену солдат),

начал преследование лидеров картелей. Однако наркомафия ответила войной на войну. У нее в подчинении были целые армии, сформированные из ветеранов мексиканской армии и спецслужб (одна из таких армий – Лос Зетас – сама стала картелем), и наркобароны устроили охоту на отказавшихся брать взятки представителей органов власти и правопорядка. Одновременно с этим картели еще и успевали воевать друг с другом за сферы влияния, доли американского наркорынка и пути транзита. В результате Мексику захлестнула волна насилия – в период с 2006 по 2014 год в стране произошло более 100 тысяч убийств и похищений людей. И это несмотря на то, что в конце 2012 года Кальдерона сменил нынешний президент Энрике Пенья Ньето, который дал понять, что прекращает войну. Насилие было уже не остановить – только на 2013 год пришлось более 18 тысяч жестоких убийств и 2,5 тысячи похищений.

Энрике Пенья Ньето будет продолжать пытаться искать методы борьбы с картелями. Однако пока что его действия не приносят успеха. Так, он попытался легитимировать «мстителей» – отряды самообороны из местных жителей и гастарбайтеров, вернувшихся из США, которые взяли борьбу с картелями в свои руки. Финансируемые за счет частных пожертвований мексиканцев в США и Мексике, «мстители» действительно сумели добиться результатов в борьбе с наркобаронами (в частности, в штате Мичоака), после чего президент Пенья Ньето превратил их в так называемую сельскую полицию. Однако это не решило проблему: Латинская Америка уже не раз проходила эту историю с отрядами самообороны, которые в итоге занимали место тех, от кого они обороняли. Так случилось и в Мексике. Более того, нередко после победы над картелями в том или ином регионе группировки «мстителей» устраивали внутренние войны для раздела наследства изгнанного картеля.

Президент попробовал другой подход. Трагедия в Игуале (где картели при помощи местных властей убили более 40 студентов) стала предлогом для того, чтобы начать серьезные реформы местных органов власти и правопорядка. Так, президент заменил 1800 муниципальных полицейских управлений 32 общинами по штатам. Соответственно города будут не обеспечивать собственную защиту самостоятельно, а платить за это властям штатов. Однако эксперты сомневаются, что план сработает: коррупция в стране уже давно перешла на уровень штатов, и картели имеют возможность контролировать даже высокопоставленных чиновников.

В борьбе с картелями не помогают даже самые радикальные методы. Власти регулярно отчитываются о захвате того или иного лидера картеля, однако эти операции не приводят к крушению преступной группировки. Картели в полной мере усвоили уроки колумбийских коллег (когда после ареста своего лидера Пабло Эскобара могущественный картель Медельин фактически развалился) и децентрализовали свою структуру. И даже если властям удастся ликвидировать один картель, его место тут же занимает другой.

В течение ближайших пяти лет Мексика будет неспособна в одиночестве победить картели и, как следствие, добиться социально-экономического развития страны. Ее единственный шанс на победу – действенная и полномасштабная помощь со стороны США.

Мексиканские чиновники и аналитики говорят, что за рост и мощь картелей в стране во многом ответственны Соединенные Штаты. Как минимум потому, что США являются крупнейшим поставщиком оружия в Мексику. Не секрет, картели вооружены иногда даже лучше регулярных частей мексиканской армии. При этом до 87 % вооружения мексиканских картелей приходит с северного берега Рио-Гранде (в самой Мексике очень жесткое законодательство в области владения оружием). Это оружие свободно закупается на многочисленных оружейных выставках в Аризоне, Техасе, Нью-Мехико и перевозится мелкими партиями через границу. Фелипе Кальдерон и Энрике Пенья Ньето регулярно требовали от США ограничить продажи оружия, однако каждый раз наткнулись на жесткое противодействие со стороны лобби Национальной оружейной ассоциации. Эта структура тратит существенные средства на сохранение в США свободной продажи оружия и фактически ведет войну с государственными регуляторами, потворствуя экспорту оружия

в Мексику (картели являются едва ли не основными клиентами американских оружейников).

Однако самый большой «вклад» Соединенных Штатов в дело процветания картелей в том, что США являются крупнейшим рынком потребления наркотиков. Американский наркорынок оценивается, по разным данным, в сумму от 100 до 200 млрд долларов. Для сравнения: нижний порог этой суммы лишь в 5 раз меньше, чем американский рынок продовольствия.

Чтобы бороться с этим явлением, все больше политиков и общественных деятелей в США говорят о необходимости легализации наркотиков. В ряде штатов марихуана уже разрешена для медицинского использования или частично легализована (сроки за ее хранение либо отменены, либо снижены). Население также все больше склоняется в сторону легализации «травки». Если в 1996 году за это выступало 25 % американцев, то в 2010- м их стало уже 46 %. Наиболее активно идею легализации поддерживали либералы (72 % опрошенных представителей этой группы высказались за эту идею), наименее активно – консерваторы (30 %) и республиканцы (29 %). Однако даже среди их ядра – евангелистских проповедников – есть ярые сторонники легализации марихуаны.

На фоне нежелания Штатов сокращать объемы собственного наркорынка все больше лидеров латиноамериканских государств (где активно работают как мексиканские, так и местные картели) склоняются к идее легализации наркотиков во всем регионе как к меньшему злу. Легализация, по их словам, не только позволит снизить уровень насилия, но и пополнит бюджеты – наркоторговля будет облагаться налогом. Эти настроения распространяются даже в Мексике. Если в 2009 году за легализацию наркотиков выступало 7 % мексиканцев, то в 2011 - м уже 32 %. Учитывая число жертв от войны с картелями, количество сторонников легализации будет расти.

Экономическое обоснование подобного хода понятно – причем не только для стран – производителей кокаина в Латинской Америке, но и для США. В случае легализации рынок марихуаны, вероятно, займут крупные американские табачные компании. Картелям придется переключиться на кокаин и метамфетамин. Если же и они впоследствии будут легализованы, то мексиканские картели вообще будут вытеснены с наркорынка – колумбийские, перуанские и боливийские поставщики будут напрямую работать с американскими оптовыми покупателями.

* * *

Таким образом, ожидаемые до 2020 года в Латинской Америке системные изменения дают Соединенным Штатам возможность более активно влиять на дела региона. Это не значит, что США с легкостью займут в нем доминирующие позиции – им придется выдержать серьезнейшую конкуренцию с внешними игроками, пришедшими в Латинскую Америку во время излишнего увлечения американцами Ближним Востоком и Центральной Азией. Речь тут не столько о России (чье влияние в регионе сократится из-за событий, ожидаемых на Кубе и в Венесуэле), сколько о Китае. Более того, без эффективного вытеснения Китая из Латинской Америки невозможна реализация ключевой задачи американской внешней политики первой половины XXI века – поиска способа сдерживания Китая. Однако реалии таковы, что у США в случае наличия желания достаточно сил и средств для защиты своего «заднего двора» от китайского влияния.

Глава 12

Африка южнее Сахары. Нестабильность в рамках нормы

Лошкарёв Иван Дмитриевич – специалист по постсоветским странам и проблемам развития Африканского Рога. Аналитик агентства «Внешняя политика», аспирант МГИМО (У) МИД России. Его публикации посвящены проблемам развития Африки, внешней политике Украины и проблемам современных диаспор.

К 2020 году принципиальных изменений в регионе Африки южнее Сахары не произойдет. Черный континент в общественном восприятии представляется территорией постоянных войн и государственных переворотов, эпидемии СПИДа и покинутого властями на произвол судьбы населения. В целом такой взгляд на вещи излишне упрощает ситуацию. В течение предстоящих пяти лет только в четырех африканских государствах велика вероятность сепаратистских конфликтов, а в девяти не исключена болезненная смена политического режима. В совокупности это чуть больше четверти всего числа стран региона и чуть меньше трети его площади.

В Нигерии, Камеруне, ЦАР, Нигере, Сомали столь же остро, как и сейчас, будет ощущаться проблема терроризма. Кризисные ситуации могут побудить крупные державы Африки – ЮАР, Нигерию, Эфиопию – вмешиваться в дела стран-соседей. Несмотря на многочисленные проблемы, не менее шести государств претендует на лидерство в масштабе всего континента. Но только двум странам представится возможность показать себя – ЮАР и Нигерии. В противовес ожиданиям, Южно-Африканская Республика не сможет добиться аналогичного политического статуса.

Страны региона останутся крайне зависимыми от экспорта, то есть в конечном счете от своих заокеанских потребителей. В среднесрочной перспективе африканские экономики продолжают рост, за счет которого будет меняться баланс внешнеторговых отраслей. Несмотря на краткосрочные трудности, среднесрочный прогноз позитивный. Африка южнее Сахары постепенно будет формировать новую структуру собственной экономики.

Появление новых государств и «неуправляемых» территорий

По негласной традиции границы в Африке не должны пересматриваться. В основе этой традиции – инстинкт самосохранения молодых африканских государств. Большинство границ на континенте было проведено колонизаторами XVIII–XIX веков в произвольном порядке, так что пересмотр одной случайно проведенной разделительной линии грозит ревизией границ для всего континента.

Но внутри африканских государств немало сторонников пересмотра границ – этнические и религиозные меньшинства, население географически обособленных регионов, транснациональные преступные и религиозные сообщества. Единственный способ соблюсти традицию и собственный интерес – создать новое государство путем отделения от уже существующего. Если отделение будет признано, то возникнет полноценная страна (как в Южном Судане), если нет – возникнет очередной очаг нестабильности, неуправляемая территория, на которую будет распространяться номинальная юрисдикция существующего государства (классический пример – Сомалиленд). Таким образом, изменять границы в Африке не принято, но и не запрещено.

Самостоятельно преодолеть сопротивление существующих государств сторонники пересмотра границ не могут – необходимо внешнее вмешательство. Образцом в этом плане является отделение Южного Судана, проводившееся при поддержке США. Косвенная цель Вашингтона состояла в том, чтобы нарушить поставки суданской нефти в Китай, но попутно удалось сдвинуть с мертвой точки многолетний конфликт между арабизированным населением севера Судана и негроидными этносами юга.

На вовлечение крупных игроков в африканские дела влияют три фактора – стратегическое положение отдельной страны, наличие важных для мировой экономики ресурсов или противодействие интересам других игроков. С учетом этого в зону риска до 2020 года попадают 11 стран, но только в четырех из них вероятность негативного сценария высока (Судан, Южный Судан, Ангола и Сомали). Это не означает, что борьба за независимость территорий обязательно начнется – многое зависит от элиты африканских государств и от настойчивости заинтересованных держав.

Появление новых государств необязательно произойдет путем вооруженных конфликтов. В Африке достаточно территорий, которые де-факто уже независимы

и самостоятельны. Прежде всего речь идет о Сомалиленде, который при поддержке Великобритании сформировал вооруженные силы и долгие годы функционировал успешнее, чем остальные части Сомали. Вопрос признания независимости Сомалиленда – это вопрос времени, поскольку это непризнанное государство уже давно разорвало связи с остальной частью страны. Сомалиленд находится в откровенно враждебных отношениях с находящимся южнее Пунтлендом, который согласился на статус автономии (штата) в составе Сомали. Формула управления в Могадишо опирается на «союз 4,5 клана» и не предусматривает участие господствующей в Сомалиленде клановой группы исак в общесомалийском политическом процессе.

Еще одна автономия в Сомали, которая может вернуться к уже дважды провозглашенной независимости, – Джубаленд. Это государственное образование возникло вокруг ареала произрастания наркотического растения чат (кат). Под давлением мирового сообщества и существующих исламских доктрин федеральное правительство Сомали может озаботиться борьбой с наркоторговлей, что автоматически означает возникновение очагов сопротивления в долине реки Джуба.

Другие африканские территории, где власть государства не ощущается уже продолжительное время, также могут оформиться в самостоятельное политическое явление. Например, Руанда и далее будет поощрять нестабильность в провинции Северное Киву (Демократическая Республика Конго), где после геноцида размещаются беженцы хуту и тутси. Цель этих акций – замкнуть потоки нелегальных поставок драгоценных и редких металлов на руандийские посреднические структуры, отвлечь хуту и тутси внутри Руанды от конфронтации. В итоге в Северном Киву с периодичностью в 2–3 года уже несколько раз формировались альтернативные институты управления. Сходная ситуация складывается в Восточной провинции под влиянием Уганды. Также из-за давних сепаратистских традиций вероятно активизация повстанческих группировок в провинции Катанга. Иными словами, не исключена угроза фрагментации почти всего региона Великих Озер.

В Анголе вероятно активизация сепаратистского движения в провинции Кабинда, которая отделена от основной части страны полоской территории Демократической Республики Конго. Правительство Анголы испытывает сложности с выстраиванием этнического равновесия внутри страны (перекос в сторону мбунду, составляющих лишь четверть населения) и одновременно стремится проводить политику равноудаленности от основных центров силы в мире. С учетом этого внешние силы могут быть заинтересованы в усилении сепаратистского движения в провинции, которая обеспечивает до 80 % нефтяной выручки страны. Хотя активизация сторонников независимости Кабинды – скорее вопрос большого торга между КНР и США в контексте смены политического режима во всей Анголе. Возможно также, что это будет первый конфликт на континенте, где активную роль сыграет Бразилия.

Весьма драматическими могут быть сепаратистские процессы в Эфиопии, где существуют предпосылки для отделения как минимум двух кылилей (штатов) на юге страны – Оромия и Сомалия (ранее – Огаден). Вновь объединившиеся воедино в 2012 году фракции Фронта освобождения оромо пользуются поддержкой Эритреи, а активисты Фронта национального освобождения Огадена получают материальные и людские ресурсы от сородичей из соседнего Сомали и от мусульманских фондов. Ранее эфиопские власти могли сдерживать активность сепаратистов, играя на этнических противоречиях. Кроме того, Аддис-Абеба затягивает геологоразведочные работы по поиску нефти и тормозит заключение соглашений о добыче, исходя из того, что углеводороды «притягивают конфликты». Однако нынешний премьер Хайле Марьям Дессалинь не пользуется широкой поддержкой внутри эфиопской элиты, что существенно снижает его свободу маневра перед лицом внутренних угроз и внешнего давления. Слабость федеральной власти и конституционно закрепленное право штатов на отделение составляют два фактора, способствующих активизации сепаратизма в Оромии и Сомалии на среднесрочную перспективу.

Конфликт в Судане носит перманентный характер. Однако есть вероятность, что исторический регион Дарфур в той или иной форме провозгласит независимость. Противостоящие правительству вооруженные движения (в основном принадлежащие к этносу загава) вполне способны сформировать государственный аппарат, проблема лишь в том, как обеспечить минимальные потребности населения. В отличие от Южного Судана, в Дарфуре нефтяные месторождения не столь крупные и требуют дополнительных вложений для начала полноценной добычи и организации транспортировки. Если сотрудничество КНР и Судана, несмотря на существующие противоречия, продолжится, то активность Вашингтона в подавлении самостоятельности Дарфура возрастет. Аналогична ситуация на востоке Южного Судана, где этнос нуэр выстраивает альтернативную государственность.

Несмотря на подавление туарегского восстания в Мали, потенциал для восстановления независимого государства Азавад сохраняется. Однако туарегский национальный проект в Мали конкурирует с исламистским проектом единого государства в зоне Сахеля (пространство полупустынь и саванны южнее пустыни Сахара). Более того, решительно против независимости Азавада выступают США и Франция. Возможных вариантов два: существование Азавада по сценарию Сомалиленда (независимый, но не признанный) или перенос активности туарегов на север Нигера. В этой стране туареги обладают устоявшейся организацией, а традиционная знать инкорпорирована в институты управления. Также возможно, что активность туарегов всколыхнет соперничающие с ними племена тубу в северных регионах Чада и в Нигере.

Наконец, крайне неустойчиво положение Нигерии. Пока основные сепаратистские движения подавляются правительством, но популярность независимости дельты реки Нигер, самоопределения народа огони или восстановления Республики Биафра на юге страны не снижается. Конкретное развитие ситуации зависит от соблюдения религиозно-этнического баланса в органах управления Нигерии и от того, насколько стабильным будет социальное положение народа игбо. Аналогичное неопределенное положение в Замбии, где этнос лози добивается восстановления Баротселенда – государственного образования колониальных времен.

Таким образом, основная зона политической неопределенности – это полоса от Мали до Сомали (регионы Сахеля и Африканского Рога). Наибольшее влияние на динамику нестабильности в этой полосе будет оказывать ситуация в Судане, где развернулось противостояние США и КНР. Другой благотворный для баланса в Сахеле элемент – Ливия – надолго выведен из строя. В целом ситуация будет далекой от нормы, но не экстраординарной для Африки.

Дестабилизация политических режимов

В Африке руководителя государства воспринимают не как нанятого на службу народу чиновника, а, скорее, как вождя, олицетворяющего гармонию и порядок. Поэтому африканские лидеры в целом склонны переделывать политические институты «под себя», поскольку обладают собственным пониманием гармонии. Кроме того, вождю, а не чиновнику сложнее покинуть свой пост, поэтому многие президенты и премьер-министры надолго задерживаются у власти. А когда необходимость смены руководства в африканской стране все же созревает, передача власти оказывается болезненной и может приводить к социальным (и даже военным) конфликтам. Поэтому в Африке политическая стабильность и экономический рост нередко отождествляются с несменяемостью лидера страны. То есть большинство режимов персонифицировано, хотя существуют и исключения (Мозамбик, Замбия, Бенин).

В африканских реалиях не столь уместно говорить о демократии или диктатуре – характеристики этих понятий причудливо переплетаются в политических системах континента. Многие страны попросту имитируют основные характеристики государственных институтов, чтобы быть понятными партнерами для остального мира

(прежде всего западного). С большой долей условности можно выделить в Африке южнее Сахары девять демократических и восемь авторитарных государств, все остальные страны занимают промежуточное положение между этими двумя полюсами. Но даже авторитарные режимы (за исключением Эритреи и Свазиленда) регулярно проводят президентские и парламентские выборы, обеспечивают сносные возможности для политической агитации. К 2020 году количество отчетливо авторитарных в Африке сократится, однако в условный клуб диктатур могут вернуться Гвинея, Того и Габон.

В 2005–2014 годах в 48 (с 2011 г. – 49) государствах Африки южнее Сахары получили должности 55 президентов и премьер-министров, то есть менее одного лидера на страну за 10 лет. И это при том, что из-за косвенного влияния «арабской весны» за период 2010–2014 годов скорость смены руководства заметно возросла – до 0,77 лидеров на страну в пятилетку (по сравнению с 0,4 лидера на страну за предыдущий период). Эти данные демонстрируют, что персоналии у власти на континенте меняются крайне медленно. Более того, скорость смены руководства с затуханием протестной активности в странах Магриба будет иметь тенденцию к снижению.

С учетом этого дестабилизация политических режимов возможна, если последние еще не окрепли (переход власти произошел недавно) или, наоборот, «одряхлели» (лидер находится на посту долгое время и, возможно, сам уже не молод). В целом уход руководителей африканских стран с поста обусловлен тремя основными причинами: скоростной кончиной, нарушением этнического или религиозного баланса, давлением внешних сил. Последняя разновидность причин встречается все реже и обычно комбинируется с другими факторами. Дело в том, что авторитарные режимы в Африке могут быть вернейшими союзниками стран развитой демократии, поэтому наиболее часто вмешивающиеся в политические процессы континента державы не могут в полной мере реализовывать свою неолиберальную повестку дня. Напротив, нелиберальные государства с глобальными амбициями слишком привержены принципу невмешательства во внутренние дела, чтобы манипулировать масштабными политическими процессами в африканских странах.

Таким образом, политическая нестабильность наиболее вероятна в странах, где многолетние лидеры преодолели условную планку в 65 лет и где существуют крупные этнические (этнолингвистические, религиозные) группы, в значительной степени недовольные своим социальным положением. С учетом этого в зону риска попадают 13 стран, причем в четырех случаях явно присутствуют оба фактора.

Таблица 1. Факторы смены потенциально «одряхлевших» политических режимов в Африке южнее Сахары

Государство	Возраст лидера (лет) / период нахождения у власти (лет)	Недовольная группа (доля населения)
Ангола	72/35	овимбунда
Гамбия	49/20	фульбе (20%)
Демократическая Республика Конго (ДРК)	43/14	баконго (40%)
Джибути	67/15	афар (~35%)
Зимбабве	90/34	ндебеле (10%)
Камерун	81/32	фульбе (10%), «южные камунды» (10%)
Республика Конго	71/30 (с перерывом)	подгруппа фульбе (~25%)
Руанда	57/14	явных нет
Судан	71/21	малочисленные этнические группы
Уганда	70/29	ачоли (5%)
Чад	62/24	арабы (10%)

С учетом интересов внешних игроков (прежде всего США и Франции) режимы в Джибути, Камеруне и Чаде останутся стабильными. В итоге к 2020 году велика вероятность драматического изменения политического ландшафта в Анголе, Зимбабве, Республике Конго и Эритрее. То есть в эпицентре перемен окажутся главным образом авторитарные режимы южной части Африки. Крайне неопределенная ситуация в ДРК, где президент Жозеф Кабила стремительно утрачивает популярность и одновременно пытается обеспечить избрание на новый срок. Продолжение правления Кабилы может вызвать открытое недовольство в западных провинциях страны.

Недавно пришедшие к власти силы в ряде африканских стран могут не удержаться. Под угрозой стабильность в пяти государствах. В Гвинее-Бисау президенту Жозе Вазу придется балансировать на грани противостояния с влиятельными кругами в армии, как и главе Мали Ибрагиму Кейте. В Центральной Африканской Республике временная администрация должна провести выборы в условиях, когда коалиция мусульманских группировок «Селека» не отказывается от претензий на руководство страной. Точки опоры во враждебной политической среде будет искать обладатель самой длинной фамилии среди президентов мира – лидер Мадагаскара (Эри Радзаунариампианина). Дело в том, что руководитель острова победил на выборах, на которых было запрещено участвовать предыдущим президентам страны. Наконец, в Буркино-Фасо конфигурация власти после военного переворота определится в течение 2015–2016 годов. В целом большинство указанных государств находится в Западной Африке или является зоной преимущественных интересов Франции.

Таким образом, в среднесрочной перспективе политическая нестабильность вероятна на юге континента, а в краткосрочной – в странах в окрестностях Гвинейского залива. В ближайшее время предстоят тест на лидерство для Нигерии в Западной Африке и проверка на прочность на нынешних рубежах влияния ЮАР.

Новые вызовы и угрозы в африканском варианте

Помимо традиционной угрозы вооруженных конфликтов и активизации сепаратистских движений, в Африке существуют транснациональные преступные сообщества. Их деятельность традиционно относят к так называемым новым вызовам и угрозам (НВУ). Справедливости ради стоит отметить, что в иерархии проблем континента терроризм, пиратство или наркотрафик находится на высоком, но не первом месте. Однако именно сетевой характер этих явлений составляет главнейшую опасность: государственные и региональные границы не способны удержать их в пределах континента. По сути, борьбу с новыми вызовами и угрозами в Африке ведут глобальные державы, подталкивающие местные страны к более активным действиям.

Одна из причин скрытого сопротивления африканских элит в борьбе с НВУ состоит в том, что крайне сложно провести грань между добром и злом. Например, правящую партию ЮАР – Африканский национальный конгресс – ранее причисляли к террористическим организациям (в том числе в Вашингтоне). Аналогично выращивание наркотического растения чат на юге Сомали и пиратство на северо-восточном побережье этой же страны часто являются единственно возможным занятием для отдельных групп местного населения. В общем, в африканских реалиях транснациональные преступные сообщества нередко выступают партнерами государства на локальном уровне или даже подменяют государственный аппарат. Так что борьба с пиратством или терроризмом на Черном континенте отличается неторопливостью из прагматических соображений.

Терроризм в Африке южнее Сахары преимущественно осуществляется организациями с исламистской идеологией. Наиболее известное исключение из правила – угандийская Армия сопротивления Господа, исповедующая весьма оригинальный взгляд на христианство. Но акцентирование религиозной составляющей терроризма было бы

ошибочным: большинство африканских террористических организаций возникли на почве этнических противоречий. Эти структуры отражают затаенное недовольство действующими политическими режимами и обильно используют религиозную и антизападную фразеологию. Всего пять организаций представляют опасность в краткосрочной перспективе, поскольку насчитывают более 1000 человек и обладают устоявшейся структурой. В среднесрочной перспективе не исключено появление новых крупных террористических группировок в регионе Сахеля и Великих Озер. О себе будут заявлять и более мелкие организации, хотя это будут скорее пиар-акции с поправкой на террористическую специфику.

Крупнейшая глобальная террористическая организация «Аль-Каида» находится в партнерских отношениях с «Аль-Каидой» Исламского Магриба (АКИМ) и сомалийским «Аш-Шабабом» («Движение сражающейся молодежи»). Однако это партнерство ограничивается редкими денежными переводами и посылкой отдельных инструкторов. После падения режима Каддафи в Ливии АКИМ усилилась и стала направлять небольшие группы вооруженных боевиков «патрули» на территории от севера Мали до запада Судана. Эти группы нередко собирали некое подобие налога с местного населения и организовывали локальные ячейки. Однако убийство лидера АКИМ Абдулхамида Абу Зейда в 2013 году привело к нескольким расколам в организации, и многие ее ячейки остаются пассивными. Если ситуация хотя бы в одной из четырех стран (Ливия, Мали, ЦАР, Судан) обострится до открытого военного конфликта, вероятна активизация АКИМ и распространение ее деятельности в северные районы Нигерии.

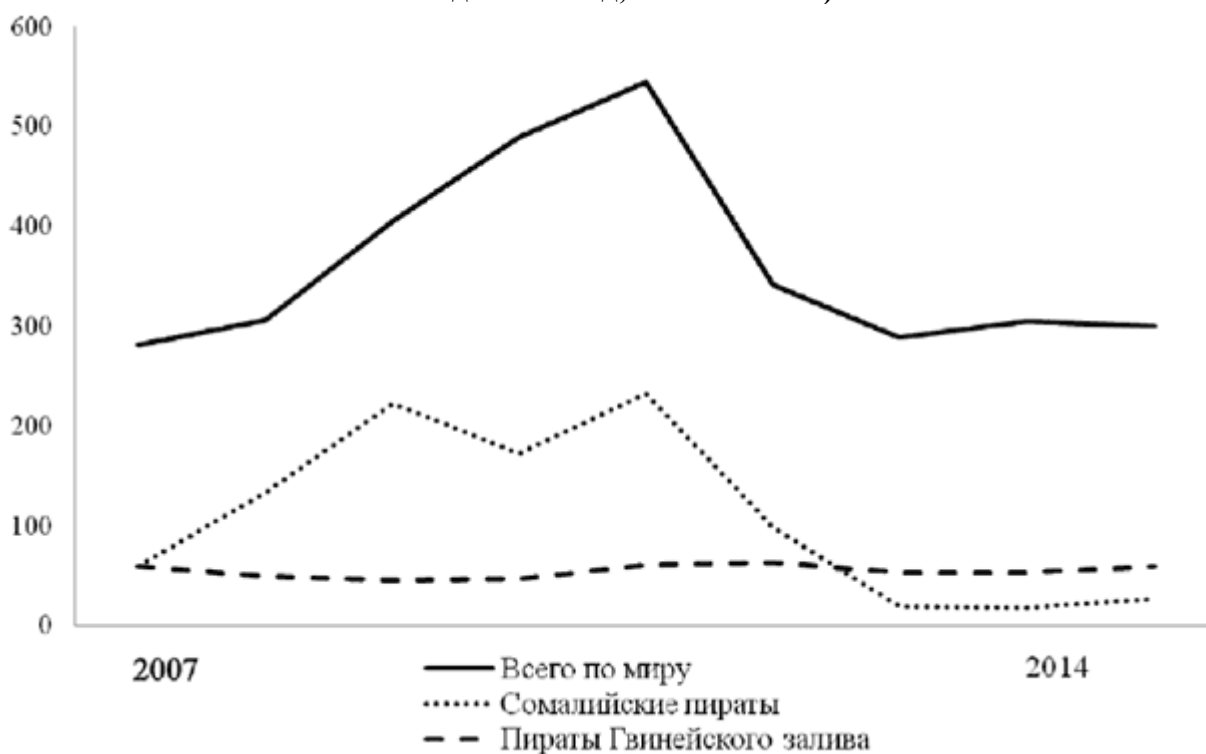
«Аш-Шабаб», несмотря на чувствительные поражения от войск Африканского Союза, продолжает контролировать до 10 % территории Сомали. Эта организация пережила несколько расколов и слияний с локальными некрупными группировками. «Аш-Шабаб» поддерживается в основном отдельными лидерами клановой группы хавийе, которые недовольны текущим распределением власти в стране. Поскольку конфигурация должностей и принцип «4,5 клана» из сомалийской политики в ближайшее время не исчезнут, борьба «Аш-Шабаба» продолжится. Весьма вероятен «ребрендинг» организации, возвращение к эгалитаристским лозунгам Союза исламских судов. Поскольку «Аш-Шабаб» отрезан от океанского побережья, то связь с «Аль-Каидой» стала эпизодической, что будет способствовать пересмотру приоритетов.

Движение «Ансар ад-Дин» («Защитники веры») представляет главным образом интересы племени туарегов ифора. Лозунги борьбы за шариатское государство нередко скрывают собой недовольство текущим статусом племени – в том числе в фантомном государстве туарегов Азавад на севере Мали. Главная опасность «Ансар ад-Дин» в том, что организация переняла идею мобильных групп у АКИМ, что расширяет зону риска от Буркина-Фасо до Чада. Не исключен союз организации с АКИМ, поскольку их тактические цели совпадают, а ресурсная база заметно ограничена.

Исламистская группировка «Боко Харам» (настоящее название – «Джаммату Ахлис Сунна лид-Давати вал-Джихад», то есть «люди, приверженные учению Пророка о проповеди и джихаде») и христианская Армия сопротивления Господа – это классические террористические организации с локальными целями. «Боко Харам» близка к расколу, поскольку тактика нигерийского правительства дает плоды (переговоры с умеренным крылом организации). По мере того как раскол станет достоянием гласности, активность группировки увеличится, а акты насилия ужесточатся. В более усеченной форме «Боко Харам» продолжит существование, поскольку осуществить наиболее действенную меру – арест ключевых лидеров организации – нигерийские силы правопорядка не способны. Аналогичная ситуация с Армией сопротивления Господа, отражающей недовольство социальным статусом этноса ачоли. Разгромить базы Армии в Южном Судане угандийские власти не способны, как и полноценно удовлетворить запросы ачоли.

Рисунок 1. Динамика активности пиратов (численность успешных и неудавшихся)

нападений в год, 2007–2015 гг.)

Источник : International Maritime Organization.

В Африке расположены две из четырех наиболее активных зон пиратства – Гвинейский залив и Аденский пролив. За последние годы активность африканских пиратов заметно снизилась и мировой центр нападений на морские суда сместился в Южно-Китайское море. У побережья Сомали пиратство удалось затушить с помощью военно-морского патрулирования территории, а в Западной Африке показатели пиратской активности стабильны. Поскольку ЕС стремится снизить затраты на борьбу с пиратством, в ближайшие пять лет операция «Атланта» у сомалийского побережья будет свернута, вместо нее будут запущены тренировочные программы для береговой охраны и поставки вспомогательного оборудования. С учетом этого активность сомалийских пиратов несколько возрастет, но не достигнет прежних масштабов.

Ситуация с наркотрафиком в Африке более спокойная, чем в целом по миру. Из-за невысоких доходов лишь 0,17 % населения постоянно употребляют наркотики, причем в половине случаев – каннабис (высушенные и измельченные стебли, листья и соцветия конопли). По мере роста доходов населения вероятно увеличение потребления героина и метамфетамина. Кроме того, в международной статистике не учитывается то обстоятельство, что многие традиционные африканские приправы и напитки также обладают психотропным воздействием. Более того, на Африканском Роге жевание листьев наркотического растения чат является частью повседневной культуры.

Пока основные маршруты поставки наркотических веществ обходят Африку стороной: кокаин из Колумбии и Перу направляется в США, а опиаты из Афганистана и Мьянмы наряду с европейским рынком осваивают азиатско-тихоокеанский. Вместе с тем порты Западной Африки используются как перевалочные базы для европейского рынка кокаина. Слабость государственного аппарата может привести к переносу части метамфетаминных лабораторий, ориентированных на европейский рынок, из Северной Африки в Западную.

В течение последнего десятилетия международное сообщество опасалось слияния в какой-либо форме пиратских, террористических и наркодилерских сообществ. Несколько зафиксированных случаев в Сомали и в регионе Сахеля позволяют сделать вывод, что у этих сообществ слишком разные интересы. Максимум, на что способны подобные преступные сообщества, – это «крышевание» организаций со стороны более крупной структуры в обмен

на долю в прибыли. Такие альянсы нельзя назвать прочными. Поэтому ситуация с новыми вызовами и угрозами в Африке останется тревожной, но стабильной.

В поисках державы-лидера

Одна из причин повышенной конфликтности и нестабильности в Африке – это отсутствие полноценных субрегиональных держав, которые выполняют консолидирующие функции и задают ориентиры для более слабых стран. Проблема не только в негативном опыте времен колониализма и «холодной войны», когда робкие инициативы государств континента приносились в жертву во имя глобальных интересов. Как настоящие «вожди», африканские лидеры и элиты слишком долго любовались собственной исключительностью, не формулируя для себя видение грядущих перспектив. Отсылки к африканскому менталитету, знающему лишь «сегодня» (а не «завтра»), часто не имеют под собой основания, ведь только получившие образование в Европе представители элиты вели свои страны к светлому будущему, а не вся масса населения.

Очевидно, что субрегиональный лидер должен обладать солидной военной силой и не быть экономическим карликом. Кроме того, у будущей региональной сверхдержавы должна быть стратегия развития окружающего пространства, видение будущего. В условиях Африки также желательно, чтобы субрегион был однородным хотя бы в религиозном или лингвистическом плане. На практике ситуация нередко противоположная: в Сахеле и Западной Африке наблюдается «ползучая» экспансия ислама на христианские и анимистские местности, а население поделено на франкоговорящих и англоговорящих. В Южной Африке полоса бывших британских колоний в географическом смысле скована бывшими португальскими зависимыми территориями, что сказывается на культурном отторжении стран. Единственный субрегион, где можно достичь религиозной однородности, – это Африканский Рог. Но для этого доля мусульман в Эфиопии должна вырасти настолько, чтобы изменить укоренившуюся христианскую риторику государства. Дилемма Эфиопии состоит в том, отринуть ли два тысячелетия христианской истории ради статуса региональной державы.

Наиболее продвинулись на пути консолидации субрегионы Западной и Южной Африки. Тем не менее достигнутый прогресс недостаточен. В Южной Африке у потенциального лидера нет видения будущего. Отчасти из-за этого из небытия может вернуться конфронтация ЮАР и Анголы. Нынешний правящий в Анголе режим со времен борьбы за независимость по инерции опасается усиления Претории, чем отчасти и объясняется высокий даже по африканским меркам уровень военных расходов. Однако из-за зависимости ангольской экономики от цен на энергоносители страна не будет проявлять открытый экспансионизм, отпугивающий инвесторов. В то же время при угрозе крушения режима Жозе душ Сантуша последний может прибегнуть к дестабилизации обстановки в субрегионе (в частности, в ДРК и Замбии). Вероятно, ЮАР и Ангола попытаются избежать подобного сценария при посредничестве КНР. Поэтому в среднесрочной перспективе нельзя исключать демонстративного сближения Лусаки и Претории. Если этот шаг будет сделан, то можно будет говорить о наличии стратегии ЮАР в субрегионе.

В Западной Африке нет явного соперничества потенциальных субрегиональных держав, очевидным лидером является Нигерия. Нигерийское лидерство пока опирается на четыре страны субрегиона – Гамбию, Гану, Гвинею и Сьерра-Леоне. То есть Абудже удалось вовлечь в совместный проект потенциального соперника – Гану. Авторитет этой страны в Западной Африке базируется отчасти на воспоминаниях об одноименной средневековой империи, отчасти – на огромном авторитете прежних руководителей страны Кваме Нкрумы и Джерри Роллингса. Важно, что экспортные отрасли Нигерии и Ганы пока не конкурируют (нефть и какао-бобы соответственно), хотя разведка нефти в Гане представляет потенциальную угрозу для баланса сил в субрегионе.

Нигерийское лидерство подкрепляется солидным инструментарием «мягкой силы»: нигерийская киноиндустрия (Нолливуд) по количеству произведенных фильмов стабильно занимает второе место в мире. Препятствием для консолидации субрегиона является неустойчивая политическая ситуация, в том числе в самой Нигерии. Если Абуджа сумеет более активно участвовать в урегулировании конфликтов и политических кризисов, а также добьется прогресса в формировании Западноафриканской валютной зоны, статус субрегиональной державы будет достигнут. Однако до 2020 года такое развитие событий маловероятно.

В Восточной Африке и на Африканском Роге конфигурация сил крайне неопределенная. Наиболее значительным потенциалом для лидерства обладает Эфиопия, но в современных реалиях такая ситуация не устраивает Судан и Эритрею. Наличие в Восточной и Центральной Африке государств среднего размера с неплохими экономическими показателями (Кения, Уганда, Танзания, Судан) ограничивает влияние Аддис-Абебы пространством Африканского Рога. Таким образом, расклад сил подталкивает Эфиопию к субрегиональному лидерству, к которому страна пока не готова. Стратегия действующего руководства страны фактически дублирует китайскую доктрину «мирного возвышения»: экономическое развитие обеспечит влияние. С учетом этого в среднесрочной перспективе усиление Эфиопии продолжится, но будет сопровождаться весьма осторожной внешней политикой.

В Центральной Африке располагается «спящий богатырь» – Демократическая Республика Конго. Именно у этой страны наибольший потенциал для консолидации субрегиона. Пробуждение ДРК резко изменит соотношение сил не только в Центральной, но и в Южной Африке. Однако для того, чтобы запустить создание субрегиона, необходима смена политического режима и пересмотр баланса этнического представительства (с повышением роли народностей баконго и монго). К 2020 году подобных сдвигов не предвидится.

Наиболее вероятными лидерами в масштабах всего континента могут стать Нигерия, ДРК и Эфиопия. Со значительно меньшей долей вероятности знаменосцами panaфриканского единства станут Ангола, Судан или ЮАР. Слабым местом любой африканской сверхдержавы остается структурное несовершенство экономики, выражающееся даже не столько в недиверсифицированном экспорте, сколько в отсутствии стимулов для повышения производительности труда. С учетом иных факторов лидерства выходит, что основным претендентом на лидерство в Африке остается Нигерия, чей потенциал с функциональной точки зрения распределен наиболее равномерно.

Многие претенденты на panaфриканское лидерство – это прибрежные государства, что в меньшей степени позволит им обеспечить связность территории. Более того, ЮАР слишком географически удалена от основной части континента, а влияние Эфиопии ограничивает полоса государств среднего размера в Восточной и Центральной Африке. Таким образом, **будущее Африки с большой долей вероятности будет зависеть от Нигерии, от ее способности преодолеть внутренние противоречия, выработать panaфриканскую стратегию и консолидировать пространство Западной Африки.**

Экономическая динамика в Африке южнее Сахары

Экономические показатели африканских стран могут внушать как оптимизм, так и пессимизм. С одной стороны, в 2000–2013 годы средний годовой рост ВВП государств Африки южнее Сахары составлял 5 %, и даже мировой финансовый кризис и «арабское пробуждение» не смогли переломить эту тенденцию, хотя темпы роста и снижались до 2–4 %. Более того, доля континента (без учета стран Магриба) в общемировом объеме добавленной стоимости обработанной продукции не снижалась, в отличие от показателей Европы и Северной Америки. С другой стороны, структура экономики большинства африканских государств практически не меняется, а доля в мировом объеме добавленной

стоимости составляет лишь 1,5 %. В мире товаров с добавленной стоимостью такая ситуация носит тревожный характер. Проще говоря, практически невозможно стать экономически успешной страной (не говоря о процветании всего континента), если продавать углеводороды, а затем закупать гаджеты и бытовую технику, сделанные из полимерных материалов (фактически из переработанных углеводородов). Африке предстоит найти выход из замкнутого круга политических и экономических проблем, с частью из которых удастся справиться к 2020 году.

В колониальную эпоху континент остался ориентированным главным образом на экспорт сырья, так что внутренний рынок африканских стран остается крайне неразвитым. Ситуация со временем не поменялась, так как основная часть иностранных инвестиций по-прежнему направлялась в отдельные экспортные отрасли, такие как добыча полезных ископаемых и сельское хозяйство. В наше время южнее Сахары расположено 28 стран, чей экспорт заточен на продажу практически одного товара: 6 нефтеэкспортеров, 7 поставщиков продовольствия и 15 государств, торгующих минеральным сырьем (в основном металлическими рудами). Первая проблема Африки – узкая специализация экспорта.

В 2013 году показатель включенности стран Африки в мировую экономику – экспортная квота (отношение экспорта к ВВП) – составлял 30 %, что почти совпадает с мировым уровнем экспортной квоты. Для девяти стран южнее Сахары этот показатель превышает 50 %, для еще 14 – колеблется в пределах 30–40 %. Справедливости ради стоит отметить, что от экспорта практически не зависят Бурунди и Сомали (менее 10 %). Особенно угрожающая ситуация в пяти странах, где именно за счет экспорта происходит наполнение государственного бюджета. В целом просматривается следующая закономерность: более слабые экономики открыты для внешних рынков даже больше, чем сильные экономики. Поэтому вторая проблема Африки состоит в том, что в существующем внешнеторговом формате «невидимая рука» склоняет чашу весов не в пользу Черного континента. Иными словами, экспорт делает африканские страны излишне зависимыми от предпочтений и состояния экономик покупателей (в основном западных стран и КНР).

Таблица 2. Наиболее зависимые от экспорта государства Африки южнее Сахары

Страна	Экспортная квота (объем экспорта к объему ВВП),%	Доля от основного товара
Экваториальная Гвинея	88	98 (нефть)
Республика Конго	77	80 (нефть)
Сейшельские острова	76	97 (рыболовство)
Габон	59	56 (нефть)
Ангола	56	80 (нефть)

Страна	Экспортная квота (объем экспорта к объему ВВП),%	Доля от основного товара
Ботсвана	55	45 (алюминий)
Свазиленд	55	46 (сахарные изделия)
Маврикий	54	8 (одежда)
Сьерра-Леоне	53	22 (алюминий)

Источники: World Bank, African Economic Outlook, US Energy Information Administration.

Международные финансовые институты пытаются сгладить неравномерность развития стран Африки, но их больше интересуют сокращение государственных затрат, устранение наиболее кричащих социальных проблем и защита окружающей среды. Поэтому часть международных программ ориентирована на сохранение экспортной ориентации

африканских экономик. Например, страны континента взяли обязательство к 2025 году удвоить продуктивность сельского хозяйства и увеличить отчисления в отрасль из госбюджетов до 10 % (так называемые обязательства Мапуту). Пока только девять государств Африки достигли запланированных показателей, а большинству государств это, скорее всего, не удастся. В итоге страны – поставщики сельскохозяйственной продукции из-за этих мер усилили «однобокость» своего экспорта.

Для преодоления зависимости от экспорта и его узкой сырьевой специализации существуют простые и опробованные рецепты: стимулирование внутреннего спроса и наращивание промышленных (в первую очередь обрабатывающих) мощностей. Внутренний спрос укрепить крайне сложно – в Африке относительно высокие показатели безработицы (7,7 %) и населения за чертой бедности (46,8 %). Антирекорды по уровню безработицы бьют страны Южной Африки – ЮАР (25 %), Лесото (25 %) и Свазиленд (23 %). В остальных государствах данные, вероятно, неполные. Аналогично антирекорды по доле населения за чертой бедности (свыше половины) продемонстрировали девять стран, в числе которых и Нигерия (62 %). А Мадагаскар – лидер антирейтинга в масштабах всего мира (88 %). Таким образом, чтобы поднять внутренний спрос, нужно кардинально улучшить показатели занятости населения.

Вопросы занятости и индустриализации взаимосвязаны и требуют вложения капиталов. Однако часто африканские страны затрачивают такое количество ресурсов на вооруженные силы (в среднем – 7 % от государственного бюджета) и на выплаты по долгам, что на развитие средств уже не остается. По этой причине к 2020 году, вероятно, замедлится развитие как минимум пяти стран, которые упустили возможность вложиться в собственный экономический рост.

Таблица 3. Внешняя задолженность африканских государств как фактор риска (2013 год)

Наименование	Валовые внутренние накопления (млрд долл.)	Ежегодное задолжение
Бурунди	0,05	
Гвинея	-0,69	
Зимбабве	-1,95	
Кения	2,48	
Маврикий	1,41	
Мадагаскар	0,3	
Малави	0,15	
Сан-Томе и Принсипи	0,02	
Того	0,05	
ЦАР	0,01	

Источник : World Bank.

Нехватка ресурсов вынуждает страны Африки южнее Сахары активно обращаться к инвесторам и кредиторам, что заметно снижает свободу выбора экономических приоритетов государств континента. Вдобавок к тому, что почти весь экспорт Африки ориентирован на крупнейшие экономики мира, кредитные обязательства еще больше привязывают страны к покупателям их сырьевой продукции. Континент методом проб и ошибок нашел выход – настойчивые требования списания задолженностей, партнерство с набирающими силу государствами (БРИК) и panaфриканская интеграция. Поэтому к 2020 году при отсутствии масштабных кризисов доля ЕС и США во внешней торговле стран Африки южнее Сахары продолжит снижаться – ориентировочно на 5–10 %, а доля внутриафриканской торговли вырастет с 8 до 12–15 %.

Благоприятные условия для экспорта (в африканских условиях это основной фактор развития) обеспечивают государствам региона возможности для накопления капитала и устойчивого экономического роста. Однако при темпах роста 5 % и выше экономики африканских стран столкнутся с нехваткой электроэнергии. Чтобы обеспечить доступ населения к электроэнергии, в Африке необходимо вводить ежегодно генерирующие мощности на 7 тысяч мегаватт (а вводятся до 1 тысячи мегаватт). Страны с большими

объемами добычи углеводородов почти не страдают от недостатка электроэнергии, но используют ресурсы крайне неэффективно. Например, 98 % добываемого в Республике Конго натурального газа направляется для обеспечения нефтедобычи или просто сжигается прямо на месторождении.

В краткосрочной перспективе для некоторых государств внешнеэкономические условия станут неблагоприятными. На рост стран, экспортирующих сельскохозяйственную продукцию, по-прежнему оказывают влияние природные факторы. Так, распространение вируса Эбола и борьба с этим заболеванием на 2–3 года подорвали аграрный сектор в Западной Африке. Например, в Кот-д'Ивуаре заброшенными оказалось 40 % ферм. Поэтому в 2015–2016 годах Западная Африка может столкнуться с масштабным голодом. Кроме того, из-за резкого сокращения экспорта какао-бобов рост экономик стран Гвинейского залива (особенно Ганы, Камеруна, Кот-д'Ивуара и Сьерра-Леоне) снизится до 1–2 %. Аналогично стремительное опустынивание зоны саванн будет сказываться на сокращении поголовья скота в регионе Сахеля.

Очевидно, что на экономику стран-нефтеэкспортеров негативно влияют колебания цен на нефть. В Африке южнее Сахары от этого существенно страдают девять государств, сильнее всего – Ангола и Республика Конго. Географически зона экономического застоя, вызванного низкими ценами на нефть, будет располагаться на атлантическом побережье Африки – от Габона до Намибии. Рост африканских стран-нефтеэкспортеров будет стремиться к 1–2 %.

Основная проблема африканской экономики – недостаточно развитый «человеческий капитал». На континенте прижилась оригинальная, но не слишком эффективная культура труда и сохранилась низкая квалификация работников. «Ползучая» индустриализация континента, которая происходит в последние 10 лет, сталкивается с разного рода вызовами, в центре которых – сами африканцы. Исходя из параметров образованности и здоровья, портрет среднестатистического жителя Африки южнее Сахары – молодой (до 15 лет), недоедающий (в одном случае из пяти) и малообразованный. Кроме того, африканцы с трудом обеспечивают базовые потребности, что является ощутимым препятствием для того, чтобы даже задуматься о формировании инновационной экономики. Этот комплекс проблем Африка южнее Сахары не разрешит как минимум еще несколько десятилетий.

В целом нет оснований говорить о радикальном росте внутреннего спроса и полноценной индустриализации в Африке. Прогресс в решении социально-экономических проблем будет тормозом экономического роста в долгосрочной перспективе. К 2020 году странам Африки южнее Сахары удастся лишь ослабить экспортную зависимость, сбалансировать экспортные отрасли.

Парадоксально, но снижение зависимости от кредиторов и инвесторов будет происходить за их собственный счет. На какие уступки при этом придется пойти африканским руководителям – пока неясно. Вероятность таких уступок неизбежна с учетом сокращения в краткосрочной перспективе выручки стран, ориентированных на экспорт углеводородов и сельскохозяйственной продукции.

Заключение

Будущее России в 2020 году

Сушенцов Андрей Андреевич – американист, кандидат политических наук (2011). Руководитель аналитического агентства «Внешняя политика», эксперт Валдайского клуба, колумнист издания «Лента.ру». Доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России. Его публикации посвящены внешней политике США, европейской безопасности и российско-грузинским отношениям. Автор книг «Малые войны США: политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке» (2014) и «Очерки политики США в региональных конфликтах 2000 - х годов» (2014).

Любой государственный лидер хочет оставить после себя страну более

преуспевающую, чем принял. Последние 15 лет у российских властей это получается. Однако соблазн быстрых тактических успехов не должен вскружить головы и уничтожить перспективу стратегической победы. Для России формула этой победы – непрерывное и стабильное развитие на протяжении минимум 20 лет.

Из всех постсоветских стран именно Россия получила наибольшие выгоды от распада СССР. Однако это очевидно только с высоты лет. Вплоть до 2006 года логика российской политики состояла в том, чтобы смягчить падение и вернуться на уровень валового продукта РСФСР в 1991 году. С тех пор ее стратегическая задача на перспективу – удержание на достигнутых позициях и наверстывание отложенного роста. **Преимущество новой ситуации состоит в том, что будущее России – в ее собственных руках. Правильные решения способны вывести страну на ведущие мировые позиции, ошибки способны на десятилетия затормозить этот прогресс. При этом ни одна внешняя сила не будет способна оказать решающего влияния на стратегию развития России, если она сама не допустит ошибки.**

Исторический опыт делает российское общество и элиту устойчивыми к испытаниям. Среди всех средневековых славянских центров именно Москва, а не Новгород, Киев или Вильна, стала центром собирания русских земель – московская хозяйственная и военно-политическая система оказалась самой жизнеспособной в условиях Восточно-Европейской равнины. В нынешних границах (без Северного Кавказа и Хабаровского края) Россия существует со времен Петра Первого уже более трех столетий. Создание и сохранение в жесткой конкурентной борьбе самого большого государства на планете – несомненное достижение народа России.

Однако помимо уникальных преимуществ Российское государство обладает рядом уязвимостей. Следует помнить, что главным историческим условием использования российских преимуществ были внешний мир и внутренняя политическая стабильность, которые тесно взаимосвязаны. Сквозной нитью последних веков российской истории стал тезис премьер-министра Петра Столыпина: дайте России 20 лет спокойствия, и вы ее не узнаете. К сожалению, история не часто давала России передышку. Не дает ее и теперь.

Стратегические уязвимости России

В будущем Россия останется европейской страной особого типа. Географически центр гравитации России находится в Европе: на 23 % площади страны проживает 78 % населения, здесь производится около 70 % ее ВВП. Однако от других европейских государств Россию исторически отличало несколько особенностей.

Среди всех развитых стран в России – крайне низкая плотность населения (8,4 чел./км² против в среднем 130 чел./км² в Европе). Чтобы понять важность этого показателя, достаточно представить, что могут сделать своими руками в течение года на одном квадратном километре 130 человек и 8 человек.

Плотность населения некоторых государств мира

Страна	Человек на
Великобритания	
Германия	
Италия	
Франция	
Турция	
Украина	
США	
Европейская часть России	
Бразилия	
Финляндия	
Россия	
Казахстан	
Канада	
Австралия	
Азиатская часть России	

Для России исторически были характерны большие расстояния между населенными пунктами, отсутствие естественных препятствий для внешних вторжений, уязвимые коммуникации, северный климат и короткий посевной сезон. Многие регионы страны непригодны для сельского хозяйства, а главные производственные центры находятся вдали от источников энергоресурсов. При этом правительство должно обеспечивать безопасность, а также поддерживать единый социальный стандарт в здравоохранении и образовании в одиннадцати часовых поясах от Магадана до Калининграда. Наконец, индустриализация России 1920–1940 годов проходила не на рыночных, а на планово-экономических основах. Выправление этой ситуации в современной России идет медленно и болезненно.

Все перечисленное в совокупности делает страну хрупкой, производство добавочного продукта – сложным, а социальные перемены – медленными. В XIX веке российский историк Владимир Соловьев справедливо заметил, что география – это мачеха российской истории. **Сложившийся за века особый тип государственности в России – с акцентом**

на централизацию ресурсов – качественно отличается от классического рыночного европейского типа. Это делает трения России и государств Европы по широкому кругу вопросов неизбежными в будущем.

На протяжении последних трех столетий Россия была главным динамическим ядром Евразии и центром притяжения для соседей. Россия одной из первых принесла плоды европейской культуры на Кавказ, в Центральную Азию и на Дальний Восток. Однако будущее евразийского пространства в XXI веке будет определяться не одной Россией, которая будет вынуждена конкурировать с Китаем, ЕС, США, Турцией и Ираном.

Главным вызовом в этой борьбе для России станет ее демография. Как бы успешно ни развивались экономика и технологии, все будет тщетно, если страна продолжит терять население. Именно поэтому система оценки эффективности деятельности глав российских регионов включает демографический критерий как один из главных.

Согласно демографическому прогнозу Росстата на 2020 год, в стране может реализоваться один из трех сценариев: «низкий» – сокращение населения до 141 736 100 человек, «средний» – небольшой рост до 144 473 400 человек и «высокий» – рост до 146 939 400 человек. С учетом воссоединения Крыма с Россией и при условии закрепления повышательной демографической тенденции может оправдаться и быть превышен «высокий» прогноз. Однако этого мало – для успешного и стабильного развития России необходимо минимум в два раза больше населения. Постепенное решение этой задачи возможно при возобновлении ежегодного прироста населения в 0,5–1 %. Нынешний показатель держится на уровне 0,2 %.

Численность и ежегодный прирост населения некоторых стран мира

Страна	Численность населения	Еж
Китай	1 330 141 295	
Индия	1 173 108 018	
США	310 232 863	
Индонезия	242 968 342	
Бразилия	201 103 330	
Россия	146 300 000	
Япония	126 804 433	
Германия	82 282 988	
Турция	77 804 122	
Иран	76 923 300	
Франция	64 768 389	
Великобритания	62 348 447	
Италия	58 090 681	
Украина	45 415 596	

По данным Всемирного банка и Росстата, 2014.

Ключевыми приоритетами России до 2020 года станут повышение рождаемости и сокращение смертности, особенно среди трудоспособного населения. Согласно официальной статистике, 49,8 % смертей вызвано болезнями системы кровообращения, 15,3 % – новообразованиями, 5 % – болезнями органов пищеварения и еще 4 % – органов дыхания. На транспортные происшествия приходится еще 1,5 %. Снижение уровня смертности связано не столько с модернизацией системы здравоохранения, сколько с пропагандой здорового образа жизни (спорта, здорового питания, борьбы с курением и употреблением алкоголя, в том числе за рулем).

Важным источником возобновления человеческого капитала останется ассимиляция мигрантов. Россия продолжит оставаться вторым после США мировым центром притяжения для мигрантов, и до половины роста численности населения страны до 2020 года будет

обеспечено путем их ассимиляции. В 2015–2016 годах этот процесс может усилиться в связи с массовым переездом в Россию русскоязычных семей из Украины.

Наконец, последним главным показателем «государственного здоровья» станет поступательный рост ВВП на душу населения. В 2015 году Россия впервые в своей истории вышла на рекомендуемую медицинскую норму потребления мяса (75 кг в год на человека). Важность этого и других подобных бытовых показателей нельзя недооценивать. Непрерывный рост ВВП на душу населения в США с 1880-х годов позволил сложиться в стране образцово зажиточному обществу, пример которого лежит в основе американской «мягкой силы». Российский ВВП на душу населения в 2014 году (14 612 долларов США) был выше показателей всех стран бывшего СССР, а также многих стран Центральной и Восточной Европы, включая Польшу и Венгрию. До 2020 года целью является восстановление роста ВВП на уровне выше 3 % и достижение уровня в 20 000 долларов США на душу населения, а в перспективе – достижение показателей Италии.

Показатели ВВП на душу населения некоторых стран мира

Страна	ВВП на душу населения, долларов США
США	54 678
Германия	47 201
Франция	45 384
Великобритания	44 141
Япония	37 540
Италия	35 512
Россия	14 612
Польша	14 329

Страна	ВВП на душу населения, долларов США
Венгрия	13 154
Казахстан	12 950
Бразилия	11 067
Турция	10 518
Китай	7 572
Иран	5 165
Индонезия	3 404
Украина	2 979
Индия	1 626

Данные Всемирного банка и Международного валютного фонда, 2014.

Внутренняя политика России до 2020 года

Стратегической задачей внутренней и экономической политики России до 2020 года станет возобновление высоких темпов экономического роста – от 3 до 5 % годовых. В 2014 году власти изложили новую либеральную экономическую программу, нацеленную на поощрение малого и среднего бизнеса. В случае успеха этой программы к 2025 году вклад малых и средних предприятий в ВВП страны достигнет 50 % (в 2014 году их доля была 20 %). Это позволит решить важную государственную задачу – создание в России самодостаточной экономической модели с долей экспорта в ВВП ниже 20 % (нынешний уровень – 28,5 %). В результате это избавит экономику от чрезмерной зависимости от цен на энергоресурсы.

В арсенале властей остаются важные неиспользованные инструменты. Помимо либеральной экономической политики и дирижизма по отдельным вопросам, Москва до сих пор не распахнула важный, но опасный ресурс развития – общественный энтузиазм. Это способ мягкой мобилизации ресурсов путем возбуждения общественной энергии во имя «правого дела». Для России это исторически были идеи воли (свободы) и справедливости. Их интерпретация в современных условиях способна задать нравственные ориентиры для российского общества, стремление к которым необходимо связать с целями развития страны. В 1990-х годах страны Центральной и Восточной Европы этим путем провели социально-политическую трансформацию своих обществ во имя «соединения с Европой» (это, однако, получилось не везде). В Китае идея создания «общества средней зажиточности» мотивирует массы китайцев на усердный труд. Новый «фронт» для России может лежать в освоении Сибири и Дальнего Востока, экономическом росте и удвоении ВВП на душу

населения, повышении рождаемости, покорении космоса, достижении технологического лидерства.

Впервые за всю российскую историю новый фронт должен стать внутренним, а не внешним. Помимо прочего, возвращение национальной идеи развития позволит преодолеть последствия гражданского раскола после Октябрьской революции и гражданской войны начала XX века. При этом необходимо учесть негативный опыт коммунистического эксперимента и не навязывать обществу и личности однозначных оценок.

В целях развития должны подвергнуться корректировке потребительские установки популярной культуры. На первый план должны выйти ценности семьи, здоровой социальной личности, отношения, основанные на честности и доверии. Государство обязано обеспечить безопасность и одинаковые правила работы для всех граждан. Жизненным приоритетом станет борьба с коррупцией, произволом чиновников, устранением избыточного государственного контроля. Общей целью государственной политики должно стать снижение стресса для граждан и экономических агентов. Эти меры позволят возобновить общественный договор и вернуть гражданам веру в себя.

Повторим, что главным условием для этого сценария являются внешний мир и внутренняя стабильность в России. Обеспечить эти условия может только сильная власть, запрос на которую существует в российском обществе. Высоко вероятно, что на президентских выборах 2018 года победу вновь одержит президент Владимир Путин. В этом случае вплоть до 2024 года в России сохранится консолидированная элита, нацеленная на решение задач развития страны.

Как поведут себя российские элиты в случае продолжения конфликтов с Западом? В случае успеха заявленной либеральной программы внешнее давление не окажет существенного влияния на внутрироссийские процессы. Однако в случае ее неудачи могут дать о себе знать структурные проблемы трех уровней.

Во-первых, может вновь обостриться борьба элит «статус-кво», выступающих за сохранение либерально-финансовой модели экономики в России, и групп, ориентированных на индустриально-государственную модель. Идеальной моделью служит гармония их интересов и сбалансированное развитие.

Во-вторых, по примеру 1990 - х годов может возобновиться борьба за власть и экономическое влияние между общероссийской экономико-политической элитой и обособляющимися этническими и региональными группами. Российский федерализм по-прежнему развивается, и нынешняя тенденция состоит в передаче регионам больших полномочий. Однако этот процесс не является необратимым.

Наконец, в случае усугубления противостояния с Западом и неуспеха либерального экономического курса в России возможна реставрация мобилизационного варианта развития. Этот сценарий будет вынужденным для Москвы, но уже сейчас он рассматривается как один из возможных.

До 2020 года среди значимых политических сил России будет выделяться только центристская платформа вокруг фигуры президента Владимира Путина. В силу того, что она включает ведущие либеральные и консервативные силы России, перспектива собственно либеральной оппозиции в стране останется призрачной. Единственным потенциально влиятельным движением останется русский этнический национализм. Однако его выдвижение на заметные позиции возможно только при усугублении социального положения в стране и ослаблении центральной власти.

Внешняя политика России до 2020 года

Поскольку главные возможности для своего развития Россия содержит сама в себе, главной целью внешней политики Москвы до 2020 года должно стать блокирование внешних негативных влияний и избегание втягивания в длительные противостояния с соперниками.

Источники внешних угроз России останутся прежними – исламизм из Сирии и Ирака,

наркотрафик из Афганистана, возможная эскалация конфликтов вокруг Нагорного Карабаха, КНДР или Ирана, гражданская война на Украине. Приоритет сохранения стратегической стабильности с США потребует от Москвы модернизации вооруженных сил, военно-промышленного комплекса, систем глобальной навигации и космической связи. Реагирование на внешние угрозы будет отвлекать ресурсы, однако ослабление способности России проецировать мощь и влиять на события в своем пограничье ударит по национальному развитию.

До 2020 года Россия прекратит попытки спасти «советское наследие» на территории других стран СНГ. После распада СССР основные объекты жизненно важной для России инфраструктуры остались на территории Украины, Беларуси и Казахстана (трубопроводы, железные дороги, порты, военные базы, космодромы и производственные мощности). На протяжении 20 лет логика российской политики состояла в том, чтобы вывести из-под влияния враждебно настроенных соседей главные объекты советской инфраструктуры. Со странами, настроенными по отношению к России дружелюбно, напротив, создавались преференциальные отношения и союзы – это получилось с Беларусью, Казахстаном и Арменией. Одновременно Россия стремилась ослабить свою зависимость от Украины – Москва строила альтернативные трубопроводы в обход украинской территории, новую базу для Черноморского флота в Новороссийске и переносила военные заказы с украинских предприятий на российские. После возвращения Крыма у России больше нет жизненных интересов за пределами ее границ: ни космодром в казахстанском Байконуре, ни прибалтийские грузовые порты, ни белорусские железные дороги не являются предлогом для претензий Москвы. **Москва будет вынуждена вмешаться в дела постсоветских государств лишь при одном условии – если русские общины за рубежом начнут подвергаться репрессиям.** Однако во всех остальных случаях Россия будет избегать вовлечения в конфликты в поясе своих границ.

Хотя к 2020 году Россия не займет место ведущей мировой державы наряду с США и КНР, от того, к кому присоединится Москва, зависит судьба международной конкуренции. Россия станет стратегическим балансиром, в интересах которого будет сохранять независимость своей политики и международных оценок. Нежелание отталкивать Россию в перспективе сделает Запад более внимательным к ее интересам.

Укрепляя свое международное положение, Москва будет стремиться расширить состав участников Евразийской зоны свободной торговли за счет соседей и других дружественных стран, включая Турцию, Иран, Украину, Вьетнам, Индию, государства Центральной Азии и Кавказа. Сохранение консенсуса по принципам глобального развития постепенно сделает БРИКС центром силы, сопоставимым с «группой семи». Этому будет способствовать медленное размывание единства «семерки» по международным и экономическим вопросам.

Важным внешним источником развития для России станет сотрудничество с КНР. Ключевым проектом в этой связи станет китайская транспортная инициатива «Нового шелкового пути» через Центральную Азию и Россию. Параллельно Москва будет стремиться завершить проект европейско-дальневосточного транзита на основе Транссиба и БАМа. Два транспортных проекта будут способны генерировать источник доходов, сопоставимый с доходами от продажи энергоресурсов. При этом прогнозы о демографической экспансии Китая в Сибири и на Дальнем Востоке не материализуются – количество россиян, пересекающих китайскую границу, в 2020 году будет по-прежнему больше, чем китайцев – российскую.

Арктика останется приоритетной зоной технологического и энергетического сотрудничества России со странами Запада. Возобновление полноценного диалога между Москвой и Вашингтоном позволит вернуть на повестку дня сотрудничество ведущих энергетических компаний двух стран.

Исторический опыт конфликтов и преодоления трудностей позволит российской элите и обществу к 2020 году пройти новый крутой поворот истории. Россию часто недооценивают. Несмотря на неоднократные прогнозы о ее распаде, страна крепко стоит

на ногах даже в условиях лобового столкновения с ведущими экономиками Запада. Россия сильна, пока сама верит в свои силы.

Лучшее будущее для России в 2020 году можно выразить в цифрах – это отсутствие международных конфликтов, политическая стабильность, демографический рост в 0,5–1 % ежегодно, процент трудоспособного населения выше 60 %, экономический рост в 3–5 % годовых, уровень экспорта в ВВП ниже 20 %. Достижение этих показателей позволит России безболезненно пройти переломный период 2015–2020 годов и сделает ее будущее твердо обеспеченным на перспективу. Тенденция к этому есть – такое будущее возможно.